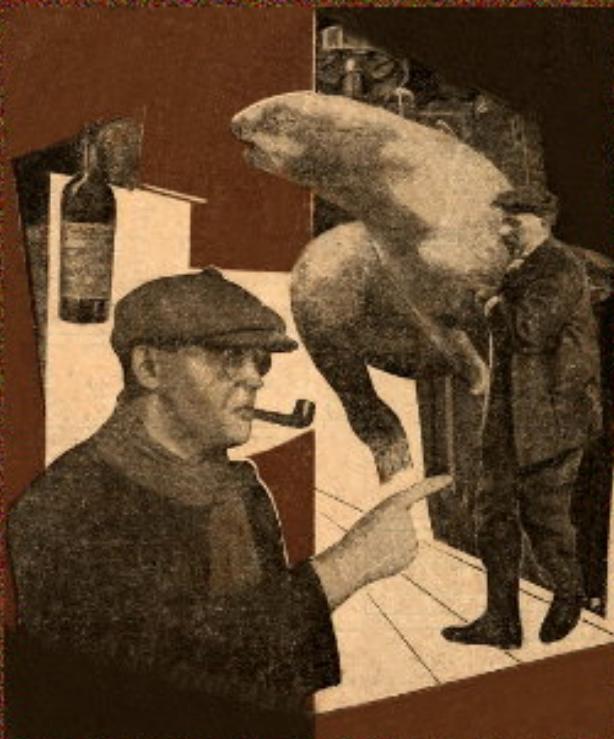

[Polaris]

МАРИЭТТА ШАГИНЯН

**ЛОРИ ЛЭН,
МЕТАЛЛИСТ**

Советская авантюристо-фантастическая проза
1920-х гг.

Том XIX

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCXVIII

Salamandra P.V.V.

**Мариэтта
Шагинян**

**ЛОРИ ЛЭН,
МЕТАЛЛИСТ**

Советская авантюристо-фантастическая
проза 1920-х гг.

Том XIX

Salamandra P.V.V.

Шагинян М. С.

Лори Лэн, металлист: (Советская авантюристо-фантастическая проза 1920-х гг. Том XIX). — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 247 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCXVIII).

Знаменитая авантюристо-приключенческая трилогия Мариэтты Шагинян «Месс-Менд» (1924-1925) — в одной серии и в неискаженном позднейшем советской и авторской цензурой виде. В настоящий том вошел второй роман трилогии — «Лори Лэн, металлист».

ДЖИМ ДОЛЛАР

ЛОРИ ЛЭН

МЕТАЛИСТ

ВЫП.

1-й

ЖЕНА БАНКИРА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

**ЛОРИ ЛЭН,
МЕТАЛЛИСТ**

СТАТЬЯ, ПРОЛИВАЮЩАЯ СВЕТ НА ЛИЧНОСТЬ ДЖИМА ДОЛЛАРА¹

В разгар предвыборной кампании, когда все мои скромные силы были брошены на защиту святого дела потребления злаков и ограждения жизни кроликов, сусликов, зайцев и других млекопитающих, умерщвляемых и поедаемых в нашем штате в удручающем количестве, толпа избирателей обратилась ко мне с просьбой.

Я принужден изложить эту просьбу, хотя она показалась мне богохульной:

— Защити нашего Доллара! — попросили меня избиратели, — на него возвели разную советскую литературу, будто бы он написан бабой. Это надо вывести начистоту. Доллар — американец. Что наше — то наше.

Признаюсь, последнее соображение побудило меня согласиться.

Джим Доллар — отпетый преступник, злоумышленный писака и преходящий клеветник, но было бы бесполезно отказываться от того, что тебе принадлежит. С краской стыда на лице утверждаю и провозглашаю:

Доллар — американец. Поскольку он мужчина, само собой ясно, что он не женщина. Джим Доллар существует, и больше того: я лично, к глубокому моему прискорбию, имел столкновение с этим несимпатичным человеком, в продолжение которого имел случай убедиться в его испорченности и злонамеренности.

Дело было так. Незадолго перед прошлыми выборами ко мне в кухню вбегает, запыхавшись, молодой человек в одежде батрака и со слезами на глазах просит моего содействия:

¹ Предлагаемая статья принадлежит перу преподобного Джонатана Титъкинса, известного вегетарианского проповедника из Штата Массачусетс, и печатается нами в порядке дискуссии.

— Преподобный отец Титъкинс! Помогите мне! Я больше не могу. Я ознакомился с вашей платформой, и у меня прямо-таки разрывается сердце...

Успокоив и ободрив его, я узнал, что он служит на одной из ферм и был свидетелем жестокого обращения своего хозяина с саранчой, каковое сильно подействовало на его нервную систему.

— Вы бы расплакались, — сказал он мне с дрожью в голосе, — если б увидели собственными глазами, как тысячи маленьких телец со своими выводками копошаются убитые, израненные и полураздавленные!..

Картина, нарисованная им, была очень сильна. Вечером мне предстояло выступление на большом митинге. Решаюсь сказать, что я недурной оратор.

И вот, в пылу своего красноречия, развивая золотые заповеди вегетарианства, я не мог удержаться, чтоб не набросать перед очарованными слушателями картину гибели несчастной саранчи.

Неприятно и тяжело рассказывать о последующих минутах.

Меня не выбрали. Грустно признаться, — меня даже слегка ушибли чем-то вроде сырого картофеля. В переднем ряду я успел заметить молодого человека, сообщившего мне о случае с саранчой. Это был Джим Доллар, и он бессовестно хохотал в продолжение всего инцидента.

Теперь, если кто сомневается в личности Доллара, — пусть обратится ко мне. Я готов дать ответ и подтвердить его, если надобно, протоколами тогдашнего предвыборного собрания.

Преподобный Джонатан Титъкинс, председатель Общества Поощрения Животных и почетный член Лиги Мира.

*Город Лас-Батрас,
Штат Массачусетс.*

КЛЯТВА МЕТАЛЛИСТОВ

*Братцы, сбросим рабство с плеч!
Смерть быльям мученьям!
В мир велим металлу течь
С тайным порученьем...
Чтоб металл
В себя впитал
Нагревом и ковкой,
Заклепкой, штамповкой,
Сверленьем, точенъем
И волоченьем,
Дутым, прокатанным, резанным, колотым,
Домною, валиком, зубьями, молотом,
Через станки
От рабочей руки
Клятву одну:
К чорту войну!
К чорту, долой войну!..*

Глава первая

ТЯЖЕЛЫЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО МИНИСТРА

Ровно в девять часов вечера социалистический министр Пфеффер спустился к ужину в пансионе Рюклинг. Министр был на отдыхе. Он принимал воды, ванны и интервьюеров внутрь, снаружи и в коридорах ровно в таком количестве, какое могли вынести его легкие.

— Боюсь, что у меня предчувствия! — произнес он оглушительным голосом, спускаясь по лестнице. — Над Европой тучи. Пролетариат недоволен, хотя мы, с своей стороны, из последних сил прибавляем ему рабочие часы. Нехорошо, очень нехорошо!

Интервьюер благоговейно затряс карандашом. Министр проследовал в столовую. Он элегантно одет, приглажен, побрит. В петлице азалия. На шее модный галстук. Благосклонно оглядев стол, он сел рядом с очаровательной молодой дамой, выставившей из целого вороха кружев и бахромы самый своенравный подбородок, какой только можно себе представить.

Хозяйка пансиона, баронесса Рюклинг, сидела во главе стола. Она зорко следила за тем, чтобы горничная Августа, обносившая пансионеров блюдом, поворачивалась к ним главным образом со стороны морковного соуса, делая подход к жареным фазанам насколько можно более затруднительным. Слабые характеры и ученые умы поддавались на удочку. Дамы грациозно обходили ее. Что касается министра, то он рассеянно ткнул вилкой в морковь, а ложкой мазнул фазана, когда же непроизводительность такого труда дошла до его сознания, блюдо было уже далеко. Вздохнув, министр склонил голову к своей соседке, как вдруг за спиной его выросла фигура лакея, молчаливо держащего поднос с голубым конвертом.

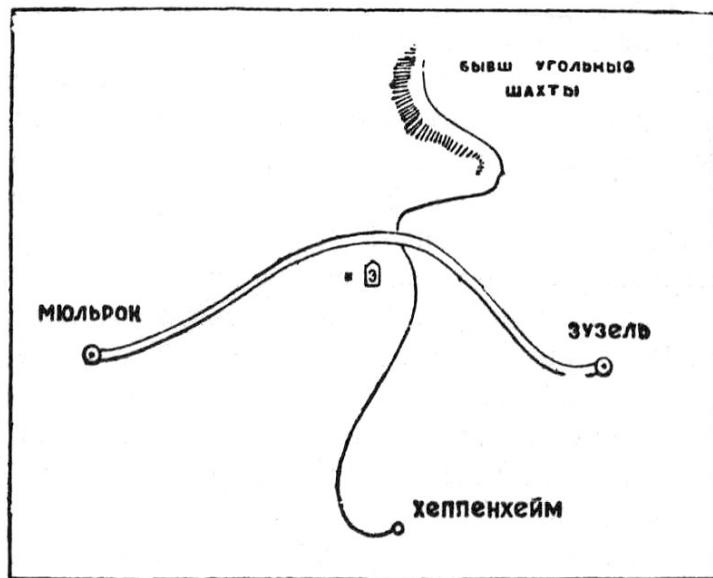
Министр с достоинством принял письмо. Но не успел он

прочесть и пары строк, как лицо его исказилось, руки затряслись, и он судорожно вскочил с места.

— Прошу прощенья, — пробормотал он изменившимся голосом, — я... я не могу оставаться на ужин. Мне надо тотчас же ехать в Зузель!

С этими словами он выбежал из столовой, оставив гостей в высшей степени встревоженными — не столько его уходом, сколько вопросом о справедливом распределении его доли.

Вбежав к себе, министр схватил карту проезжих дорог Южной Германии, разложил ее на столе и отыскал нужное место:

Там, где цифра 3 заключена в белый столбик, он поставил большой красный крест.

Стук! Стук!..

Министр вздрогнул и обернулся. В комнату прошелестело женское платье. Перед ним стояла его очаровательная соседка, сложив ручки и глядя на него растерянными

глазами. Собственно говоря, ее нельзя назвать хорошенькой, особенно сейчас: лицо у нее неправильно и остро, глаза широки, нос короток, рот слишком велик, веснушки чрезсчур заметны, — но есть что-то в ее беспокойной фигурке, что-то такое, что ставит вас в положение человека, ни с того, ни с сего вызванного на китайский бокс.

— Фрау Вестингауз, — воскликнул скандализованный министр.

— Тише! — пробормотала фигурка. — Если вы дорожите моим спокойствием, не ездите в Зузель! Слышите? Не ездите! Не смейте ездить! — Она топнула ножкой.

Пфеффер поднял брови. Он поднял бы их выше головы, если б это было в его средствах.

— Вам известно, как я дорожил вашим обществом, — натянуто ответил он: — но я не совсем понимаю... Я отказываюсь понимать! И, наконец, в данном случае я обязан ехать ради государственных интересов.

Он поискал глазами перчатки. Снова стук в дверь. Женщина затрепетала. Министр с негодованием увидел, как его в высшей степени приличная дама ведет себя хуже какой-нибудь папироносницы! Она втянула голову в плечи, высунула от страха кончик языка и юркнула за занавеску.

Вошел лакей. Он доложил о поданном автомобиле.

Пфеффер облегченно вздохнул, взял шляпу и вышел, твердо решив не оставаться больше в пансионе «Рюклинг», где вождь народа, министр-социалист, может сделаться объектом экзальтации, — ни единого дня и часа.

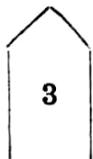
Местечко Мюльрок лежало в огнях. Автомобиль летел в гору, по Зузельскому шоссе, оставляя его за собой все ниже да ниже. Справа в долине был Рейн, слева кустарник и скалы. Министр не смотрел на живописные горные уступы, темневшие в звездном небе, и нетерпеливо нагнулся к светящемуся циферблatu часов. Они проезжали сейчас самым пустынным местом. За поворотом начиналась тропинка, ведшая по непролазным кручам в покинутые угольные шахты. Он торопил шофера. Но этот кожаный малый, послушный как автомобильный рычаг, казался сегодня каким-то странным. Он то и дело поникал плечами, зевал и делал

судорожные усилия воспрять. Внезапно он повертил к министру перекошенное от зевоты лицо:

— Хэрр Пфеффер... Уах!.. Я, кажется, за-за...

Зевота перешла во вздох, вздох в громовой храп, и шофер тяжело свесился в автомобиль. Он спал.

Министр пробормотал проклятье. С ним никогда не случалось ничего подобного! Он перелез на место шофера, сбросив его неподвижные ноги вслед за туловищем. Они летели мимо орешника, скал, столбов... Вот из темноты, в бледном звездном свете, вынырнул белый столбик с цифрой 3.

Министр отчаянно налег на тормоз. И в ту же минуту слева, из-за грушевых деревьев, раздался пронзительный вопль. Голос был не мужской и не женский. Это был нечеловеческий, страшный голос, густой, низкий, с контральтовыми переливами, напоминающими рев тигрицы. От этого вопля волосы у министра зашевелились. Он хотел дать полный ход, заткнуть уши, крикнуть в свою очередь, но ни одно из его желаний не могло осуществиться. Руки и ноги его приросли к месту, губы сомкнулись, язык прилип к гортани, а крик повторился уже у самого колеса автомобиля, и тогда министр, не сознавая, что делает, как сомнамбула, весь белый от ужаса, перекинул ногу и выпрыгнул на шоссе...

Междуд тем фрау Вестинггауз, покинутая им за портьерой, не сразу решилась оттуда выбраться. Сперва она высунула кончик носа, потом кудрявшую голову, потом плечо. Увидя,

что комната пуста, она тихонько прокралась в коридор, как вдруг чьи-то сухие пальцы стиснули ее руку и насмешливый голос произнес:

— Ваше беспокойство, милочка, просто трогательно!

Яркий свет электричества озарил низенького старичка с плешистой головой и множеством морщин вокруг острых крысиных глазок, с приподнятой правой векой от постоянного ношения монокля. Это был банкир Вестингауз. В кабинете, куда они вошли, находился еще человек, полулежавший в кресле.

Женщина метнула на него беспомощный взгляд, но он лениво скривил губы.

— Сядьте, Грэс! — сказал старичок. — С тех пор как мы женаты, это первый случай вашего дурного поведения. Мы недовольны вами, — я недоволен вами, и Луи недоволен вами. Однако я собираюсь вас утешить.

Он взял телефонную трубку и подмигнул красивому брюнету в кресле.

— Allo! Полицейский участок! Вызовите главного агента. Вы слушаете? Прошу отправить жандармов на Зузельское шоссе для охраны министра Пфеффера. Говорит банкир Вестингауз из пансиона Рюкллинг. Никаких сведений, но министр крайне волновался — и, думаю, у него были причины. Вся обстановка его отъезда нам не понравилась... Ну, Грэс, — он повернулся к жене, — что скажете? Нет надобности трястись, милая моя, как веточка мимозы. Вспомните счастливые дни, когда эти пальчики сжимали револьверчик... — Он смерил жену с ног до головы взглядом, который не предвещал ничего приятного. — И зарубите у себя на носу, что ваши фантазии неосновательны, неосновательны, неосновательны. Мы — мирные путешественники. Если вы будете бредить или галлюцинировать, или кидаться в чужие комнаты, то вас придется поместить в клинику.

Глава вторая

УБИЙСТВА НА ОБРАЗЦОВОЙ ДОРОГЕ

Главный полицейский агент Дубиндус и его помощник Дурке сидели друг против друга в канцелярии над ворохом мелких протоколов о краже собак и кошек, а также о голодных смертях в местах общественного пользования и других видах непорядков.

— Что бы вы там ни говорили, — произнес Дубиндус, ударив кулаком по столу, — а на Зузельском образцовом шоссе ни одного протокола! Я всегда утверждал, что это самая лучшая из всех дорог южной Германии. Ну-ка, попробуйте — найдите на ней корку хлеба, пуговицу, папироcный окурок!

— Дайте мне такое место в Германии, где все это можно найти, хэрр Дубиндус, — и я вам уступлю за него ваше шоссе с головой и с хвостом!

Дубиндус только что собрался достойно ответить своему помощнику, как зазвонил телефон.

— Allo! Банкир Вестинггауз? Так... Так... Понимаю! Хорошо!

Он с досадой швырнул трубку и повернулся к Дурке:

— Живо! Автомобиль, жандармов! И чорт меня побери, если там не понадобится парочка кинематографщиков... Едем!

— Куда? — флегматично спросил Дурке.

— За социалистическим министром. Разве вы не знаете, что эта публика не может без покушений! А наш брат лети за ними среди ночи, чтоб схватить какого-нибудь ловкача, который, уж поверьте, заработает на этом деле больше, чем мы с вами за его поимку!

Дурке, кряхтя, пошел исполнять приказ.

Автомобиль был подан. Жандармы вооружились. Дубиндус застегнул револьвер. Через минуту полицейский автомобиль катил по той же дороге в Зузель, по которой четверть часа назад проследовал Пфеффер.

Но за эти четверть часа погода разно изменилась. Ветер стал крепким и гнал на автомобиль целые тучи пыли. Тяжелые облака затянули небо. Деревья по обе стороны шоссе раскачивались со скрипом и стоном.

— Времена! — злобно бормотал Дубиндус. — Социалистические министры! Если б не шоссе, стал бы я служить новой власти... Ведь на этом самом шоссе тому четырнадцать с половиной лет я оштрафовал его величество, императора Вильгельма Миротворца!

История о том, как Дубиндус оштрафовал Вильгельма, была знакома в Мюльроке каждому мальчишке. Жандармы и Дурке потихоньку заткнули уши.

— Да, — продолжал Дубиндус, сверкнув в темноте очами, — в ту пору я был начинающим агентом. Я знал все статьи и параграфы городских положений. Я прочитал от доски до доски свод законов. Ни одна собака в Мюльроке не ходила у меня без намордника. То было время монархического порядка. Славное времечко! И вот еду я как-то по Зузельскому шоссе, и, вдруг, прямо передо мной, неподалеку от третьей версты, стоит автомобиль без номера, а возле него человек в каске, — Дубиндус торжественно откашлялся, — человек в каске...

Крак! Его собственный автомобиль стал, как вкопанный. Шофер нырнул вниз и через секунду крякнул профессиональным тоном, протягивая что-то на ладони:

— Шина лопнула! На-те!

Полицейский агент схватил острый осколок какого-то сине-серого камня, добытый шофером из-под колеса, и в бешенстве сунул его в карман. Камни под полицейским автомобилем! На образцовом Зузельском шоссе! По самой середине шоссе! И — что хуже всего — у них нет запасной шины, и оставшийся путь им придется сделать пешком!

Кряхтя и сутулясь полез из автомобиля Дурке. Бряцая ружьями, выпрыгнули жандармы. Изрыгая ругательства, вывалился Дубиндус. Он приказал шоферу провести машину в кусты и поспешно зашагал во главе своего отряда.

Над шоссе разыгрывалась сухая буря. Целые валы из щебня, пыли, песку, сухих листьев сбивали их с ног. На рас-

стоянии шага не было слышно ничего, кроме ветра. Это имело, впрочем, свою хорошую сторону, скрдывая их приближение, — ибо не успел вынырнуть из темноты белый столбик с цифрой 3, как наш отряд наткнулся на какого-то человека, наклонившегося над дорогой. В ту же секунду человек вскочил и бросился от них в сторону. Жандармы помчались наперерез, один ударил его прикладом по спине, а другой схватил за рубаху.

— Стой! — злорадно изрек Дубиндус, засветив электрический фонарь: — поработал и баста!

Он направил фонарь на пойманного человека. Это был несомненный бродяга, — впрочем, довольно красивый, — в холстиновой рубахе, штанах и сандалиях на босу ногу. Лицо его было полно такой досады, что Дубиндус не без удовольствия надел бы на него намордник.

— Ничего, приятель, дома подождут! — продолжал он, обшаривая его карманы. — Кусок пирога, веревка, план местности, один, другой, третий, четвертый камень... целая дюжина камней...

И все они оказались точь в точь такими, какой подобрал шофер из-под лопнувшей шины.

— Мошенник! Кто ты такой?

— Прохожий, — ответил бродяга на скверном немецком языке.

— Иностранец?

— Прохожий.

— А вот я тебе покажу прохожего, бестия! — зарычал полицейский агент, подступая к нему поближе. Но в эту минуту Дурке дотронулся до его руки. Он был бледен и трясся, как в лихорадке.

— Хэрр Дубиндус, — прошептал он, указывая куда-то пальцем!

Агент обернулся. Полукруг фонаря освещал скалистую часть шоссе за белым столбиком. Там лежал человек, раскинув ноги и руки. Это был министр Пфеффер собственной особой, министр Пфеффер, элегантно одетый, с азалией в петлице, в чудесных лакированных ботинках. Цилиндр

скатился у него с головы, палка упала к ногам, затылок был плотно прижат к земле.

— Как вы себя чувствуете, господин министр? — почти-
тельно осведомился Дубиндус.

Никакого ответа.

— Мы изловили вашего злоумышленника.

Молчание.

Дубиндус наклоняется вниз и вскрикивает от ужаса. Ми-
нистр холоден — но это бы ничего, министр мертв — но и
это еще ничего. Оба глаза министра выпучены прямо на Ду-
биндуса с выражением такого безумия, что у полицейского
агента подкосились ноги.

— Убийство! — прошептал он: — убийство на Зузельском
шоссе!

Бродяга уставился туда же, куда был обращен фонарь.
При слове «министр» он вздрогнул. Досада на его лице сме-
нилась изумлением и интересом. Между тем Дубиндус и
Дурке медленно обошли убитого, всюду водя фонарем; они
внимательно шарили в траве и кустах, подвигаясь вперед
по шоссе, пока не наткнулись на кузов автомобиля. Это
был автомобиль министра Пфеффера, в полном порядке и
исправности. Он стоял вкось, уткнувшись в скалу, с сильно
поцарапанным лаком. Шофер лежал головой вниз, ногами
вверх между двумя сидениями. Дубиндус немедленно схва-
тил его за ноги.

К его удивлению, ноги слабо брыкнули. Он прислушал-
ся — шофер храпел. Вытащив его с большими усилиями
наружу, Дурке и Дубиндус увидели здоровенного малого с
налитым кровью лицом и плотно стиснутыми ресницами.
Он спал, несмотря на все толчки, щипки и оклики.

— Шофер усыплен. Убитого надо оставить, как есть, до
приезда врача. Дурке, вы останетесь при нем с жандармом,
а я отвезу преступника в город!

С этими словами Дубиндус сделал знак, и бродягу за ши-
ворот втащили в автомобиль. Несчастный Дурке проводил
их глазами, побелевшими от страха, и, проклиная себя, Ду-
биндуса и ministra, залез под прикрытие скалы с оставлен-
ным жандармом. Как раз во-время! Не успел автомобиль

отъехать, как сухая буря явно превратилась в мокрую, бросив на Зузельское шоссе целый водопад грязного сильного сплошного дождя.

Глава третья

ФОКУСЫ ПОД ДОЖДЕМ

— Служба! — сплюнул Дубиндус, залезая головой в капюшон: — и мокни, и дрогни, и сохни, и все это за какой-нибудь республиканский орден, который от стыда заткнешь в плевательницу, а не в петлицу. Куда ты, чорт?!

Последнее восклицание относилось к автомобилю. Управляемый его собственной рукой, он то и дело приподыбал передние колеса, как какой-нибудь кенгуру.

Агент круто повернул рычаг. В ту же минуту автомобиль ринулся вперед, делая молниеносные зигзаги направо и налево и шмыгая кузовом, как хвостом. На лице жандарма выдавилась ироническая гримаса. Дубиндус вытаращил глаза.

— Всю жизнь ездил... — бормотал он, борясь с темнотой, ветром, дождем и игривостью машины: — а этакого, этакого... Не подсунули ль в него какого-нибудь пойла вместо бензина! Поло-жи-тель-но не автомобиль, а мартовский кот.

Не успел он договорить, как его собственный сапог, бряцая шпорой, стал выделять те же самые зигзаги. Напрасно он налегал на ногу всем своим корпусом, — никакой груз не мог образумить этой подставки, отплясывавшей вместе с автомобилемдискую пляску. Сдавленный хохот жандарма дошел до его слуха. Дубиндус рявкнул, сбросил капюшон и затормозил. Но не тут-то было! Лакированное животное точно взбесилось. Оно немедленно уткнуло нос в землю, а задние колеса вместе с сидением задрало на неприличную высоту. Дождь между тем лил и хлестал сплошными канатами. Не прошло и минуты, как главный агент, полезший под машину с фонарем, был вымочен до последней нитки. Вода текла у него по лицу, за воротник, в сапоги, в карманы. Портфель, где лежали бумаги и отобранные у преступника вещи, превратился в тыкву.

— Тут все в полном порядке! — проревел он и вылез из-под автомобиля. — Надо думать, это атмосфера. Давление осадков. Держи убийцу за шиворот и следи, чтоб он не фокусничал!

Жандарм, мокрый, как белый медведь в бассейне, давно уже стискивал свою жертву, плавая с ней вместе по сиденью. Дубиндус тронул рычаг. На этот раз машина грациозно лягнула и пошла вперед нервной, женской походкой, пошевеливая кузовом направо и налево. Это все же было постепенным движением, хотя и малоцелесообразным, и через несколько минут впереди, сквозь тьму и влагу, заблестели первые огни Мюльрока. Здесь шоссе делало крутой спуск. Автомобиль слетел вниз мячиком. Слева стояла отвесная скала, кой-где опущенная дубом, справа начинались дачи. Через минуту они будут на городской площади...

— Стой! Держи! — завопил вдруг жандарм неистовым голосом.

В ту же секунду на плечи Дубиндуса вскочили чьи-то ловкие пятки, мазнули его по голове и взвились в пространство. Он затормозил и повернулся. Перед ним было искаленное лицо жандарма. Пленник исчез.

— Что это значит? — заревел Дубиндус. — Да куда ты глядишь, собачий насморк, куда ты глядишь?!

Жандарм глядел не по сторонам, не вслед пленнику, а на дуло собственного револьвера. Глаза его были перекошены от ужаса. Дубиндус увидел, как из револьверного дула с птичьим чирканьем одна за другой тихонько выползали пули и падали вниз. Он вытащил свой собственный, тупо уставившись на смертоносную штучку. Чорт возьми, револьвер был разряжен. А пули? Он сунул руку за пояс и вытащил несколько шариков, еще трепетавших у него на ладони.

— Дур-рак! Осел! — процедил он, налегая изо всех сил на согласные буквы, как если б они могли изгнать из мыслей жандарма всю метафизику: — только и было тебе дела, что держать его за шиворот. Струсишь... К черту фокусы! Дай прожектор.

Яркая полоса света взвилась над скалой. Прямо против них шевелились огромные ветви дуба. Преступник полз по ним, даже не делая попыток спрятаться. Дубиндус вытолкнул жандарма на шоссе:

— Стой тут, как истукан! Это пансион Рюклинг, видишь балкон над скалой? Ему отсюда никуда не удрать. Я оцеплю дом. Смотри, если проворонишь его вторично!

С этими словами он выхватил свисток и помчался к полицейскому участку.

Голубая спальня жены банкира, несмотря на поздний час, была освещена полным светом. За маленьким мраморным столом сидело трое людей, изучавших какие-то бумаги. Один из них был банкиром, другой виконтом Луи де Монморанси, третий высоким седым человеком военного вида. Неподалеку от них, в кресле, лежала Грэс Вестингауз, щуря глаза и борясь с желанием уснуть. Был второй час ночи, когда со стороны балкона послышался шум, прервавший однообразный шум дождя. Балконная дверь распахнулась, обдав их водой и ветром, и в комнату ввалился мокрый, полуоголый, до крови ободранный человек.

Военный выхватил револьвер. Мокрый человек поднял обе руки, но в ту же минуту зашатался и упал на пол. Он был в обмороке. Трое людей переглянулись в изумлении. Грэс встала с места. Внизу, между тем, послышалась суетня и хлопание дверей. Пансион Рюклинг был разбужен в необычное время.

— Я узнаю, в чем дело... Спрячьте бумаги! Разойдитесь по комнатам! — прошептал банкир, сбрасывая смокинг и натягивая ночной халат. Монморанси и военный подбежали к стенному зеркалу, перевернули его вокруг оси и исчезли в потайной двери. Банкир потушил свет и, оставив жену и упавшего человека в полной темноте, осторожно выбрался из комнаты.

Спальня его жены была единственным помещением третьего этажа. Корridor, обтянутый ковром, вел на винтовую лестницу, спускавшуюся во второй этаж. Здесь, в плетеном

кресле, всю ночь дежурила сестра милосердия. Сейчас она стояла, нагнув голову через перила, и прислушивалась к шуму, доносившемуся снизу.

— В чем дело, сестра?

— Не могу понять, херр Вестингауз! Внизу полиция!

Перескакивая через ступеньки, к ним со всех ног летела горничная Августа. Лицо ее горело от возбуждения, глаза так и сияли. Наткнувшись на банкира, она затараторила что есть мочи:

— Убийство, херр Вестингауз! Убит министр Пфеффер! Убийца в комнате вашей жены... Не пугайтесь, не пугайтесь! Сейчас к вам придут жандармы. Он не успеет ничего сделать...

— Какой убийца? — с тревогой спросил банкир.

— Поймали на шоссе! Простой бродяжка, херр Вестингауз. Министр-то ограблен до самой что ни на есть ни-точки!

Последнюю фразу Августа произнесла от чистого сердца, поддавшись полету воображения и всплеснув обеими руками. Но именно эта фраза имела самые неожиданные последствия. Банкир вздрогнул, лицо его исказилось, он схватил полы халата и помчался к жене.

Глава четвертая

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ГОЛУБОЙ СПАЛЬНЕ

Грэс стояла у балконной двери, готовая каждую минуту броситься со скалы. Страшный человек посреди ее комнаты лежал неподвижно. Банкир зажег электричество, запер дверь на ключ и кинулся к беглецу. Он стал на колени, изучая его лицо, руки, одежду. Сомнения нет, перед ним был бродяга или рабочий, с истощенным лицом, с грязными руками, в нищенской одежде, босой...

— Воришка! Воришка! — в каком-то отчаянии воскликнул он, хватая его за ворот. — Грэс, берите его за ноги, скрей!

Грэс повиновалась.

— Куда?! Куда вы тащите, сумасшедшая, безголовая женщина! — прорычал он, щипля ее до крови. — Кто вам говорит — на балкон? Кладите его на кровать. На собственную кровать. Так. Двигайтесь или я укушу вас в плечо. Дальше к стене! Прикройте его с головой одеялом. Теперь живо — платье, чулки, башмаки, раздевайтесь, чепчик на голову. Марш в кровать, спрячьте его своим телом. Что? Вы не слушаться!

Банкир оскалился и подпрыгнул, как кошка. Он загнал ее на кровать, бросил на нее одеяло и ударом ноги вплотную придинул ее к беглецу. Потом он схватил ковер и натянул его вплоть до балконной двери, скрыв мокрые следы человека. Потом он запер балконную дверь на ключ, заставил ее мраморным столиком, перенес на него графин с водой, потушил электричество, бросил туфли и присел на кровать к жене.

— Слушайте меня! — зашипел он зловещим голосом. — Сюда придет полиция. Она не должна его найти, иначе она вцепится в него и состряпает обыкновенное убийство! Все наше дело сойдет на-нет! Зарубите у себя на носу, что в вашей спальне никого и не было!

За дверью послышались шаги.

— Душечка... чмок, чмок! — докончил банкир, целуя воздух самым громогласным образом. — Чорт возьми, кто там?

— Августа сказала, что она предупредила вас, дорогой херр Вестингауз. Прошу извинения... Ужасное несчастье!

Вестингауз спрыгнул с кровати и приоткрыл дверь. У него было самое невинное лицо в мире, — лицо потревоженного супруга.

— Это вы, баронесса? — Как, и полиция?.. Августа плела какую-то чушь, я не придал ей значения... В чем дело?

— Мы должны оцепить и обыскать эту комнату, херр Вестингауз, — вмешался полицейский агент: — через ваш балкон скрылся убийца. Он не мог никуда убежать, кроме вашей комнаты.

— Убийца?

— Мы словили его над трупом министра Пфеффера.

— Ай! — вскрикнул банкир. Он тотчас открыл дверь и зажег электричество: — Моя жена в кровати. Умоляю вас не тревожить ее этим ужасом!

Дубиндус и жандармы деликатно отвернулись от алькова банкирши и прошли прямо к балконной двери. Она была заставлена столом.

— Давно стоит этот стол?

— Мы придвигаем его на ночь...

— Гм! Гм! — Агент прошелся по комнате, заглянул под столы, в шкафы, за портьеры, в ванную, умывальную, уборную, — нигде ни следа! Он отодвинул столик и вышел на балкон. Дождь давно смыл с него всякое пятнышко. Дуб стоял неподвижно. Скала чернела, отполированная ливнем.

Никогда еще Дубиндус не испытывал злости, подобной сегодняшней. Он наклонился с балкона и свистнул. Жандарм откликнулся.

— Преступник здесь, чорт возьми! — решил Дубиндус.

— Я вынужден буду оцепить дом. Прошу всех присутствующих оказать правосудию помощь.

— Разумеется! — с полной готовностью ответил банкир, провожая полицию до дверей.

Вернувшись к жене, он оскалился и шепнул:

— Смотрите же, Грэс! Я должен бежать вниз. Пока дом не будет оставлен в покое, прячьте его, как хотите, где хотите. Потом мы его выбросим. Мелина уехала. Он может сойти за Мелину.

С этими словами Вестингауз прокрался в коридор.

Грэс лежала рядом с неподвижным человеком. Она промокла и продрогла. Холод его измокшей одежды, лихорадка, сводившая ему кости, передались и ей. Когда полицейский ходил по комнате, она вложила пальцы в открытый рот незнакомца, чтобы стук его зубов не раздавался из-под одеяла. Он был в беспамятстве.

Между тем ливень умолк, небо очистилось, и начинавшийся рассвет проник в комнату. Серые глаза Грэс только теперь разглядели того, кто лежал с ней рядом. Это был совсем молодой человек, не старше ее, с безволосым овалом, коротким прямым носом и нежной линией рта. Он не имел в себе решительно ничего страшного. Он не был похож на убийцу. Грэс скользнула взглядом по его рукам. Эти руки с запекшейся кровью были исцарапаны и грязны. Но форма ногтей и длина безжизненных пальцев могли бы удовлетворить самый причудливый вкус. Старый банкир ошибся. Несчастный не мог быть ни преступником, ни воришкой. Это, наверное, переодетый принц...

— Принц! принц!.. — Он не открывал глаз.

Она протянула руку и коснулась его лба. Он горел. Она отвела мокрую прядь волос, мягкую, как у новорожденного ребенка, и вдруг ее охватила волна нестерпимой нежности. Ей захотелось поцеловать его в губы. Полузакрыв глаза, она приблизилась к его лицу, поймала его дыхание, вздохнула протяжным вздохом и губами взяла его губы, как делают глупые молодые жеребята со всем съедобным и несъедобным. Лучше бы ей никогда не проделывать этого опыта! Беглец ответил ей на поцелуй. Бессознательным движением он привлек ее к себе и продолжал искать ее губы. Не в силах противиться никогда не испытанной сладости, уже не веря, что это действительность, а не сон, Грэс отвечала на поцелуй, пока что-то сильное и острое не заставило ее почти потерять сознание. В ту же минуту она поняла,

что произошло нечто такое, чего у нее никогда не было ни с мужем, ни с любовником (ибо Грэс воображала, что имеет мужа и любовника), — короче сказать, она стала женой неизвестного человека, может быть, убийцы и во всяком случае бродяги, — женой человека, лежавшего в лихорадке и беспамятстве, грязного, чужого, пожалуй, умирающего, с которым она еще не обменялась ни единым словом...

Грэс вскочила, уставившись на него диким взглядом. Он лежал с безжизненно-серым лицом в глубоком, спокойном сне. Вряд ли он даже во сне видел и помнил ее черты. Тогда, с истинно женской логикой, она топнула ножкой и погрозила кулаком, — не по его адресу, а по адресу своего воображаемого любовника, виконта Луи де Монморанси.

Глава пятая

КОНЦЕССИОНЕРЫ КАТАРСКИХ РУДНИКОВ

Виконт Луи де Монморанси засыпал только к утру. Происходило это потому, что раздевал виконта лакей Поль, массировал виконта лакей Поль, обтикал виконта лакей Поль, закрывать же глаза приходилось самому виконту по той простой причине, что нельзя поручить закрыть себе глаза, поскольку ты еще не покойник.

Операция закрытия глаз требовала от виконта больших нравственных усилий. Он был решительным противником самодеятельности. И в эту ночь, потрудившись в поте лица над смыканием своих век, он, наконец, достиг удовлетворительного результата.

Но в ту же минуту дверь в его комнате хлопнула, и банкир Вестинггауз приблизился к его постели.

— Луи, вы спите?

— Я только что собирался уснуть, — сердито пробормотал виконт, — приди вы минутой раньше, мне не пришлось бы зря закрывать глаза!

— Повидимому, это вам труднее, чем ночное закрытие сейфов в кладовых моего банка, — отозвался банкир. — Вы, кажется, забыли, что сегодня совещание! И потом, Луи... нам следует поговорить о крошки.

Из груди виконта вырвался тяжелый вздох.

— Она стала капризничать. С ней надо ладить. Что вам стоит, Луи, быть чуточку поласковой?

— Что стоит! — виконт положительно затрапетал от негодования. — Я удивляюсь глупейшей затее влюбить ее в меня! Это... это решительно то же самое, что отсылать в канцелярию от одного письмоводителя к другому. На языке клерков это называется «водить».

— Вы никогда не убедите меня, что у вас нехватает сил на два-три поцелуя в день, — спокойно возразил Вестинггауз. — Между тем у нас были бы развязаны руки по части ее капризов. И заметьте, я говорю сейчас не как муж, а как

политик. Наступают в высшей степени ответственные минуты!

В этом он был прав, и Монморанси не мог с ним не согласиться. Он дотянулся до стенного звонка. Лакей Поль, похожий на кладбищенскую статую, молчаливо вырос перед кроватью, чтоб совершить над виконтом ряд обратных операций, вплоть до водворения его на обе ноги перед туалетным столом.

Банкир дождался окончания этой процедуры, схватил своего друга под-руку и протащил его по пустынному, слабо освещенному предутренним сумраком коридору в свой собственный номер. Там, в полном безмолвии, сидело три человека азиатского происхождения. Один из них был высокий, мрачный грузин — князь Нико Куркуреки, другой армянин из Ленинакана — мосье Надувальян, и третий — татарский бек, Мусаха-Задэ. Все трое имели в лице своем чрезвычайную внушительность и, сев рядышком, мерили друг друга недоверчивыми взорами. Все трое не пожелали снять своих головных уборов.

— Вот позвольте представить вам, дорогой виконт, — его сиятельство Куркуреки, его высокопревосходительство Мусаха-Задэ, а также известный мосье Надувальян... Виконт Луи де Монморанси.

Внушительные рукопожатия. Хотя виконт, с своей стороны, не тратил на них никакой энергии, он почувствовал, что его растряслось не меньше, чем от прогулки на верблюде.

Рассевшись вокруг стола, компания некоторое время подготовительно молчала. Наконец Вестингауз разложил огромную немецкую карту Советской страны, составленную на основании новейших данных.

— Вот Зангезур, а вот и красный кружок, — это ваши бывшие Катарские рудники, дорогой виконт. Вы бывали там?

— О! — произнес Монморанси испуганно. — Я получал еженедельный отчет от моего управляющего. Дела шли недурно.

— Нас интересует другое: годится ли это место как база для нашего предприятия?

— Зачем не годится? Годится! — вступил мосье Надувальян, отодвигая карту в сторону. — Там можно делать дела. Я вам гарантирую сигнализацию на аэроплане, подготовку газов, склад вооружений и химический завод.

— Годится, — мрачно отрезал грузин, сверкнув глазами.

— Наша граница на Борчалу недалеко. Сто тысяч грузинских войск будут готовы по мановению кинжала!

— А я посажу на коня еще триста тысяч человек, — вставил Мусаха-Задэ.

Вестингауз и Монморанси переглянулись. Дело шло, как по маслу. Представители трех внушительных групп — грузинских и татарских националистов и армянской денежной знати — гарантировали им успех. На это стоило рискнуть!

Вестингауз вынул из кармана три увесистых пачки.

— Итак, господа, Лига принимает вас в члены. Виконт Луи де Монморанси, бывший главный пайщик Катарских рудников, передает все бумаги и документы мосье Надувальяну, получившему на свое имя концессию от Советского Союза. Он вручает вам, кроме бумаг, еще небольшую сумму на следующие операции...

Здесь банкир был прерван. Портъера поднялась. В комнату вошли два высоких краснолицых человека.

— Господа, вы знакомы? Лучшие умы закавказской эмиграции: князь Нико Куркуреки, полковник Мусаха-Задэ, известный мосье Надувальян... Принц Гогенлоэ, генерал Дюрк. Садитесь, садитесь. Итак, Катарские рудники становятся нашей базой. Мосье Надувальян получил на свое имя концессию, виконт уступает ему все свои формальные права. Мы выдаем мосье Надувальяну сумму, потребную на организацию химического завода, устройство связи, аэродрома, склада и прочего. Князь Куркуреки и полковник поедут вместе с ним, как пайщики предприятия, и получат такие же суммы для вооружения, подготовки восстания и пропаганды. Днем открытого выступления можно назначить...

— Позвольте! — вмешался генерал Дюрк. — День открыто го выступления должен совпасть с объявлением войны Союзу. Наши планы могут тормозиться. К нам впутываются дураки. Я дал распоряжение, любезный Вестингауз, чтобы осел, оцепивший ваш дом, был немедленно устранен от службы. Следствие по убийству министра будет передано Карлу Крамеру.

Вестингауз выпучил на него глаза.

— Карлу Крамеру! Этому ду-рач-ку!

— Этому ба-ра-ба-ну! — воскликнул Гогенлоэ.

Дюрк выразительно поглядел на банкира и принца.

— Карлу Крамеру, — повторил он странным голосом. —

А теперь еще один вопрос. Я надеюсь, вы уж обдумали, кто из нашего штаба будет послан с ними в Зангезур?

Куркуреки, Мусаха-Задэ и Надувальян вспыхнули от оскорбленного самолюбия. Монморанси побледнел от страха.

— Как можно туда ехать? — промямлил он кисло. — Это необыкновенно далеко, и там нужно садиться на мулов, верблюдов или что-то в этом роде!

— Нам нет нужды садиться ни на что, кроме Юнкерса, — сухо отрезал Дюрк, — впрочем, этот вопрос будет передан на обсуждение Лиги.

Пакеты и пачки разданы. Заседание закрылось. Тряска рук, причинившая сердцебиение Монморанси, в конце концов кончилась, как и всякая другая неприятность. Но подумать только: они собираются послать кого-то в Зангезур!

Глава шестая

ДУБИНДУС КЛЯНЕТСЯ СВОИМ МУНДИРОМ

Дурке только что с аппетитом съел рагу из домашней котлетки, приготовленное фрау Дурке в честь дня рождения одного из кронпринцев, как вдруг раздался сильнейший стук в дверь. Дурке заглянул в замочную скважину и отпер. В комнату влетел племянник Дубиндуса.

— Дядюшка требует вас к себе, скорей, скорей. Гм, как у вас славно пахнет!

— Анилиновыми красками, дружочек, — угрюмо ответил Дурке, нацепляя на себя все служебные значки. — Вредный, очень вредный запах. Как зайдусь крашеньем, так, повериши ли, теряю волосы. Придержи-ка ноздри и глотку, если собираешься отрастить усы.

С этими словами он выпер мальчишку из комнаты и, не теряя времени, выскочил оттуда сам.

— Ну-ка, что с твоим дядей?

— Не спрашивайте, хэрр Дурке, не знаю. Дяденька получил какой-то пакет, скинул с себя все, что есть: сперва сапоги, потом брюки, потом мундир, потом фуфайку и, как остался в одном исподнем, велел мне лететь за вами.

В несколько прыжков они достигли приличного деревянного домика в туличке, полученного Дубиндусом по наследству от покойной жены, и не успели дернуть звонок, как дверь распахнулась.

Величественный, страшный, налившийся кровью полицейский агент, в одной рубахе, стоял на пороге. Глаза его метали искры. Волосы торчали дыбом. Усы шевелились.

— Дурке, — произнес он хрипло, — отныне я не призываю вас по службе. Если я что прикажу, а вы исполните, так это по обоюдному согласию. Службы нет, она кончена.

Дурке сел на лавку, мальчишка забился за его спину.

— Служба отстранена, — слышите ли? Отстранена от меня и от вас. Пошел ты, щенок! — Последнее восклицание в сопровождении подзатыльника относилось к племяннику.

Дубиндус вышвырнул его за дверь, запер ее на ключ в два оборота и заходил взад и вперед по комнате.

— Нынешнего утра в восемь часов двадцать три минуты принесли мне бумагу о сдаче обязанностей. Пятнадцать лет непорочной службы! И все из-за того, что мы с вами надеялись ошибок... Упустили убийцу... Преследовали воришку... Потревожили именитую публику среди ночи. Одним словом, Дурке, все это оттого, что я, — Дубиндус торжественно понизил голос, — напал на правильный след!

Дурке выслушал речь своего бывшего начальника в холодном поту. Безработный! И как раз в тот день, когда съели последнюю кошку.

— Тсс! — продолжал Дубиндус, хотя Дурке производил столько же шума, сколько часы с прищимленным маятником. — Не бойтесь ничего. У меня кое-что накоплено. Хватит. Я арестовал императора Вильгельма. Уж не думаете ли вы, что я устраниюсь перед каким-то социалистическим министром? Я арестую его! Я обвиню его!

— Но ведь он убит, хerr Дубиндус, — пролепетал Дурке.

— Это ничего! Дурке, несите сюда мой мундир. Он лежит на полу. Кладите его на колени, между мною и вами! Так! Дайте вашу руку. Повторяйте за мной:

«Клянусь мундиром бывшего полицейского агента, достойного Леопольда Дубиндуса, в том, что раскрою все интриги социалистов и поймаю убийцу, скрывшегося в пансионе Рюклинг».

Дурке дрожащим голосом повторил мрачную клятву. В ту же минуту тень с лица Дубиндуса спала, очи Дубиндуса прояснили, а ноги Дубиндуса самым спокойным образом полезли в брюки. Оdevшись и пригладившись, бывший полицейский агент с хитрой улыбкой подмигнул своему помощнику и досталувесистый кошелек.

— Что вам говорит этакая штучка, а? — пробормотал он весело. — Штучка говорит о монархических временах. Не робейте, Дурке, держитесь за меня. Я холост, наследникам от меня не дождаться ни пфеннига. Эти золотые кружочки

пойдут на исполнение нашей клятвы. Живо, в путь!

Он схватил бывшего своего помощника за воротник и с такой быстротой отворил дверь, что расплющил нос оскорбленному наследнику, изучавшему замочную скважину. Через пять минут они были у пансиона Рюклинг.

— Хорошая погода! Приятно размять косточки. А ну-ка, что вы скажете насчет запаса кислых груш, лотка, непромокаемой куртки и складного столика? Через час они будут у вас в руках. Вы получите суточные и полную выручку. Следите краем глаза за выходящими, выпрыгивающими и вылезающими. Стоит молодчику появиться, как вы вскочили на велосипед и марш за ним. Он пешком, и вы пешком. С каждой остановки телеграфируйте или посыльайте посыльного. Не выпускайте его из виду, хотя бы он мчался в Бразилию. Кислые груши предоставьте моему попечению. А проездные, суточные и прочие лежат тут, в этом самом кошельке, который перейдет в ваш карман, если только вы обещаете записывать расходы.

— Херр Дубиндус, — пробормотал растерявшийся Дурке, — ну, хорошо, я буду выслеживать, да толк-то какой?

— Толк! А вы забыли про камни? Про покушение на автомобиль должностного лица Республики, ибо тогда я еще был должностным лицом? Ха-ха-ха, Дурке, мы тоже умеем пользоваться покушениями! Пока вы будете разъезжать, Дубиндус собирает такой материальчик, что ни одна власть не посмеет отказать ему в бланке для ареста!

Они обогнули пансион. Часовые, расставленные бывшим агентом, не знали об увольнении начальника и рапортовали ему, что убийца не показывался.

Между тем на кухне пансиона Рюклинг шло приготовление ко второму завтраку. Баронесса, повязанная фартуком, накладывала на блюдо холодную телятину, строго выдерживая плоскостной принцип и создавая иллюзию глубины с таким знанием дела, точно она обучалась перспективе в казенной Академии Художеств.

— Если так будет продолжаться, Августа, — сказала она с тяжелым вздохом, — я разорена! Шестой пансионер потребовал завтрак к себе в комнату. Такие ли теперь времена?

Одно дело скушать с блюда за табльдотом, а другое дело видеть это блюдо с глазу на глаз в своей комнате. Ты помни, Августа, когда понесешь поднос фрау Вестингауз, гляди ей прямо в глаза, пока она не возьмет сколько нужно. Люди должны брать сколько нужно! Чуть выпадет случай, они берут сколько не нужно.

Выслушав эту речь, Августа приняла поднос и отправилась наверх, сопровождаемая самой баронессой. У дверей Грэс Вестингауз они были разбиты на-голову. Худенькая ручка взяла у них завтрак, отклонила услуги Августы и щелкнула замком перед самым их носом.

Глава седьмая

ГОРНИЧНАЯ У ХОРОШЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Бродяга в кровати Грэс Вестингауз не просыпался. Первый завтрак был доставлен в комнату, а он спал. Второй завтрак помещен на подоконник, где Грэс намеревалась скопить для убийцы достаточное количество калориев в прямой убыток баронессе Рюклинг, — а он спал.

Утром к ней заглянул банкир Вестингауз.

— Ваше положение глупо, дорогая! — шепнул он ей: — но помните, это необходимо. Продолжайте быть тяжело больной. Не спускайтесь ни к обеду, ни к ужину. Как только он станет на ноги, мы его сплавим. Будьте осторожны. Засада еще не снята.

Грэс выслушала все это с полным безразличием и снова заперлась. В десятый и сотый раз, со странным блеском в глазах, наклонилась она к бродяге, пристально изучая каждую подробность в его лице, одежде, позе, бессознательных движениях. Она прилегла с ним рядом на подушку, как кошка к слепому детенышу.

Это был ее собственный человек! Опутав своими кудрями кончик его уха, она окончательно уверовала в свою гипотезу и не заметила, как крепко заснула.

Полный солнечный свет заливал комнату, когда Грэс открыла глаза. В ту же минуту зевок стал у нее поперек горла, и она привскочила с места. Собственный человек перестал быть собственным...

Он преспокойно сидел на постели, свесив босые ноги и устремив на нее подозрительный взгляд таких же серых, как у нее, глаз. Выражение их было враждебное.

— Я, видно, вlopался, — произнес он сдержанно. Голос его был приятен, слова же ни в коем случае не происходили из лексикона для принцев, хотя бы и переодетых. Грэс похолодела.

— Ребята голову ломают, куда я делся... Хозяйка, давно ли я слег?

Грэс молчала. Бродяга дал ей дружеский подзатыльник, вскочил и тут только увидел, где он находится.

— Чорт, да здесь не харчевня! — вырвалось у него по-английски.

— Убирайтесь, мерзкий, отвратительный человек! — крикнула Грэс, не сдерживая крупных слез, рассыпавшихся у нее по щекам: — гадкий, грязный, грубый человек. Уходите вон! Вы влезли сюда вчера ночью и лежали у меня больше суток, а я... Боже мой! Подумать только, что я его приняла за при... за при-инца! О!

Это было невыносимо. Она упала на стул.

Бродяга нахмурил лоб. Вчера вечером? А! В памяти его встало Зузельское шоссе, жандармы, ливень, прыжок из автомобиля на дуб. Он видел перед собой хорошенькую кудрявую женщину в кружевах и батисте. Вокруг была роскошь. Стены обтянуты голубым шелком. Постель, где он спал, походила на царский трон.

— Не ревите, я убираюсь! — сухо произнес он, шагнув к дверям. — Эка беда, спасли рабочего вместо бездельника.

— Стойте! Вам нельзя выходить, там засада. И... поешьте.

Выговорив это не без труда, Грэс схватила с подоконника скопленные калории в сухом, твердом, холодном и прочих видах и метнула их на стол с видом человека, погреющего все свои иллюзии.

— Ешьте!

Но бродяга оказался самолюбивей принца. Он посмотрел на нее презрительным взглядом и без единого слова рванул дверь. В ту же минуту она распахнулась, и он очутился носом к носу с двумя нарядными джентльменами разного возраста. Впереди был старичок с сияющими крысиными глазками; за ним, волоча ногу, шел красивый молодой брюнет с ленивыми движениями. Старичок тотчас же впихнул бродягу назад в комнату и запер дверь.

— А, наш мокрый приятель на ногах? Отлично, отлично! Грэс, вы можете быть довольны. Вот вам газета — здешняя полиция отстранена, засада снята. Живей облачите его в платье Мелины, дайте ему мои старые туфли и что-ни-

будь из вашего кошелька. Вы притворитесь больной, выйдете с его помощью, сядете с ним в автомобиль и отправитесь на северный вокзал. Берлинский поезд идет через полчаса. Спустите его на перроне в Берлине, а сами возвращайтесь назад с первым поездом. Наврите ему что-нибудь. Ну, например, что мы члены христианского филантропического общества «Помоги ближнему», — поняли?

Он говорил по-английски. Грэс и не подумала его предупредить, что грязный бродяга минуту назад говорил на том же языке. Она молча взяла газету и швырнула ее на пол.

— Ну, ну, кошечка... Без истерики! Вы видите, что мы оба довольны вами. Я доволен вами, и Луи доволен вами. Будьте умницей! — С этими словами два приятных джентльмена удалились.

Бродяга стоял в продолжение этой сцены с самым глупым видом. На лице его было полнейшее простодушие. Он даже стянул с блюда кусок телятины и упивал ее за щеки, исподтишка оглядываясь на говорившего, словно за правский воришко. Но не успели они скрыться из комнаты, как он отшвырнул от себя телятину, вытер руку о штаны и подхватил с пола газету.

Здесь было все по порядку: убийство Пфеффера, находка мертвеца, осмотр трупа, намек на таинственную улику, призыв к населению, возмущение народных масс, представленных торговыми рядами Зузеля и Мюльрока...

Он прочитал это с поразительной быстротой и кинулся к неподвижной Грэс.

— Мне нужно удрать отсюда! Делайте, что вам приказано... И если только вы проговоритесь этому старичку теперь или после, что я понимаю по-английски, — вы подпишете его смертный приговор!

Грэс подняла на него затуманенные глаза.

— Я не выдала вас, — произнесла она с ненавистью, — не выдала вас и не выдам, потому что ненавижу вас, как самого последнего негодяя!

С этой загадочной мотивировкой она вскочила с места и бросила ему одежду своей горничной Мелины, старые

туфли банкира и свой собственный чепчик. Потом убежала в уборную, чтоб умыться и одеться впервые за эти сутки.

Через четверть часа в комнате Грэс стояли две женщины. Одна была статной красавицей в широкой юбке с фартуком и в чепчике, обрамлявшем ее энергичное, молодое лицо. Другая походила скорей на футляр от бритвы или на электрический выключатель в богатом доме по степени сти-снутости и опутанности всего ее хорошенъского тельца, — но такова уж дамская мода. От нарядного футляра пахло духами и французской пудрой. Кудри были подобраны под шляпку, похожую на птичье гнездо. Два углубленных, сердитых серых глаза устремились на мнимую горничную далеко, впрочем, не с кукольным выражением:

— Слушайте вы, кто бы вы ни были! Сейчас мы спустимся с лестницы. Прячьте лицо, держите меня под руку,несите мой зонтик, плед и саквояж. В автомобиле ведите себя как горничная. Закутайте мне ноги, раскройте зонтик. Через пять часов мы будем в Берлине, и я надеюсь... — тут она топнула ногой с явным нарушением законов пространства, установленных портнихой для ее юбки, — надеюсь, что мы больше никогда, никогда, никогда...

Резкая боль исказила ее лицо. Повидимому, это не было вызвано никаким внешним балластом, так как она тотчас же повернулась на каблуках и легко порхнула к двери.

Глава восьмая

КАРЛ КРАМЕР, СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ

Известно, что немецкая честность не отступит решительно ни перед чем, в том числе и здравым смыслом.

Следователь Карл Крамер был именно таким честным немцем. Подобно зубному врачу, обзаводящемуся креслом, щипцами, винтами и пилами, он обзавелся полным комплектом загадочных атрибутов, пользуясь ими с убийственной добросовестностью. Каждые два часа он переодевался и гримировался. Никому никогда не показывался в своем натуральном виде ни спереди, ни сбоку, ни сзади. Никогда не говорил вслух. Еще менее говорил про себя. Поддерживал все связи с видимым миром исключительно через секретаря. И был до такой степени, день и ночь, занят сокрытием своей личности от пронырливых преступников, что совершенно не имел времени на раскрытие личностей этих последних.

Понятно поэтому, что о Карле Крамере в Зузеле сложились легенды. Зеленщик клялся, будто он худ, как спаржа. Молочница божилась, что он кругл, как сыр. Старухи считали его молодым, девицы — старым, малыши — высоким, верзилы — низеньким. А зузельские шутники уверяли, будто правительство платит за каждую новую версию о наружности Карла Крамера, как за убитого суслика.

На другой день после убийства министра Пфеффера стало известно, что именно этому честному человеку поручается следствие, отнятое у мюльрокского полицейского агента. Почтальон рано утром получил казенный пакет с надписью:

Зумм-Гассе
КАРЛУ КРАМЕРУ.

И двинулся по адресу.

Зумм-Гассе был туличком, упиравшимся в глиняную стену. За глиняной стеной стоял невзрачный двухэтажный дом, нагло задвинутый ставнями, — жилище сыщика. Внизу ютилась грязная лавчонка рыболовных принадлежностей, хозяин которой был глух, как тетерев.

Не успел почтальон дойти до тупика, как носом к носу столкнулся с зеленщиком и молочницей.

— Эй! — заорали они во весь дух: — бегите скорей! У следователя никто не отзыается на звонок!

За долгие годы не было ни единого случая, чтоб секретарь следователя, Франциск Вейнтропфен, не отозвался в положенный час на звонок. Почтальон знал это не хуже зеленщика и в два прыжка очутился перед калиткой. Он дернулся, что есть силы, за веревку. Минута, другая, третья — никакого ответа. Зеленщик и молочница уставились на почтальона. Почтальон почесал за ухом.

— Казенный пакет, братец, — не салат, — угрюмо пробормотал он зеленщику, — стучи кулаком в дверь!

Все трое заколотили ногами и руками по дереву, но тут произошло нечто непонятное, нечто такое, отчего волосы на голове у молочницы зашевелились: калитка в святилище таинственного следователя, калитка, обычно замкнутая, заставленная, задвинутая всеми замками, засовами, железными болтами, какие только имелись в Зузеле, эта калитка не была заперта! Она тихо подалась и со скрипом повернулась на петлях.

— Н-ну! — пробормотал почтальон, отступив от нее, как от двери в ад: — уж лучше перемахнуть через забор, чем ити в эту дырку. Неладное это дело!

— Ладное или неладное, — шепнул зеленщик, угрюмо глядя на почтальона, — а у меня продукт скоропортящийся. Не какие-нибудь конверты.

С этими словами он вскинул корзину на голову, шагнул вперед и — смело переступил через порог.

Перед ним был пустынный, затхлый, грязноватый двор. Грязные следы угольщика отпечатались на дорожке. Домик

следователя наглухо заперт. Вокруг — полное безмолвие.

— Тут, кажись, есть черный ход, — неуверенно проговорил зеленщик, огибая дом далеко не с прежней решимостью. Но не успел он сделать и десяти шагов, как отчаянно вскрикнул и уронил корзину. Молочница, следовавшая за ним по пятам, издала вопль и повалилась на почтальона, посеревшего, как пепел.

Перед ними, на мусорной куче, вцепившись друг в друга, лежали два страшных, синих, вздутых человека с выкачивавшимися глазами и высунутыми языками. Один секретарь, Франциск Вейнтропфен, другой — неизвестный белобрысый бродяга в простой рубахе. Неизвестный стиснул секретаря за горло, секретарь вцепился неизвестному подмышки. Вокруг ни единого оружия, ни ножа, ни осколка, ни капли крови, и тем не менее оба лежавших были мертвы.

— Убийство! — глухо произнес почтальон. — Второе убийство в сутки... Стучите в дом! Зовите полицию! Жив ли еще Крамер?

Молочница подскочила к дверям маленького домика и заколотила в них кружкой:

— Хэрр Крамер! Убийство! Убийство! Отзовитесь!

Она стучала и выла до тех пор, покуда на лестнице не послышались торопливые шаги. Все трое замерли и взглянули друг на друга. Как ни был велик их ужас, они трепетали от любопытства.

Еще минута и дверь приоткрылась. На пороге стоял легендарный следователь Карл Крамер собственной особой. Он был в длинном бесформенном халате, похожем на женское кимоно. Щека его повязана пунцовым платком, на голове тюбитеяка, на глазах круглые синие английские очки. Рот у него обсыпан пудрой, на подбородке огромный пластырь, руки в черных перчатках. Он не высок и не низок, не толст и не тонок, не молод и не стар, не кругл и не плосок. Он — никакой.

— Хэрр Крамер, — заикаясь, проговорил почтальон, отводя глаза в сторону, — не пугайтесь. Калитка была отперта, мы вошли... Ваш секретарь убит.

Крамер взмахнул черными ручками, подобрал полы халата и, как ящерица, ринулся туда, куда указал почтальон. Увидя секретаря, он заметался в страшном волнении. Он по-женски ломал руки. Но с уст его не сорвалось ни единого стона.

Молочница и зеленщик, вытаращив глаза, глядели на странного следователя.

— Этот молодчик, должно быть, влез в дом, — заговорил почтальон, — а ваш секретарь хотел его схватить. Неужели вы-то ничего не слышали?

Следователь уставился на почтальона с тихим отчаяньем. Он отрицательно покачал головой и показал пальцем на горло и на уши. У Крамера был очередной приступ горловой жабы. Он выпил хинны. Он ничего не слышал и не мог говорить.

Передав ему казенный пакет, все трое бросились за полицией. И вот поди ты! Не успели они выбежать за ворота, как уже молочнице Крамер казался толстым, зеленщику худым, а почтальону ни тем и ни другим...

С минуту в тупичке стояла тишина. Но вот тихо звякнула дверь в лавке рыболовных принадлежностей, и оттуда на цыпочках вышел старый, грязный, взлохмаченный рыбак, с красным носом, красными глазами и красным лицом, перекошенным гримасой не то ужаса, не то ненависти.

Оборотясь к глиняной стене, он трижды сплюнул и пробормотал хриплым голосом:

— Чур меня, ведьма, кикимора, водяница! — и со всех ног, насколько они были в его собственной власти, помчался из тупичка, выпучив пьяные, злобные, одурелые глаза, точно сгоняя с них какое-то сумасшедшее виденье.

Глава девятая

ИНВАЛИДЫ ШТРЕЙКБРЕХЕРЫ

Единственная газета города Зузеля, «Золотая Истина», вполне оправдывала свое название, печатаясь на деньги трех банкиров, одного прокурора и одной шестнадцатой секретаря Европейской Лиги, пятнадцать шестнадцатых которого были распределены между другими прирейнскими печатными органами.

Нет ничего удивительного, что убийство Пфеффера нашло в ней самое истинное освещение.

— Ребята! — процедил старший мастер типографии, наклоняясь над полученным материалом: — шасть сюда! Навострите уши!

Две дюжины наборщиков, худых, грязных, с лихорадочным блеском в голодных глазах, со свинцовыми полосами на щеках, стояли вокруг него:

— В чем дело, дядя?

— А вот, послушайте-ка!

С этими словами он зловещим шепотом прочел подзаголовки: «Таинственное убийство», «Назначение Карла Крамера», «Осмотр трупа», «Найдена странного письма в кармане ministra», «Экспертиза следователя», «Водяной знак на почтовой бумаге», «Вторая жертва», «Нестерпимая наглость русского советского торгпредства, отказавшегося отвечать на запрос», «Тучи над миром»... еще «тучи», опять «тучи», снова «тучи»...

— Напустили до затмения! — пробормотал он, кончив читать при мертвом молчании наборщиков. — Ребята, жалко мне вас, да нечего делать. Минута приспела. Мик Тингсмастер наказал по всему союзу держать ухо востро! Вот это самое затмение... — Он потряс в воздухе пачкой рукописей. — Это самое затмение не иначе как перед войной.

— Тсс! — тихо шепнул старый наборщик: — не ори. Начинать, так начинать. Мы голоднее не будем!

По серым, изможденным, больным лицам пробежало самое настоящее веселье.

— Раз-два, братцы! Начинай!

С этими словами мастер на клочки разорвал весь полученный им сенсационный материал и пустил его по ветру, а наборщики опрометью кинулись к машинам, разбросали набор, смешали шрифты, розлили краску и нахлобучили фуражки и кепки, готовясь разбежаться по домам.

— Парень! — крикнул мастер самому юному: — встрепли-ка мне волосы! Вот так! А теперь — марш по домам, да предупредите братишек из Велленгауза, что с сегодняшнего дня начинается ихнее владычество! Союз назначил их штрайкбрехерами.

Наборщики загоготали и один за другим, выразительно кивнув мастеру, выбежали на улицу.

Тот дождался, пока они выйдут, растрепал себе волосы еще малость, оборвал две-три пуговицы на блузке, спустил подтяжку и лишь после этого, хромая, охая, бормоча проклятия и потирая поясницу, заковылял к ответственному ночному редактору, херру фон Шмейхелькатце, ставленнику банкиров, прокурора и секретаря.

— Боже! Что с вами? — воскликнул фон Шмейхелькатце женственным голосом, откидываясь на спинку кресла при виде мастера.

— Забастовка! — глухо простонал мастер. — Сволочи! И откуда у них сила бастовать, сидят-то на одной картофельной шелухе!

— Забастовка! Сейчас?! Да вы меня ре-же-те!

— Не волнуйтесь, херр Шмейхелькатце! Я найду рабочих! Ох-хо-хо! — дьяволы, живого места не оставили...

— Да где вы их найдете? — взвизгнул Шмейхелькатце, картавя, как институтка. — Я погиб! Я буду отставлен!..

— Идите-ка за мной, мы приведем штрайкбрехеров, — шепнул мастер, корча самые ужасные гримасы и потирая себе коленку с такою силой, что она искренно начала болеть.

— В такие минуты находчивость и решительность — первое дело! Доверьтесь мне!

Фон Шмейхелькатце схватил цилиндр, перчатки, портфель и тросточку. Дрожа и бледнея, он спустился по лестнице вслед за мастером, в ночную прохладу зузельских улиц. Ему редко приходилось идти пешком! А мастер, прихрамывая, тащил его с улицы на улицу, в полном безмолвии, придерживаясь теневых сторон.

— По-о-слушайте, — пролепетал наконец редактор — куда вы меня тащите? Ведь мы... ах, боже мой! Ведь мы спускаемся прямо на кладбище!

И в самом деле! Мастер тащил его вниз, по узкой уличке вдоль крепостной стены, выходившей на городское кладбище. Фонарей было все меньше и меньше. Ветер завывал в крепостных развалинах. Они заворотили за угол, и перед ними, в вечернем небе, зачернели кресты, памятники и остроконечные шпили.

Но, прежде чем херр фон Шмейхелькатце мог унять дрожь своих узеньких дворянских ног в элегантных ботинках, — мастер постучал у огромного мрачного дома против кладбища и втащил его в освещенную переднюю. Это был «Велленгауз», несколько лет назад бывший интенданским Складом, а теперь отанный Союзу инвалидов.

— Общежитие инвалидов! — сказал мастер, ведя редактора вверх по лестнице. — Мы найдем тут сколько угодно рабочих!

Они вошли в ярко освещенный зал. Здесь кишела лавина безногих и безруких людей, двигавшихся взад и вперед точь в точь как муравьи в муравьиной куче. К ним подошел высокий белый человек с двумя пустыми дырками вместо глаз

— Это — сам Тодте, председатель Союза, — шепнул мастер редактору, — он по нюху чует нового человека... Здравствуйте, херр Тодте! Мы к вам по экстренному делу!

Он отвел слепого в сторону и шепотом сказал ему несколько слов. Человек с вытекшими глазами молча поднял палец, и странная усмешка раздвинула его губы. Редактор почувствовал себя неспокойно.

— Послушайте! Уверены ли вы... — начал он тревожно, вцепившись в плечо мастера всеми ноготками,

недавно отполированными маникюршей.

— Не беспокойтесь! Сядьте, хэрр Шмейхелькатце, сядьте! Вы сейчас сами увидите, какую мы получим помощь!

Тем временем инвалиды втащили стол, за который уселись президиум Союза: три человека, отправленных газами и пятнистых, как шкура леопарда. Рты и ноздри их были выедены и превратились в сплошную красную дырку, спины сгорблены, шеи тонки, как у индюшат. Слепой председатель позвонил в колокольчик, уставился в залу страшными, черными впадинами, оскалился и пронзительно завопил:

— Дорогие товарищи по хромоте, слепоте, вывороченным костям и газовой отраве! Инвалиды! Отечеству угрожает опасность! Разные подозрительные люди, большевики и коммунисты (в зале хрюплю хихиканье), хотят спровоцировать новую войну! Убит наш дорогой министр-социалист Пфеффер, автор пасифистской книги «Стройте броненосцы» и исследования о пользе двенадцатичасового рабочего дня! В кармане убитого найдено письмо с советским водяным знаком! Несознательные рабочие типографии вздумали бастовать, не желая огласить этот факт! Мы должны помочь правительству! Дадим рабочих! Составим резолюцию!

В зале поднялся необычайный крик. Правда, фон Шмейхелькатце мог бы поклясться, что разобрал в этом крике не то насмешку, не то злорадство, но мастер сидел рядом с ним, благоговейно поддакивая ораторам, и на лице его было такое доброе, патриотическое одушевление, что редакторстыдился своей нервозности.

Не прошло и получаса, как Союз инвалидов отобрал рабочих и составил резолюцию. В этой последней он шел дальше, чем предполагал редактор: Союз клялся служить правительству всеми своими работоспособными членами. Клялся возмещать бастующих. Клялся отомстить за убийство Пфеффера и помочь его раскрытию всеми мерами и ассигновывал крупную сумму на выписку знаменитого американского сыщика Боба Друка и на выставление трупа убийцы несчастного Франциска Вейнтропфена, с обещанием на-

грады в тысячу марок тому, кто его опознает.

Этот взрыв патриотических чувств пришелся херру фон Шмейхелькатце далеко не по душе и, затаив тяжелое сомнение, он отправился назад.

Между тем в типографию «Золотой Истины» постучали, — и, среди глубокой ночи, один за другим, к мастеру проследовали штрайкбрехеры. Это была компания как на подбор. Возглавлялась она степенным малым в стальном корсете и с перешибленным позвоночником. За ним шли инвалиды на костылях, безрукые с пустыми рукавами, кривые, косые, глухие, глухонемые, тряслись в нервной судороге. В ярком свете электрических лампочек их лица, с темными впадинами и скулами, казались хихикающими. Тени от костылей, горбов, деревяжек плясали на стене, пустые рукава болтались наподобие крыльев. Даже шум их шагов напоминал пересыпанье костяшек. Заглянув в типографию, херр Шмейхелькатце почувствовал настоящее сердцебиение и должен был немедленно вытащить из кармана флакончик с нюхательной солью, чтоб не упасть в обморок.

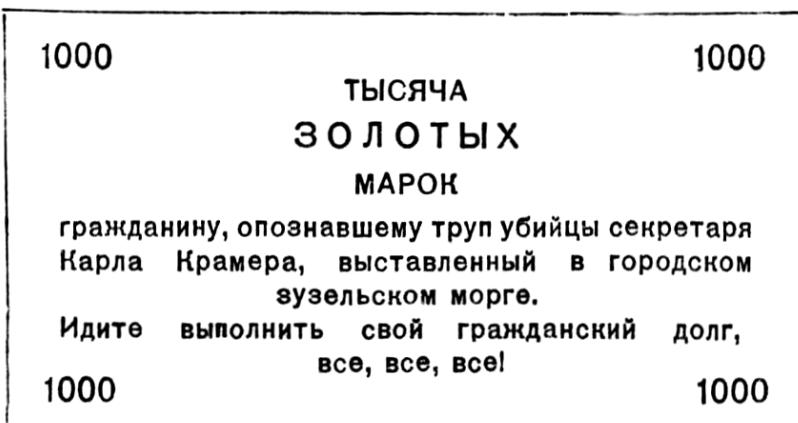
Глава десятая

ТРУП В МОРГЕ

Горный прирейнский городок Зузель с острыми крышами и колокольнями, виноградными склонами, кривыми улицами, трубами и развалинами крепости — преобразился в несколько дней. Он наполнился толпой безруких, безногих, безносых. Инвалиды прыгали на костылях, ползли на тележках, размахивали пустыми рукавами. Они деловито кишили на панелях, в скверах, в общественных учреждениях. Социалистическое правительство получило в их лице поразительную поддержку, а именно:

Американский сыщик, Боб Друк, чья звезда начинала затмевать другие сыскные имена, был выписан; труп неизвестного бродяги, покусившегося на Карла Крамера и убившего его секретаря, был заморожен и выставлен в морге, несмотря на ярые протесты самого Карла Крамера.

Тотчас же на всех столбах и стенах запестрело:

Началось паломничество, равного которому Зузель не видел со дня въезда последнего пфальцграфа. Морг был открыт от девяти до трех. На столе, окруженном охраной в

двенадцать инвалидов, мирно покоился замороженный убийца. Это был белобрысый человек с седеющими вискаами, вялыми чертами лица и скверным цветом кожи. Рост у него средний, фигура коренастая, одно плечо выше другого. Одет в холстинковую рубаху, сильно изодранную на груди. Босые ноги волосаты. На левой ступне шесть пальцев.

В Зузеле не осталось мальчишки, который не побывал бы в морге.

Женщины с грудными ребятами, старики, старухи, подростки, учащиеся, студенты, любители приключений, опереточные артисты, приезжие со всех концов Германии напирали один на другого, записывались в очередь, выставляли сутками, подкупали часовых, устраивали истерики, чтоб прорваться в страшную залу. Войдя туда, они немедленно оглядывали убийцу и немедленно в нем разочаровывались.

Дамы находили его неинтересным.

Мужчины — хилым.

Спортсмены — неуклюжим.

Дети — обыкновенным.

И всем в один голос он казался не стоящим ровно никакого внимания. Тем поразительнее было зрелище двенадцати инвалидов, окружавших убийцу. Первый был с вытекшими глазами. Второй с искривленным позвоночником. Третий без рук. Четвертый без ног. Пятый с синим цветом лица. Шестой с оторванным подбородком. Седьмой в вечных язвах. Восьмой в пятнах. Девятый с дырой вместо носа. Десятый без плеча. Одиннадцатый с вырванным горлом, замененным вытянутым куском пищевода. Двенадцатый был круглым обрубком, сидевшим на деревянной подставке, подобно бенгальскому идолу.

Разинув рот и испуганно таращаась, отшатывались от них дети. Женщины плакали. Мужчины проходили стыдливо, пряча здоровые руки и ноги за собственную спину.

В конце каждого дня неизменно выходило, что убийцу никто не опознал. Но зато инвалидов весь город запомнил с поразительной ясностью.

— Бэр! — морщились жены, обнимая по ночам своих мужей, — как подумать, котик, что и ты мог бы быть всего толь-

ко до пояса! И кому это нужно, — воевать!

В один из таких дней безрукий инвалид, стоявший у изголовья убийцы и внимательно осматривавший толпу, заметил странного мужчину. Это был древний старик с лицом в опаловых складках. Нижняя губа его висела до подбородка. Глаза, прикрытые целым лесом седых бровей, глупо моргали. Он пришел с утра и выстоял до конца. Когда же последний посетитель вышел, дав у сторожа подпиську, что не знает убийцы, старик самолично запер дверь, подошел, трясясь, к безрукому инвалиду и шепнул ему на ухо:

— Менд-Месс!

С этими словами он сорвал парик, брови и прочую живопись, обнаружил веселое круглое лицо с карими глазами и чувственным ртом, — лицо знаменитого американского сыщика, Боба Друка, — и дружески пожал инвалидам кому руку, а кому рукав.

Глава одиннадцатая

ДНЕВНИК БОБА ДРУКА

Как только ребята из Велленгауза дали мне телеграмму, я потолковал с Миком, взял чемоданишко и перелетел океан. Работа предстоит интересная. Ребята играют в патриотов, а я в правительственный сыщика.

По приезде сделал визиты властям и моему начальству — здешнему главному следователю, сыщику Карлу Крамеру.

Кстати, что находят жуткого в Крамере? Он произвел на меня приятное впечатление. Маленький больной человек, забинтованный, как кукла, с больными глазами, вечным катаром горла и экземой на подбородке. Никого никогда не принимает, а Боба Друка, чорт возьми, принял тотчас же и угостил отличным турецким кофе. Мы говорили два часа. Точнее — я говорил, а он слушал (ему запрещено говорить). Развел турусы. Уверил, что большевизм считаю злакачественной язвой.

Плохо спал (от турецкого кофе). Приступил к обязанностям.

Осмотр обоих трупов дал следующее:

П ф е ф ф е р. Никаких знаков насилия на теле нет. Удар затылком о скалу, слегка задевший череп, не мог привести к смерти. Поза убитого, по точному протоколу, может быть объяснена тем, что он отчего-то пятился или полз, пока не стукнулся головой о стену. Смерть последовала от кровоизлияния в мозг. У министра довольно подвинувшийся артериосклероз (по свидетельству лечивших его врачей). Таким образом формально насильственного акта налицо нет. Отравление его шофера и вся обстановка, тем не менее, говорит, что здесь налицо убийство.

Допрос шо夫ера. Шофер, добрый малый, социал-демократ, сторонник Пфеффера, заявил, что он провел весь день до убийства в Мюльроке, где ходил на два собрания. Ел, как обычно, на кухне пансиона Рюклинг. Хозяйка кор-

мит их отбросами от того, что остается. Они поэтому частенько забирают у пансионеров сами, что те не доедают. Вечером он проходил по коридору, и один из жильцов отдал ему свой чай. В темноте он не разглядел, кто это был. Жильцов не всех знает в лицо. Случай этот произошел за два часа до отъезда. Возможно, что чай был отравлен.

Письмо в кармане Пфеффера. Документ, названный в газетах «тайною уликой», мною изучен тщательно. Бумага действительно русская (клеймо советской фабрики). Содержание странное и не проливающее света:

«Излишне напоминать, г. министр, насколько для немецкого государства важно, чтобы известные вам данные не были опубликованы. Наши условия очень терпимы. Вы их узнаете сегодня вечером в Зузеле. Торопитесь, чтоб не приехать позднее одиннадцати».

Подписи никакой. Написано на хорошем немецком языке. Доставлено экстренной почтой. Сдано в Зузеле, в третьем почтовом отделении на Тюрк-платц, неподалеку от Советского торгового представительства.

Перехожу к убийце секретаря Крамера.

Убийца секретаря Крамера. Никаких знаков насилия на теле Вейнтропфена нет. Оба мертвца найдены в теснейшем объятии, причем секретарь сжал убийцу чуть выше талии, почти у подмышек, убийца же стиснул горло секретаря, что, повидимому, послужило главной причиной смерти этого последнего. Смерть самого убийцы наступила от сильного припадка грудной жабы, как было выяснено медицинским осмотром. Убийца не опознан решительно никем, хотя крупная награда, обещанная инвалидами, привлекла в морг почти половину Германии.

Почему был убит секретарь Крамера? Пресса дает на это следующий ответ:

Карл Крамер живет в непосредственной близости от здания Торгового представительства. Он мог что-нибудь знать, и его надо было устранить. Наемный убийца не ус-

пел к нему проникнуть, так как разбуженный секретарь, жертвуя своей жизнью, кинулся на злоумышленника.

Обошел весь дом, где живет Крамер, и, можно сказать, всю улицу, вплоть до Тюрк-Платц. Бросилось в глаза одно обстоятельство: у него совершенно нет соседей, и ближайшим к нему жилым домом действительно является здание торгового представительства. Он живет в тупике. Справа по порядку: 1) интендантские склады, ныне пустующие; 2) закрытая музыкальная школа Далькроза. Слева — двенадцать кооперативных киосков, начиная от восьми часов вечера наглухо запертых и необитаемых, и магазин рыболовных принадлежностей, хозяин которого совершенно глух. Первый постовой городовой стоит у Тюрк-Платц. В этот вечер он заходил, как всегда, к Карлу Крамеру, чтобы выпить у него чашку горячего супа перед дежурством. На посту он ровно ничего не слышал. В течение ночи обходил дважды Зумм-Гассе, где помещается дом Крамера.

Таковы скучные данные. Замечу еще одно: поза несчастного Вейнтропфена, державшего убийцу чуть ли не подмышки, неестественна. Предполагаю, что он или тянулся ответно к горлу убийцы, или же был настолько сильно опрокинут, что принял первое попавшееся положение.

Плохо сплю. С тех пор как попал в Зузель, я потерял сон. Это мне не нравится. Ныне совещался с председателем союза инвалидов Тодте. Он говорит, что нужна сугубая осторожность. Малейший неловкий ход вызовет мою отправку обратно и скомпрометирует союз. Поспорил с ним о Карле Крамере. Утверждал, что он милый человек. Тодте, повидимому, удивился и уставился на меня своими пустыми впадинами.

— Жаль, что не вижу! — сказал он странным голосом. — В вашем лице, мой дружочек, есть какая-то перемена, которую я не могу определить. Берегитесь! Берегитесь!..

Не понимаю его тона. Перед самым отъездом я собрал справки о здешних следователях, и вот мнение самого Тингсмастера, который во всяком случае видит своими голубыми глазами дальше, чем Тодте своими дырками:

— Вам придется, дружище, столкнуться в Зузеле с Крамером. Карл Крамер откровенно бездарный человек, по-своему честный немец, насколько я знаю, более больной, чем это видно, скрывающий болезнь, любящий рекламу. Его не следует переоценивать.

Таково мнение умнейшего человека в Америке, и стану я считаться с нервами своих инвалидов! Безрукие и безногие довольно равнодушно говорят о Крамере. Но слепые точно помешались. Они готовы оберегать меня самого от покушений. Странные претензии видеть что-нибудь именно потому, что не имеешь глаз!

Сегодняшний день я посвятил исследованию третьей версты от Зузеля по шоссе. Я исходил его пешком, что потребовало чуть ли не целого дня. Справа, по страшной крутизне вниз, лежат покинутые угольные шахты, частью затопленные. Путешествие к ним могло бы быть интересным, но инвалиды убедили меня этого не делать, сказав, что пастухи со стадами баранов днют и ночуют на тамошних склонах и ничего, похожего на следы убийцы, я там не найду, прямо лежит шоссе на Мюльрок. Сзади идет остаток шоссе на Зузель. Слева, как оказалось, чудеснейшая местность, отлого спускающаяся к Рейну. Почти в полутора верстах от места убийства маленький залив, вокруг которого расположена деревушка Хеппенхейм. Жители ее преимущественно рыбаки. Подружился с ними за рейнским винцом в кабаке. Они отклоняют всякий разговор об убийстве. Только один старый пьячуга оказался говорчивей. После двенадцатой кружки он, наконец, выболтал тайну:

— Лорелея! Его убила Лорелея Рейнских вод!

Глава двенадцатая

ЖИЛЬЦЫ ПАНСИОНА РЮКЛИНГ В ПОРЯДКЕ ОЧЕРЕДИ

(Продолжение дневника Боба Друка)

Сегодня не спал совсем и вышел на улицу в отвратительном расположении духа. Мои инвалиды устроили патриотические манифестации. Десять тысяч человек заполонили весь город. Надо было видеть это зрелище. Костили стучали, ноги волочились, сухие руки бились, как палки, пустые рукава взлетали, ужасные пятнистые лица кривились в неистовом патриотизме, — слепые таращились во все стороны. Они кричали «ур-ра» таким голосом, что в жилах моих стыла кровь. Надо отдать им справедливость, ребята очень талантливы.

Я отложил сегодняшнее посещение Карла Крамера (мы уговорились видеться каждые три дня) и решил допросить жильцов пансиона Рюклинг, для чего на пароходе поехал в Мюльрок.

К своему удивлению встретил на палубе старого рыбака Кнейфа, с которым вчерашний день пил вино. Узнав меня, он хотел было улизнуть в сторону, но я тут же предложил ему распить бутылочку.

Пьянчуга наотрез отказался. Во весь переезд он меня избегал. Возле Мюльрока он положил мне на плечо свою лапу, вонявшую рыбиной, и пренеприятно шепнул в ухо:

— Молодой человек, а молодой человек! Помалкивай насчет Лорелей. А то неровен час... И вот я тебе что присоветую за твою простоту: ты, паренек, сделай-ка себе парочку пончиков из воска, да, как будешь в наших местах поздно ночью, забей ты себе ими уши.

С этими нелепыми словами он сбежал с мостика и удрал...

Через десять минут я был в пансионе Рюклинг. Меня встретила худая, как палка, женщина с блюдом цыплят в

руках. Она оказалась баронессой Рюклиng. Узнав, что я прислан правительством, она упросила меня начать обход жильцов тотчас же после завтрака, так как многие, по ее словам, засиживаются за кофе вплоть до обеда и тем сильно портят себе аппетит. Честная немецкая женщина! Я постоял за портьерой, пока она угождала своих постояльцев цыплятами, и, признаюсь, не хотел бы быть на их месте (как цыплят, так и жильцов).

— Кушайте, фрау Вестингауз! — говорила она искренним, добрым голосом. — Что вы так мало взяли? Ведь это тот самый цыпленочек, которого вы кормили крошками. Серенький с черным. Уж как он пищал, бедняжка, когда Августа сворачивала ему шею! Ну, право, как будто звал вас на помощь: пик, пик, пик, Вестингауз!

Завтрак кончился раньше, чем я ожидал. Жильцы буквально разбежались по своим комнатам. Баронесса Рюклиng дала мне предварительные сведения. Всех комнат в пансионе одиннадцать. Из них две заняты русским семейством, уехавшим месяц тому назад в Париж; две заставлены зимней мебелью и библиотекой покойного мужа баронессы. И только семь занято жильцами в следующем порядке:

III этаж.	{	Комната № 7.	Фрау Вестингауз.
II этаж.		Комната № 2.	Виконт Луи де Монморанси.
II этаж.	{	Комната № 11.	Банкир Вестингауз.
		Комната № 3.	Министр Пфеффер (запечатана).
		Комната № 4.	Мосье Растильян, офицер 2-го Лионского полка, начальник пограничной Рейнской посты.
I этаж.	{	Комната № 5.	Синьор Аполлино, скульптор из Манттии.
		Комната № 1.	Пастор Атанасиус Шурке.

Все остальное помещение первого этажа занято хозяйством и общими комнатами.

Я спросил, не может ли она сообщить мне какие-нибудь особые сведения насчет своих жильцов. Она тотчас же согласилась.

— Прежде всего, дорогой мой молодой человек, отмечу очень аккуратного, хорошего, достойного жильца, скульптора Апполино, из пятого номера. Про него, если вы меня даже лишите свободы, я никак не смогу выговорить ни единого дурного слова. Такого воспитания в наш век не сыщешь: за все заплатил вперед и, поверите ли, никогда не бывает дома. Его душа в горах. Он делает эскизы с натуры. За все это время он покушал... постойте, сейчас скажу: покушал у меня всего два раза. Один раз это был завтрак, другой раз это был чай.

Я хотел свести разговор с образцового жильца на менее образцовых, но баронесса уперлась, как улитка:

— Вы должны выслушать о нем, потому что вы его все равно не застанете. Остальные-то сейчас дома, если не считать бедного покойного Пфеффера, а номер пятый вы не увидите. Уж такой красивый, милый молодой человек — с удивительными, удивительными глазами, такой духовный.

Тут я решил ее прервать и направился в комнату № 1, к пастору Атанасиусу Шурке. Лицо баронессы потемнело; видимо, пастор не принадлежал к числу ее любимцев .

— Войдите, войдите! — воскликнул кто-то громовым голосом в ответ на наш стук. Я увидел толстого человека на постели, с газетой в руках. Под газетой стояла тарелка. На тарелке были цыплята.

Изложив цель моего посещения, я спросил, знал ли он покойного министра и не заметил ли чего-нибудь странного в его поведении.

— Заметил! — отрезал пастор без дальних разговоров. — Министр Пфеффер был недоволен этим пансионом. Он неоднократно говорил мне, что его плохо кормят, а на голодный желудок, знаете ли, всегда легче быть убитым чем на сытый.

— Вы, кажется, докушиваете?.. — сладко вмешалась баронесса, заглядывая под газету.

— Докушиваю! — отрезал пастор твердым голосом. — Судя по вашему рассказу, дорогая баронесса, Августу терзают укоры совести. Я, как пастор, не могу допустить, чтоб она корила и морила себя. Надо доесть все, что может ей напомнить... Вы понимаете меня?

С этими словами он отправил себе в рот полцыпленка. Если б Карл Крамер мог видеть лицо баронессы! Поистине, это лицо стоило бы отпечатать на немецких почтовых марках.

Мы поднялись во второй этаж и имели удовольствие застать двух жильцов в одной комнате. Это были небезызвестные мне по Америке банкир Вестингауз и красивый молодой человек, лежавший в качалке, виконт Монморанси. Банкир, узнав цель моего посещения, сообщил мне множество мелких подробностей о министре и, между прочим, неизвестное никому обстоятельство: что министр Пфеффер поселился в этом пансионе исключительно из деловых соображений, так как часто переговаривался по телефону с Зузелем.

Когда я обратился с вопросом к виконту, тот вызвал почему-то своего лакея Поля и признался, что лакей Поль знает о нем гораздо больше, чем он сам. Лакей Поль кратко рассказал про знакомство своего барина с министром. Это произошло на лестнице, где министр наступил виконту на ногу, вследствие чего виконта пришлось донести до его комнаты в складном стуле. Больше он не имел ничего сообщить.

Мы вышли опять в коридор, и я хотел было постучать в комнату номер четвертый, как меня поразил доносившийся из нее шум. Можно было поклясться, что там ездят на чем-то назад и вперед. Пользуясь своим правом сыщика, я распахнул дверь без стука и увидел странную картину: молодой офицер упражнялся посреди комнаты на велосипеде, причем, сколько я мог заметить, упражнялся не в езде, а в падении.

— Что это значит? — заревел он, хватаясь за револьвер.
— Кто смеет входить без стука к офицеру французской армии? Вон!

Баронесса и я с большим трудом его утихомирили. Узнав, в чем дело и что мне нужно, он улыбнулся весьма хитрой улыбкой и подмигнул мне сперва одним глазом, потом другим.

— Молодой человек отлично знает, кто убил министра Пфеффера, не так ли? Стоит ли еще играть всю эту комедию!

Повидимому, весь пансион Рюклинг твердо и непоколебимо убежден, что Пфеффера убили большевики. Я не добился этим опросом ничего нового. Проходя по коридору назад, я больше для формы, чем для дела, постучал в комнату образцового скульптора. Каково же было удивление — мое и баронессы, когда дверь слабо поддалась...

Номер пятый, вопреки всем своим привычкам, оказался дома!

Глава тринадцатая

СКУЛЬПТОР АПОЛЛИНО ИЗ МАНТУИ

(Окончание дневника Боба Друка)

Вообразите себе комнату с цветным готическим окном. Два цвета преобладают: фиолетовый и густожелтый. Вообразите посреди этой комнаты юношу в черной бархатной куртке, точь в точь как носили в Мантуе три столетия назад. Золотые локоны с рыжим отливом падают на плечи. Лицо смуглое. Губы ярко-алые. Глаза, — баронесса очень права, что назвала их необыкновенными. Черные, горячие, одухотворенные глаза остановились на мне, и я, Боб Друк, почувствовал себя дураком.

Юноша улыбнулся и указал баронессе глазами на дверь. Она вышла, как будто это в порядке вещей. Я стоял истуканом. Он придвинул мне дубовый флорентинский резной стул, какие я видел в Нью-Йоркском музее. Потом, не садясь, он оперся локтем о столик, набросал что-то на бумаге и протянул мне:

«Будем переписываться. Соседям все слышно, даже шопот. Я не хочу, чтоб они знали о моем присутствии: не дают мне работать».

Это сразу установило между нами какую-то товарищескую интимность. От его локонов и бархатного кафтаны шел запах духов. Руки были очаровательны. Пока мы переписывались, нагибаясь над одним столиком, я, честное слово, старался столкнуться головой с его головой, как сделал бы это с хорошенькой барышней. Не знаю, что он подумал, только пристально смотрел и улыбался. И странно — мне начало вдруг казаться, что где-то, где-то мы уже встречались.

Извлекаю из нашей переписки то, что важно для след-

ствия и помещаю здесь в точной копии:

«Апполлино. Имел с Пфеффером только две встречи. Одна с его ведома. Я знаю славянские языки. Он принес мне записку, чтоб я прочитал.

Боб Друк. На каком языке записка? Воспроизведите точно содержание.

Апполлино. На русском. Кажется, так: “Предлагаю продать известную вам корову за четыре нуля после ярмарки”.

Боб Друк. Министр удивился, или принял как понятное?

Апполлино. Мне показалось, шифр ему известен, но содержание удивило. Он покраснел, смущаясь, бормотал извинения, что затруднил.

Боб Друк. Вторая встреча?

Апполлино. Я рисую с натуры для большого горельефа рейнских рыбаков. Провожу время в пустынной местности с раннего утра. Незадолго до убийства видел ministra, шедшего пешком по тропинке с каким-то высоким блондином. Место уединенное, не посещаемое, тропинка крутая. Удивился, как он попал. Не позвал, чтоб не перебить своей работы. Они не заметили, ушли.

Боб Друк. Это все?

Апполлино. Да».

Я пожал ему руку с горячей благодарностью. Он улыбнулся и проводил меня до дверей. Не знаю, что такое случилось с моими нервами, но положительно я взбесился, когда по приезде в Зузель увидел инвалидов. На кой чорт оставляют уродов в живых! Это противно здравому смыслу, противно вкусу, противно жизненному инстинкту. Я, Боб Друк, нормальный человек, я не могу выносить уродство.

Пошел вечером к Карлу Крамеру, — вот где уродство не режет вам глаз. Успокоил нервы. Говорили битых два часа. Вернее, говорил я, а он слушал и кивал. Карл Крамер, несмотря на свою профессию, удивительно тактичный человек. Хорошо, рассказывая ему про баронессу Рюклинг и пастора. Он покачал головой, давая понять, что я веду себя,

как ребенок. Чувствовал несносную охоту выболтать ему про Лорелею. Удержался только потому, что боюсь: сочтет за окончательного молокососа и перестанет давать мне аудиенции. Всякий раз, как от него выхожу, замечаю, что стал умнее; он расширяет мой горизонт. Это удивительно, если вспомнить, что ведь говорю только один я, а он молчит.

Опять не спал. Надоело. Утром одеваюсь — стук в дверь. Инвалиды. Приходит сам Тодте и его помощник, хромой и безрукий, противное зрелище. Я хотел притвориться спящим и юркнуть в постель, но не успел. Они вели себя как-то странно, пощупали мне пульс, посмотрели на язык. Когда я расхочтался, помощник Тодте снял со стены зеркало и поднес его к моему лицу. Надо сознаться, я стал зеленым, как груша. Это немного озадачило меня. В Зузеле определенно скверный климат, оттого всякое переживание здесь может быть рассмотрено метеорологически. Я знаю, что на это можно возразить. Меня не удивят теперь никакие доводы.

Был на музыке в парке. Поужинал. Голова болит.
Пойду к Карлу Крамеру.

Глава четырнадцатая

УСПЕХИ ТОРГОВЦА КИСЛЫМИ ГРУШАМИ

— Дяденька, почем кило?

Вопрос был обращен к тонконосому продавцу груш, только что устроившему свой лоток под деревом.

— Дороже, чем обошлось тебе родство со мной, — сердито пробормотал торговец, раскладывая груши, — коли я тебе дяденька, так мы в ссоре. Я родственникам если и делаю какую скидку, так только с лестницы. Понял?

— Ой, какие вы сердитые мужчины, — игриво пролепетала новая покупательница, подходя к лотку. — Может быть, вы мне уступите парочку за пять пфеннигов?

— Смотри, какая парочка! — продолжал торговец. — Ежели ты, красавица, захочешь у меня парочку вот этаких племянников, я их уступлю тебе даром, с документом от нотариуса.

Юный газетчик, которому остроты тонконосого человека начинали не нравиться, дал пинка круглому столику и стянул грушу.

Торговец рассвирепел. Он прыгнул, как стрекоза, на мальчишку, схватил его за шиворот и покатился с ним вместе, наподобие детского серсо, прямехонько к подъезду пансиона Рюклинг. Но тут неожиданное его родство с газетчиком увенчалось двумя синяками и глазным подтеком. Чья-то подошва пришлась по лицу дяди и по затылку племянника, и сочный мужской голос чертыхнулся прямо над их ушами.

Торговец разинул рот. Он не верил своим глазам: красивая молодая девица в чепце, наступившая ему на голову, чертыхалась баритоном. Она обладала знатными пятками, если верить собственному кровоподтеку. И она, как две капли воды, походила на убийцу министра Пфеффера.

Дуркеб, так как это был он, быстрее молнии очутился на ногах. Он увидел, как рослая девица подсаживает в автомобиль другую дамочку и садится рядом с ней... Он увидел

также своего племянника, немедленно устроившегося с автомобильного тыла. Это подало ему счастливую идею, и, прежде чем автомобиль заворотил за угол, он уже висел рядом с газетчиком, уцепившись за него обеими руками.

— Молчи, или я отдашь тебя под суд, — прошипел он на ухо мальчишке, собиравшемуся испустить рев. — Если ты хочешь растягивать рот до ушей, делай это, как в кинематографе. Тамошняя публика ловкачи насчет растяжения глоток, не производя при этом ни малейшего шума.

— Да вы меня дду-щите, — пролепетал мальчишка.

— По закону я имею право задушить тебя без всякой компенсации, так как ты несовершеннолетний. Гляди на меня. Узнаешь? Я полицейский агент. Ну, то-то.

Газетчик притих и забился под самый кузов автомобиля. Дурке нашел, впрочем, способ выкурить его и оттуда, шпаря ему затылок своим дыханием. Он немедленно пустил этот способ в действие и, когда мальчишка повис на одной руке, приказал ему именем закона слететь вниз и дать знать Леопольду Дубиндусу, что дела идут на бензиновых парах.

Повторив это таинственное поручение дважды, мальчишка покорно слетел вниз и бросился наутек. Дурке уселился покомфортабельней. Он достал из кармана кислую грушу, очень довольный наследством, перешедшим ему от племянника, и решил, что право наследования по справедливости должно было бы переходить от младших к старшим, а не наоборот.

Междуд тем автомобиль мчался к вокзалу. Грэс Вестингауз усадила свою горничную рядом. Она простерла свою болезненность до пределов, делавших положительно необходимым легкое прислонение к ее плечу. И так как, повидимому, означенные меры не помогли, она побледнела и закрыла глаза.

Северный вокзал был полон народа, собравшегося к берлинскому поезду. Дурке получил палкой по ногам от жандарма, но был в ту же минуту узнан и привел блюстителя порядка в полнейшее оцепенение.

— Шепните Дубиндусу при встрече, что мы, кажись, едем в Берлин! — С этими словами Дурке подтолкнул жандарма и ринулся вслед за двумя женщинами.

Билеты куплены. Дама с горничной вошла в купе первого класса. Кондуктор захлопнул двери, но в ту же минуту тонконосый человек, вынырнувший у него из-за спины, сделал ему таинственный знак рукой.

— Э? — спросил кондуктор.

— Э! — ответил тонконосый, сунув ему свой полицейский билет.

— Эге! — промычал кондуктор, до которого еще не дошла весть об отставке Дубиндуса и Дурке, и распахнул двери соседнего купе.

— Эге! — подтвердил тонконосый и прыгнул.

Поезд тронулся. Он сидел на бархатном диване, по соседству от купе двух дам. Он был положительно доволен собой. Первым долгом надлежало вынуть тяжелый кошелек Дубиндуса и пересчитать деньги. Вторым долгом записать расходы.

Дурке вынул карандаш и бумагу, послюнявил палец и написал:

СЧЕТ

День первый.

Билет от Мюльрока до Берлина в экспрессе,
I класса — 22 золотых марки.

Поставив точку, он вынул означенную сумму из кошелька, сосчитал ее снова, тряхнул раза два на ладони и отправил в карман.

Грэс Вестингауз явно чувствовала себя нехорошо. Она забилась в угол дивана, прислонилась головой к его обшивке и из-под длинных ресниц глядела на свою горничную.

Та не обращала на это никакого внимания. Она подняла было юбку, чтобы поискать в кармане штанов табачку, но там ничего не оказалось: Дубиндус опорожнил его

при обыске. Тогда она вытащила все тот же номер «Золотой Истины» и принялась его изучать.

— Мелина! — слабым голосом произнесла Грэс.

Горничная не шевельнулась.

— Мелина.

При вторичном оклике горничная быстрым взглядом окинула купе и, сообразив, что Мелина — это она сама, нетерпеливо взглянула на свою хозяйку.

— Дайте мне газету.

Не без досады горничная протянула газету.

Грэс лихорадочно просмотрела столбцы. Еще одно убийство! Новый бродяга, выставленный в морге. Письмо...

— Вы американец, — произнесла она с усилием, — я вижу это по вашему акценту. Скажите мне ради... ради... ну, хоть ради нашей близкой разлуки, это не вы убили министра?

— Я не убиваю на проезжей дороге, — ответила горничная, — но должен сказать вам, что министры и люди ваше-го класса стоят того, чтобы их истребили до последнего. Каждое их дело — новая подлость. Весь номер этой газеты наполнен подлостью. И если вы вздумали сейчас спасать рабо-чего, так это потому, что оно вам выгодно, барыняка, — вот и все.

Грэс закрыла глаза. Голос ее стал матовым.

— Я не спасала вас. Я сделала то, что мне приказано. Я не знаю, что вокруг затевается.

— Тем хуже.

Разговор был исчерпан. Горничная взяла назад газету. Она считала каждую минуту, приближившую ее к свободе, и положительно не хотела замечать нервического поведе-ния своей хозяйки. А та отвернула голову к стене, спрятала лицо в платок, и, если бы не тряска вагона, можно было бы подумать, что шея и плечи ее вздрагивают по какой-нибудь другой причине.

Когда в окне мелькнули первые предместья Берлина, она открыла глаза, порылась в сумочке и достала бумажку.

— Мне велено дать вам денег...

— Чорт! — воскликнула горничная, становясь перед ней во весь свой рост и меряя ее засверкающими глазами: — неужели в вашей птичьей голове не хватает мозгу, чтоб не лезть ко мне с деньгами? Неужели вы не понимаете, как омерзительно получать свободу через махинации негодяев вашего класса! И если б не приступ лихорадки, разве я не предпочел бы любое дерево, любой камень, любую лужу вашей проклятой спальне! Да будьте вы трижды... а!

С этими громовыми словами горничная Мелина внезапно подобрала юбки и с быстротой молнии, на ходу отворив двери и защемив тонконосого человека, висевшего по ту сторону окна, спрыгнула вниз, на насыпь.

Секунда — и она исчезла. Поезд полным ходом подходил к Берлину. Дурке глядел в окно на Грэс Вестингауз, тщетно стараясь высвободиться от прищемившей его двери. Грэс Вестингауз глядела мимо Дурке на летевшую внизу насыпь, на серые домики предместья, на телеграфную проволоку, на птиц, на пыль, на ветер.

Глава пятнадцатая

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ МАСТЕРСКИЕ ЗАПАДНОГО ПРЕДМЕСТЬЯ

— Любезные сестры и братие! — надрывался человек пасторского вида, в пасторской шляпе, с пасторским носом.
— Достолюбезные! К чему такое напрасное оскорбленье! Я секретарь пасифистского общества! Я не агент... Я добрый лютеранин!

— Уйдите, пока целы, — хмуро пробормотал старший мастер, — какого черта вы нам нужны, когда мы два месяца не получали жалованья!

— Не надо быть материалистом, надо быть добрым немцем. Моя брошюра стоит всего два пфеннига. За два пфеннига двадцать четыре страницы мелкого шрифта. Любезные сестры и братие, — вот она. Голубая обложка... «Гиена в овечьей шкуре или военные замыслы большеви...»...

— Вон!

Пасторская шляпа кувырнулась в воздухе. Человек пасторского вида присел на корточки.

— Достолюбезные... Удержитесь! Даром. Брошюра продается даром, в убыток правительству. Каждый получит целую. Раз, два...

Но тут он был схвачен в охапку, вынесен за пределы железнодорожных мастерских и посажен в корзину с голубыми брошюрами, как раз под самый водосточный кран.

— Уф! — произнес старый рабочий, покончив с означенной операцией. — Можно прямо-таки взбеситься. Что ни день, то выносишь ихнего брата на собственных плечах. Не мешало бы нам стряхнуть его разок в паровой котел!

Между тем человек пасторского вида с глубоким вздохом вылез из-под крана. Оглянувшись кругом, он поднял свою шляпу, щелкнул ее и тотчас же вытащил из нее дамский чепчик. За чепчиком последовала длинная юбка, погром фартук, а потом и вся шляпа, вытянувшись куполооб-

разно, превратилась в приличный ручной сак.

Человек облачился в чепчик и юбку, наложил сак доверху голубыми брошюрами, а затем, опасливо оглянувшись, распределил все остальное количество между старыми пяровозными трубами, ящиком с опилками, дверной щелью и пойлом для цепной собаки. После чего мирно проследовал в женскую ремонтную мастерскую, помещавшуюся напротив.

Он не успел еще пересечь двора, как заметил подозрительного тонконосого человека с перепачканными глиной коленками, крадущегося вдоль забора, не сводя с него глаз. Это ему не могло понравиться, решительно не могло понравиться. Он ускорил шаги и юркнул в мастерскую.

Две дюжины работниц были заняты мытьем и чисткой котлов. При виде его они остановились.

— Это еще что за тетка?

— Достолюбезные сестры! — пропищал чепец тоненьkim голосом. — Иду мимо, дай, думаю, — загляну. Не желаает ли кто духовную пищу? Три пфеннига штука, двадцать четыре листа мелкого шрифта. Издание пасифистского общества... Купите, сестрицы! Разоблачение гиены. Воинственная политика большеви... Ай, ай, чего хочет этот человек?

Последнюю фразу чепец рявкнул, к изумлению работниц, густым басом. Прижавшись к стене между дверью и котлом, стоял тонконосый мужчина с выпачканными глиной коленками и пристально смотрел на проповедника.

— Коли ты чревовещатель, — изрекла одна из работниц, уперши руки в бока и подходя к чепцу с видом, не обещающим ничего доброго, — коли ты чревовещун, так, верно, умеешь и колесом ходить на манер циркача. А ну-ка. Проколеси-ка!

С этими словами она примяла чепцу ближайшую часть тела, придав ей наибольшую вращательную скорость, и так как ее соседки немедленно вызвались ей подсобить, проповедник выкатился из мастерской в десять секунд! Вслед ему одна за другой полетели голубые брошюры.

Он однокоже не остановился ни во дворе, ни в палисаднике, ни за палисадником, памятуя о странном тонконосом мужчине, и предпочел вкатиться в паровозное депо. Здесь было тепло, светло и гостеприимно. Три больших паровоза мирно дышали в углу, на рельсовом пастище. Несколько приличного вида железнодорожников сидели на ступеньках асфальтовой лестницы и заняты были мирной беседой. Лица их худы и бледны, тела костлявы и истощены, глаза обведены кругами. Это зрелище, повидимому, пришлось по душе секретарю пасифистского общества. Он отряхнулся, влез на пустую бочку и, за неимением брошюры открыл свой собственный рот.

— Любезные братие и друзья! Я пришел к вам с веткою... ах, какая у меня слабая память, — с веткою... с веткою того самого дерева, из которого делается провансское масло. Вы, конечно, любите провансское масло. Еще больше вы любите салат с этим маслом. Но, когда наступает война, нет ни масла, ни салата, ни даже любви. — Он так растрогался нарисованной картиной, что глаза его наполнились слезами. В депо было тихо. Паровозы дышали. Железнодорожники слушали. — И вот, дорогие и любимые друзья мои, представьте же себе! Мы сидим мирно, спокойно. Французы подали нам руку, и мы подали руку французам. И тогда начинаются военные подготовления совсем с другой стороны. Все вы знакомы — кха-кха — с боль-боль-боль... ай! — выгоните этого постороннего человека из депо, это, наверное, ихний шпион!

С этим непредвиденным восклицанием оратор так страшно запрыгал на бочке, что днище ее провалилось, и он исчез, как Диоген, в ее недрах.

Тонконосый мужчина с выпачканными глиной коленками торжественно приблизился к бочке. Он поднял палец и обвел железнодорожников глазами. Он постучал пальцем по бочке.

— Убийца! — произнес он шепотом: — полицейский агент, — добавил он еще тише, вперяя палец в свою грудь. — Но... — И тут лицо его приняло страдальческое выражение, — нет бланка об аресте!

Железнодорожники сомкнулись вокруг него плотной стеной. Один из них раздобыл новое днище, вбил его в бочку и произнес энергичным голосом:

— Коли вы говорите правду, я бы вам присоветовал задержать вашего убийцу в бочке, покуда вы не получите бланка.

— Легко сказать! — плачущим голосом ответил Дурке: — он не огурец. Я не могу его засолить.

— Стой, братцы, — вскрикнул другой железнодорожник, — мне пришла мысль! Фирма Лурзе отправляет сегодня в Эльберфельд партию бочек с kleem, точь в точь этакого размера. Они стоят на восьмой платформе, совсем недалеко. Обменяем их бочку на эту, пусть она съездит в Эльберфельд, а когда дело выяснится, сдадим владельцу настоящую.

— Правильно, вы выиграете не меньше, как сутки, — поддержали другие железнодорожники, — за сутки он и с голода не умрет, разве что малость обмякнет. Только уж вы поторапливайтесь с бланком-то.

— Молодцы! Правосудие вас наградит! — радостно изрек Дурке: — я немедленно запишу ваши имена. Делайте, как сказали. Поставьте на бочке пометку.

С этими словами он вынул записную книжку, внес в нее имена железнодорожников и бегом пустился на телеграф для того, чтобы отправить Дубиндусу следующую депешу:

«Едем убийцей Эльберфельд Срочно вышлите бланк аресте творю чудеса ловкости

Дурке».

Как только он убежал из депо, железнодорожники взглянули друг на друга и разразились неистовым хохотом.

— Ведь бывает же, о-хо-хо, бывает же... — стонал один.

— Пойти, сказать в мастерские... — вопил другой: — пущай придут помогать. Этакое удовольствие не часто случается!

Через десять минут рабочие железнодорожных мастерских усердно занялись оборудованием втулки. Когда она была готова, они натаскали полный комплект голубых брошюр, свернули их в трубочки и одну за другой отправили вслед за владельцем.

— В течение суток, — подмигнул старый рабочий, — пользительность духовной пищи выяснится для него как нельзя больше, особенно, если она будет единственной.

Бочку вкатили на тележку, живо свезли на восьмую платформу — обменяли на настоящую и простили номер:

Что же касается пометки, то они сочли вполне достаточным вместо требуемого слова *gummi* ошибочно поставить *dummi*¹ — и дело было сработано начисто.

Дурке, уведомленный о ходе вещей, явился к отходу поезда и сунул кондуктору полицейский билет. Вторично перед ним было раскрыто купе, на этот раз третьего класса, рядом с товарным вагоном. Дурке сел на одно место, ноги положил на другое, шляпу на третье, платок на четвертое и, вздохнув полной грудью, извлек из кармана записную книжку. Страница, где начинался счет, должна была значительно вырасти.

— Поистине,—сказал себе Дурке, вспомнив уроки политической экономии, преподанные ему в Главной Полицейской Школе на отделении «Поимка мелких воров и беглых кассиров», — поистине, я начинаю понимать, что есть reparacija. А то, читаешь, читаешь в газете и, хоть тресни, — не разберешься, откуда куда. Тонкая штука бухгалтерия!

¹ Игра слов: *gummi* — клей, *dumm* — глупый.

С этими словами он приписал к счету:

Провоз преступника франко Эльберфельд — за счет фирмы Лурзе.

Проезд от Западного Предместья до Эльберфельда в купе III класса с продовольствием — 18 зол. марок 32 пфеннига.

Вслед за этим Дурке вынул кошелек, отсчитал звонкую монету, поиграл ею на ладошке и опустил в собственный карман, вынув другой рукой из-за пазухи кислую грушу, предназначенную быть его трудовым продовольствием.

Глава шестнадцатая

ДУБИНДУС БЕСЕДУЕТ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

На турецком диване возле стены, увешанной различными музеиными предметами вроде кандалов, цепей, отмычек, ножей с потемневшим от яда лезвеем, топоров, веревок с повешенного, арестантских халатов и фотографий знаменитых преступников своего века, спал доблестный Дубиндус.

Сон его был крепок и спокоен; когда же он пробудился, то выпил стакан содовой воды и прочитал утреннюю молитву, состоявшую из двадцати параграфов свода законов.

На этот раз он не дошел еще до седьмого параграфа, толковавшего о наказаниях за скотоложство, как племянник ворвался в комнату с депешей от Дурке:

«Едем убийцей Эльберфельд Срочно выплите бланк аресте творю чудеса ловкости

Дурке».

— Гм! Гм! — сказал себе Дубиндус. Тем не менее он до читал положенное число параграфов. Дойдя до точки, он вскочил, пригладил усы, накинул на себя партикулярное пла тье, отнюдь не скрадывавшее его осанки, и снова уткнулся в законы, на этот раз в главу об аресте.

Задумчивость на лице его сменилась решимостью. Он вынул десяток сине-серых камней, завернул их в первую попавшуюся тряпку, уложил в портфель, схватил фуражку и вышел. Пока он будет плестись из Мюльрока в Зузель, мы просто перепрыгнем в точку его пalomничества и пред ставим читателю новое действующее лицо.

С наружной стороны его двери висит:

*Д-р химии, ученый член Института Минералогии и
Кристаллографии в Зузеле, член-корреспондент
Лондонского Физического Общества, Международной
Лиги химиков Сорбонны, Саламанки и Бостонского
Техникума*

РУДОЛЬФ ГНЕЙС

Но среди зузельских горняков и металлистов всего округа он известен под кличкой дяди Гнейса.

В настоящую минуту он стоит среди богатейшей коллекции минералов, собранной им со всего света. Он маленького роста, пузатый, лысый (лысину скрывает красная феска), покрытый мельчайшими веснушками. Глаз дяди Гнейса почти не видно. Когда же бесчисленные лучистые радиусы морщин, расходящиеся от двух точек, где должны быть по закону анатомии его глаза, начинают расплыватьться и пропадать, на лицо дяди Гнейса выплывают два больших, кротких, умнейших глаза разного цвета: один желтый, другой зеленый.

— А ну-ка, серенький, иди-ка сюда, иди, мамочка! — нежным голосом говорит дядя Гнейс, поглядывая на полку; и если б в комнате был кто-нибудь, кроме него, он, по всей вероятности, ожидал бы появления кота, кролика или, по меньшей мере, морской свинки.

Между тем, дядя Гнейс, продолжая нежное бормотанье, сунул туда руку и извлек наружу кусок невзрачного сероголубого камня. Он немедленно погладил его по гладкому месту, почесал у ребра, вытер о собственный рукав и поднес к самому своему носу:

— Излучайся, кисанька, излучайся. Твой Руди сегодня в плохом настроении, в очень плохом настроении. Вот так. Дыши на него, лечи его...

Дядя Гнейс прижал к себе камень с самой блаженной улыбкой. Глазные точки его окончательно скрылись в уг-

лублении между лучистыми радиусами. Он поцеловался бы со своим любимцем, если б грубый голос не прервал этой сцены:

— Сударь, вас спрашивает какой-то мужчина вулканического происхождения, из породы туфов, по всей вероятности, палеозойского периода, большой мощности, номер неизвестен, название Леопольд Дубиндус.

С этой странной речью дюжий слуга дяди Гнейса пропустил в комнату бывшего полицейского агента, в высшей степени оскорбленного подобной аттестацией.

— Уважаемый херр доктор, — произнес он взволнованно: — прошу вас объяснить своему слуге, что в нашем государстве спрашивают номера только у носильщиков, а также в театре, снимая верхнее носильное платье. Если же он полагает, что я...

— Успокойтесь, успокойтесь, дорогой херр Дубиндус! — с жаром прервал его доктор Гнейс, — мой слуга положительно болен минералогической номенклатурой. Он не имел в виду ничего дурного.

— Ну, если он не имел, так и я не имею, — успокоился Дубиндус, опускаясь в ближнее кресло и озираясь по сторонам. — Вы, как видно, сударь, охотник до коллекций. Я тоже собираю в часы досуга, главным делом насчет уголовного кодекса. Милое, успокоительное занятие.

— Ага! Вы пришли посмотреть мою коллекцию! — сообразил дядя Гнейс, мгновенно одушевляясь: — и вы ее увидите, дорогой херр. На свете нет ничего живее и жизнерадостнее камней. Человек перед камнем просто испорченная машинка, требующая отопления, — и ничего больше.

— Сильно сказано, — пробормотал Дубиндус. — Собственно я, прежде чем посмотреть, хотел получить от вас как от специалиста...

— Немножко вступительной теории? — Морщины на челе Гнейса разошлись в разные стороны, и два больших, кротких, умнейших глаза разного цвета озарили его лицо. — Вы, повидимому, высококультурный человек, дорогой херр. Садитесь удобней! Я начну.

С этими словами доктор прижал к себе серо-голубой камешек, пробежался бархатными шажками по комнате, любовно зажмурился и начал:

— Когда вы сидите в толпе народу, вы замечаете, что через некоторое время вам трудно дышать... Это потому, любезный друг, что люди выделяют испорченный воздух, отработанную материю... Что может быть гаже и неприятнее существ, всюду поглощающих рабочий материал и испускающих из себя отработанный? Переведите теперь взгляд свой на камни. Они вбирают в себя отработанную материю человека. Они скрепляют ее в формулу. Они держат в себе колоссальные залежи рабочего материала, создаваемого из наших отбросов. Потенциал — вот что такое камень. Деликатное, воспитанное, общественное существо. Оно вам нигде не портит воздуха. Наоборот, оно вам его улучшает. Оно вбирает в себя вашу сырость, продукты вашего сгорания, ваш распад. Оно сушит вам болота, укрепляет топи, собирает газы, чтобы сделать их твердыми, воспитанными и портативными. И самые ядовитые струйки, которые вы день и ночь выпускаете в воздух, оно укрепляет в гнездах своих благороднейших пород, гранитов, — в аметисты, бериллы, изумруды, топазы, брильянты! — Дядя Гнейс мечтательно посмотрел на серо-голубой камешек. Лицо его озарилось нежнейшей улыбкой. — Но кто питается, тот дышит!

«Надо было прийти камню-мамонту, радио, и дохнуть из тысячтонной челюсти, чтобы люди присели на корточки и завопили: "камень дышит... эманация!"» Дядя Гнейсу не нужны мамонты, он знает десятки лет, что, если дышит мамонт, дышит и кузнец, и муравей... Нет минерала, который бы не дышал!

— Э-кх! — чихнул Леопольд Дубиндус: — я, собственно, насчет практического...

— Правильно! — прервал его Гнейс. — От теории перейдем к практике. Легко понять, что если камень дышит, он на нас воздействует. Он воздействует на нас потенциальной силой, но для человека не безразлично, какой. Одна потенция у железа, другая у меди, у мрамора, у золота, у гранита, у яхонта, у серебра, у платины... Все эти воздей-

ствия надлежит изучить. Их надо использовать. В первую очередь для устройства человеческих жилищ! Мы еще не знаем, чем обязан камню характер пещерного жителя, что дало дерево народам, жившим в деревянных постройках! Мы должны сделать опыты с железными домами, с домами из различных сплавов! И уж если эта гадина, отравитель пространства, человек, нуждается в священной поддержке минерала...

Но тут Леопольд Дубиндус не выдержал. Он решил ответить надоедливому оратору по существу вопроса:

— Уважаемый доктор! Сколько я знаю, как блюститель порядка, не все люди испускают вредные газы. Этакими делами занимается разве что простонародье. И если прибавить к параграфу б статута *248-го* о площадях, улицах, портиках и мостах, если прибавить, говорю я, о недопустимости зловония, то из боязни штрафа даже простонародный человек удержится, когда нужно!

Доктор Гнейс вытаращил на него два кротких, больших глаза, желтый и зеленый, и провел по лицу маленькой, бархатной ручкой.

Перед ним, в кресле, сидел характернейший экземпляр гадов, именуемых людьми, а он забылся, увлекся, разговорился! Голос его стал сух и холоден.

— Можно узнать, по какому делу?

Ага! Вот что называется прищемить ученого за хвост! Дубиндус был чрезвычайно доволен результатом своей дискуссии. Он немедленно полез в портфель, достал тряпочку с камнями и протянул ее ученому:

— Вот, уважаемый доктор. Именем правосудия умоляю вас определить, какой это камень, откуда он отбит и в чем его злочачественность для здоровья и автомобильных шин. Резолюцию вашу благоволите изложить письменно, и, если можно, на самой что ни на есть ученой, то есть академической бумаге.

Гнейс развязал тряпку, вынул несколько камней, посмотрел на них, прищурился, понюхал, лизнул, — и вдруг по лицу его разлилось изумление. Он хотел было что-то спросить у Дубиндуса, но удержался. Вынув желтый флакон, он

капнул на один из камней, нагнулся и снова понюхал. Потом выхватил красный флакон и сделал то же самое. Потом резким движением повернулся к Дубиндусу. Лицо его было бледно, как бумага:

— Вы хотите иметь анализ этого камня? Приходите сегодня в шесть часов вечера.

С этими словами он подхватил камни и выбежал из комнаты, оставив Дубиндуса одного.

Глава семнадцатая

РАЗЛИЧНЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ДУШУ ДЯДИ ГНЕЙСА

— Маленький номер пятый прихварывает, доктор. Ему надо профильтровать раствор.

С этими словами дюжий слуга вступил в святилище дяди Гнейса — его химическую лабораторию, где тот засел с утра, как безумный, в стеклянной маске и резиновых перчатках, взявшись над сине-серыми осколками.

— Что такое?

— Я говорю, наш маленький плох, доктор, очень плох, сколько я понимаю, у него грыжа.

Сердце дяди Гнейса не устояло. Он прикрутил лампочки, прикрыл баночки, открыл вентилятор и побежал в соседнюю комнату. Здесь было тепло и влажно. Они находились в детской.

Но дети доктора воспитывались без баловства, на искусственном питании. Они сидели в красивых банках и весело поглядывали сквозь стекло синими, красными, розовыми, желтыми лициками, покорно кушая раствор и отлеживая себе бочок, покуда их не переворачивали.

Номер пятый был самый маленький. Дядя Гнейс нежно сунул руку в его мокрую кроватку и вынул великолепный бледно-розовый кристалл, по животику которого тянулась выемка, испортившая ему фигуру.

— Гм, малыш, ты перепитался! — недовольно проворчал Гнейс. Обжорство, Зильке, никому не идет на пользу. Перемените ему пеленки, да уберите снизу новый кристаллик.

Зильке выслушал распоряжение доктора насупившись. Его с утра терзало любопытство. Перед глазами его стояли сине-серые камешки, над которыми патрон забыл завтрак обед и прогулку. Но тот, как ни в чем не бывало, снова повернулся к лаборатории. Зильке судорожно крякнул. Пат-

рон поглядел на него.

— Я... я крошусь, доктор, от любопытства, — пробормотал он сердито, — вы чересчур напластываете меня. Ни одна порода не выдержит такого давления.

Дядя Гнейс рассеянно улыбнулся. Он поднял пальчик в знак терпения и молчания. И, уже исчезая за дверью, облегчил малость геологическое состояние своего слуги, дав его пластам залегания самый неожиданный уклон:

— Зильке! — крикнул он странным голосом: — это кристальчики, не правда ли? Ну так не пройдет и месяца, как мы с вами... гм, гм... сделаем из них кристалломальчиков и кристаллодевочек, без всякого вреда для гексагональной системы.

С этими таинственными словами он погрузился в недра лаборатории, где снова забулькало, зашипело и потекло во всех трубочках, банках и ретортах. Желтый и зеленый глаза доктора светились острым блеском, когда он, наконец, оторвался от работы, глядя на темнокрасную жидкость, стекавшую в хрустальную чашу под герметическим колпаком. Она приводила его в волшебное оцепенение. Он стиснул пальчики в резиновых перчатках, чтобы они не вздумали младенчески захлопать в ладоши. Именно в таком виде застал его Леопольд Дубиндус, пришедший за своей справкой.

— Вы хотите, дорогой херр, узнать анализ этой руды? — тихо спросил дядя Гнейс, вперяя в него звездочки морщин.

Дубиндус тревожно заерзal на стуле.

— Если это по части теории, — откашлялся он, — по части... кха... теории, то в нашем деле, уважаемый доктор, она не стоит даже той бабы, что снится нам во сне. Осмелиюсь просить вас закрепить на бумаге, в двух-трех словах, злокачественность этих осколков с практической точки зрения.

— Злокачественность? — Странная улыбка прошла по лицу доктора. — Вы твердо уверены, что вам нужна именно злокачественность вот этих камешков, — он поднял руку с сине-серым осколком, — неизвестно откуда к вам попавших?

— Они попали под мой автомобиль из кармана злумышленника, — сухо отрезал Дубиндус: — для нас, сударь, всякое вещество интересно не больше, как доказательство.

— В самом деле, — протянул доктор Гнейс, беря со стола лист бумаги и кусая кончик ручки. — Ну, хорошо. Я дам вам именно то, что вы желаете.

С этими словами он набросал на бумагу тончайшее круже во самого причудливого почерка в мире и протянул ее Дубиндусу.

«Могу засвидетельствовать, что представленные мне осколки сине-серого цвета, твердой консистенции, неправильного октаэдра, будучи положены под шину автомобиля, могут вызвать повреждение этой последней.

Доктор Гнейс».

— Вот, вот! обрадовался Дубиндус самым искренним образом: — правосудие вам признательно. Прощайте!

Он схватил со стола осколки, спрятал бумагу в портфель и, не теряя времени, выбежал из комнаты, столкнувшись в дверях с дюжим слугой доктора, спешившим к своему хозяину с неменьшей скоростью.

— Ну! — проворчал Зильке, поддерживая свой нос: — Для палеозойского периода это слишком молодо. Не по возрасту! Сударь, к вам пожаловала какая-то слюдяная палка без всякого промышленного значения, сильно выветрившаяся, — я бы даже сказал, — склонная стать асбестом, если б это не противоречило науке.

В подтверждение его слов в комнату вошел маститый старец. Белоснежная бахрома волос и бороды украшала его голову. Стекловидные глазки смотрели сквозь стекла пенсне. Стекловидный нос раздваивался к середине и раstraивался к самому концу, напоминая удачный водосток, прорубленный в глине. Он был безукоризненно одет и держал себя с достоинством. Это был министр Шперлинг, друг и единомышленник убитого Пфеффера.

— Вы меня узнали! — ласково произнес он, мановением руки отклоняя всякие почести. — Я совершил свой обычный тур в Тироле, тем более, что, как известно всему немецкому народу, наступает день моего рождения... Небольшое торжество, которому не следует, совсем не следует придавать национального характера!

С этой маленькой скромной речью (ибо скромность была отличительным признаком великого Шперлинга) он уселился против Гнейса, положил ноги на стоявшую внизу скамеечку и подготовился продолжать.

Доктор Гнейс был раздосадован. Он знал о своем посетителе ровно столько, сколько сообщил Зильке.

— Но вдруг, когда я завтракал в деревушке Нёслах, — я завтракаю просто: яичко, две-три тартишки, ломоть ветчины, блюдце с вареньем, чашка кофе и два-три яблока — это все. Иногда, знаете ли, этим приходится довольствоваться до обеда, — он весело и добродушно засмеялся, — мы служим, как и все другие!

— Но позвольте! — возмущенно перебил его доктор.

— Нет, нет, — министр ласково поднял руку, — не говорите мне о моем здоровье! Когда речь идет о пользе отечества и... — министр поперхнулся: — рабочего класса, Шперлинг забывает о своем здоровье. Я привык почти никогда не думать о себе. Воспитание моей покойной матушки и чтение Маркса сделали из меня человека, просто органически неспособного останавливать мысль на своей особе. На эту тему в моем дневнике... — Тут министр вынул из кармана записную книжку. — В моем дневнике есть прелюбопытные мысли... Позвольте, я вам... «Я родился в тот год, когда»... нет, это не то... «моя жена сообщила, что на этот раз мои воротнички»... опять не то... «я тихо улыбнулся»... — не то, не то... — кажется, на сто двенадцатой странице...

Но тут, нечаянно подняв глаза, он увидел, что кресло его собеседника пусто. Доктор Гнейс большими шагами удирал на противоположный конец комнаты.

— Ради бога! — вскрикнул министр, подняв руку. — В этот час дня я не пью и не ем. Не беспокойтесь. Ничего не надо. Решительно ничего.

Удивительная стойкость и выдержанность этого человека, несмотря на сильную его выветренность, справедливо отмеченную Зильке, — удивила даже доктора Гнейса. Он вернулся и покорно сел на место, зажмурившись так крепко, как только мог.

— Время мое рассчитано до последней минуты, ведь без меня не обходится ни одно заседание, — виновато проговорил министр, — вот почему я не в состоянии излагать вам дело детально. Скажу только, что в Тироле меня буквально потрясли, дав мне газету, где сообщалось об убийстве моего друга Пфеффера. Я понял, что настал миг экстренных соображений. Я дал телеграмму жене и партии. Я был встречен на вокзале. Все плакали. Множество венков с надписью «От генерала Гика», «От гильдии купцов», «От заводов Круппа», «От германского про... промышленного класса», «От профилактического общества», «От фабрики промокательной бумаги», «От протезной фабрики», словом, от пролетариата, устилали дорогу. Если бы был убит я сам, полагаю — похороны не были бы более внушительными.

Министр отер глаза носовым платком, наклонился и шепнул:

— Дальнейшие события показали, что нам угрожает новая война. Пасифистское общество обратилось к правительству со справедливым меморандумом. Я созвал совещание. Было решено пустить в ход все средства, чтобы предотвратить народное бедствие. В настоящую минуту, любезный доктор, лучшие химики государства изготавливают по моему указанию ядовитые газы. Но мне важно, чтоб такой ум, как ваш, заработал в унисон с моим.

— Вы хотите, — сказал, наконец, доктор Гнейс, кладя нежную руку на стол, — вы хотите, чтоб я стал раскрепощать весь яд, скованный камнями и металлами путем всей их многовековой деятельности? Вы хотите, чтоб я разложил минерал?

— На пользу ближнему своему, вот именно. Ведь не можем же мы устранять вас от государственной работы, когда, по общему мнению, вы являетесь одним из крупнейших химиков!

Министр был положительно возмущен наивностью этого лысого человека, ухитившегося сохранить свой средневековый ум в эпоху величайших социальных катастроф.

— Поймите, мы этим обезвредим армию противника! Мы связем ее по рукам и ногам, прежде чем она на нас движется.

— О какой армии идет речь?

— Об армии варваров, убийц и драконов, называющих себя социалистами, — о большевиках.

Доктор Гнейс вздрогнул. Наступило минутное молчание.

— Хорошо, — медленно сказал химик, вставая с места, — я к услугам правительства.

Зильке с большим удовольствием выпроводил министра; он непрочь был бы расщепить ему нос дверью, чтобы до кончить процесс расслоения, протекавший в означенном экземпляре слишком медленно и непоказательно. Но голос патрона привел его в себя:

— Зильке, я ухожу! — сказал доктор Гнейс со странным выражением лица, держа в руках хрустальную чашу. — Что бы ни случилось, расти моих деток. Береги мою лабораторию. Охраняй наш музей. Прощай.

С этими загадочными словами доктор Гнейс вышел, запахнувшись в черный плащ с капюшоном. Зильке осталбенел, посмотрев ему вслед. Он почувствовал, как весь его телесный материк дрожит от непредвиденного удара, равного которому не извергала даже Фузи-Яма.

Глава восемнадцатая

ЗУЗЕЛЬСКИЕ УГОЛЬНЫЕ ШАХТЫ

С того самого места, где на шоссе белеет роковой столбик

идут вниз, по непроходимым кручам, дорожки в покинутые угольные шахты. Уголь давно разработан, оборудование снято и разрушено, шахты засыпаны и залиты водой. По мнению зузельских обывателей, шахты наполнены чертами. Ни один гражданин не рискнет к ним спуститься. Ни один мальчишка не забредет дальше первой платформы, где кончается узкоколейка, давным-давно снятая по кускам. Только пастухи богатых рейнских аграриев облюбовали себе склоны к этим шахтам и пасут на них огромные стада мериносовых баранов.

Надо признаться, издалека эти черные шарики, перекатывающиеся по тропинкам, придают ландшафту, особенно на рассвете, большую живописность. Пастух в широкой шляпе и с кнутом в фуках бегает от одного мериноса к другому. Животные переваливаются, тряся курдюками. Они кушают траву в высшей степени экономно, как, по крайней мере, показалось бы внимательному наблюдателю. Вот один баран юркнул в расщелину и исчез. За ним перекатился второй. За вторым третий. Не прошло и пяти минут, как исчезло все стадо, а за ним провалился и сам пастух. Пастбище пусто.

Расщелина, куда направились животные, идет прямехонько в полукруглую пещеру, невидимую ни сбоку, ни сверху. Здесь мериносы один за другим посыдали с себя

баранью шкуру и вытерлись рукавами собственных курток.

— Жарко, братцы, — простонал один из них, с сильным провансальским выговором, — не мешало бы обрядить Сорроу разок в этакую шубу.

Пастух погрозил ему кнутом:

— Помалкивай! — отрезал он безжалостно. — Вот когда растопят твой жир на стеариновую свечку, как нынче про-деляют с военным покойником, — помянешь ты мерино совую шкуру.

— Сорроу, — не унимался провансалец, прыгая вниз за остальными ребятами, спускавшимися теперь по высеченным в скале ступеням, — я так думаю, что нам лучше вместо всякой канители залезть в шкуры раз навсегда, да и уйти в горы.

— Ага! — проворчал Сорроу: — римские рабочие выкинули штуку по этой части в незапамятные времена. Только я полагаю, ребята, не в пример лучше загнать в баранью шкуру врага, да потом выколотить, да потом вымыть, да потом маленько постричь, ну, а потом и в гору погнать на подножный корм.

Вся компания поддержала его одобрительными криками, наградив провансальца тумаками. Их было человек до ста, разнообразнейшей национальности. Каждый говорил на своем языке и отлично понимал другого. Впереди пробирались горняки со всех частей света: угольщик из Донбасса, медник из Мексики, платиновец из Испании, каменщик из Памира, солевик из Аравии, железник из Лотарингии, искатель драгоценного камня из Бразилии и другие — каждый с мешочком у пояса, где он хранил образчик своей добычи, с молотком на бедре, как носят оружие, в остроконечной кожаной шапочке — символе высшей квалификации по части своего дела. Горняки шли цепью, положив руку на плечо переднего товарища, и на разных языках пели свою перекличку, не терявшую от этого ни складу, ни ладу:

Бей, рудокоп!
Рой глубоко.

Проходи молотком
Жилу...

Затягивал один, а другой откликался:

В воде и ветру,
В строю и смотру
Быть тебе, друг,
Живу!

Вслед за горняками поспевали металлисты. Эти шли скопом, как люди солидные. Лица у них были серые, со свинцовым оттенком, щеки ввалились, руки пропитаны металлической пылью. Каждый носил куртку цвета обрабатываемого им металла. У каждого была на рукаве треугольная нашивка — символ высшей квалификации по своей части.

Это был цвет — самый отборный цвет рабочего мира. Каждая отрасль из каждой части света прислала сюда умнейшего и толковейшего парня, на всемирную конференцию горняков и металлистов, созданную союзом «Месс-Менд».

Между тем дорога становилась все круче да круче. Каменная лестница уперлась в пишу, откуда началась железная воронка вниз. Тут и металлистам пришлось пропустить своего брата поодиночке. Горняки кончили перекличку; первые из их отряда уже достигли площадки. Тогда и металлисты грязнули свою песенку, подхваченную тысячью эхо под каменными сводами и бесчисленными покинутыми галереями. Коновод затянул:

Братцы, сбросим рабство с плеч!
Смерть былым мученьям.
В мир велим металлуте течь
С тайным порученьем...

Хор ответил стремительным речитативом:

Чтоб металл
В себя впитал

Нагревом и ковкой,
Заклепкой, штамповкой,
Сверленьем, точеньем
И волоченьем...

Одна группа спускающихся, отбивая тakt по перилам лестницы, выводила с силой:

Дутым,
прокатанным,
резаным,
колотым,

другая отбивала ей в ответ:

Домною,
валиком,
зубьями,
молотом,

и все, сколько их было, металлсты и горняки, в унисон громовым раскатом, подхватили:

Через станки
От рабочей руки
Клятву одну:
Долой войну!
К чорту долой войну!..

Не успели еще отзвучать последние слова песенки, известной под названием «клятвы металллистов», как толпа рабочих дрогнула и остановилась.

Перед ними — огромная, сталактитовая пещера, с небольшим озером посередине, светящаяся бледным опаловым блеском. И на отполированном камне, возле самого озера, залитый опаловым сиянием, сидит человек в черном плаще с капюшоном, поднимая хрустальную чашу, ни дать, ни взять, как в каком-нибудь балете.

Глава девятнадцатая

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ КОНФЕРЕНЦИИ ГОРНЯКОВ И МЕТАЛЛИСТОВ

— Ребята, это доктор Гнейс, величайший химик и минералог нашего времени! — крикнул Сорроу.

Рабочие сбежали в пещеру и окружили старика, растерянно смотревшего мимо них двумя кроткими глазами — желтым и зеленым.

— Сорроу, — произнес он, выпрямляясь и сбрасывая капюшон, — я ушел от них навсегда. Примите меня к себе.

Сорроу хлопнул его по плечу без всякой торжественности:

— Выкладывайте, старина. Нынче последний день нашей конференции. Вас будут слушать самые умные парни в мире. Мы ждали из Зангезура бедняжку Лори, а вместо него получим вас.

— Я ушел оттуда, — задумчиво начал Гнейс. — Они потребовали, чтоб я разложил минерал. Сорроу, друг мой, они хотят, чтоб минерал отдал им назад все скверное дыхание, весь яд, все зловоние, скованные тысячелетиями! И чтоб в этом я помог им моими собственными руками.

— Верно, вас тащут в химическую войну! — догадался Сорроу. — Ну, дядя, без этого не обойдется.

Гнейс поник головой и заглянул в хрустальную чашу:

— Друзья мои, — слабым голосом пробормотал он, — у меня был какой-то министр. Он уверял, что на Германию наступают русские. Война предстоит с большевиками. Значит — и вы тоже пойдете бить своих братьев?

Рабочие переглянулись и расхохотались.

Сорроу быстро подмигнул своему соседу, рурскому шахтеру Францу, и тот, сбросив куртку, вошел в озеро. Дойдя до его середины, он нырнул вниз головой. Не прошло и секунды, как свет в пещере изменился. Он погустел, опаловые краски отдали багрянцем. Вода в озере шевельнулась

и пошла на убыль. Вскоре от нее не осталось ни капли. Вся пещера горела оранжево-красным огнем. Перед ними, вместо озера, лежали отлогие, полированные ступени вниз, — откуда, как дым, излучался пурпур.

— Ну-ка, дядя, спуститесь в нашу собственную лабораторию,— не без гордости промолвил Сорроу и, подхватив Гнейса подмышки, потащил его вниз. Горные хрустали передавали друг другу трепетанье тысячи красных огоньков. Внизу шел гул от подземной реки. Вверху носились подземные ветры. Во второй пещере перед Гнейсом открылась отлично оборудованная мастерская. Все виды машин стояли тут в строгом порядке. Способы обработки металлов, изготовления сложных сплавов, ковка, отливка, прокатка, выделка машинных частей, их соединение, их демонстрация — одно за другим открывалось зренiuю. Но все это было детского размера. Пушки, аэропланы, пулеметы, газобросы и газо-прожекторы, убивавшие светом, все было расчитано на пятилетнего ребенка.

— Мастерская военных моделей, — произнес Сорроу. — Слушайте меня, дядя Гней! Раз в год горняки и металллисты собираются сюда на конференцию. Каждый приносит за пазухой чертежи. Каждый знакомит другого с тайными изобретениями своей страны. Нет ни одного рабочего, который не знал бы, чем вооружен его брат в другом государстве. Лучшие умы, сойдясь вместе, в течение недели изобретают здесь способы, как повернуть эти штуки в нашу пользу. А вы воображаете, что мы пойдем бить своего брата!

Он был прерван ярко-зеленоi вспышкой прожектора, загоревшейся под потолком.

— Вода пущена из озера. Кто-то идет! — закричали рабочие, кидаясь к гранитной стене, защищавшей лестницу. — Пустите электрический ток!

В мгновенье ока между мастерской и стеной протянулся обнаженный электрический ток. Пурпур пещеры померк. Рабочие выхватили оружие.

...В мир велим металлу течь
С тайным порученьем...

Загремел с лестницы веселый голос, и в ту же минуту, перепрыгивая через десять ступеней сразу, к ним ринулось ободранное, грязное, странное существо в женском чепце и широчайшей юбке.

- Менд-месс, братцы!
- Месс-менд!
- Лори Лэн!
- Скотина!
- Мошенник этакий!

Сотни рук протянулись к бегущему для того, чтоб хозяева их были отшвырнуты на самый конец пещеры.

- Эй, уберите ток, чорт возьми!

Провод, свистя, потянулся обратно.

Лори вбежал в мастерскую и упал на шею к Сорроу, стиснув его так судорожно, словно дамский чепчик решительно отразился на его мозгах:

- Сорроу, дружище. Ребята. Ух!

— Ну, теперь тебе впору упасть в обморок, раскинув все четыре лапы, — ворчливо пробормотал Сорроу. — Когда ты утомонишься, Лори Лэн, металлист?! Откуда ты в таком виде?

— К чорту! — проревел Лори, сбрасывая с себя юбку и чепчик: — меня задержали. Не стоит об этом говорить. Хорошо, братцы, что я все-таки очутился среди вас.

— Садись и говори! — с этими словами Сорроу тряхнул Лори за шиворот и поместил его на каменную плиту, пряжехонько у ног дяди Гнейса, задумчиво прислушивавшегося к происходящему.

Лори вытер лицо рукавом.

— Коротко говоря, ребята, в Зангезуре мною найден новый минерал. Вышло это диковинным образом. Я не мог определить, что это за штука. Знаю только, что сила его эманации огромна. Он разложил все соединение залежи меди, он превратил руду в какое-то кипение. Глина вокруг него превратилась в фарфор. И при всем том, ребята, он на вид самый холодный, простой, серо-синий камешек, не оказалший ровно никакого действия на мои руки, покуда я его отламывал от скалы. Молоток-то мой пришлось бросить.

Никакой металл с ним не справляется. Я орудовал руками.

— Что за сказки! — вырвалось у Сорроу, слушавшего Лори с нахмуренными бровями.

— Посмотрел бы я на тебя, Сорроу, с этим минералом в карманах! — ответил Лори спокойно. — Посмотрел бы я, как бы ты отмахал тысячи верст без железных дорог, аэро-планов и автомобилей.

Рабочие вытаращили на него глаза.

— Ну, да, я прослыл конокрадом и контрабандистом, — продолжал Лори, — я загонял одну за другой всех коняг, которых мне удалось стибрить. Я плыл на лодках и кораблях. Я летел на старом аэростате, точь в точь таком, как рисуют его в старых книжках. Бедняга Ребров сидел три ночи, обдумывая план моего продвижения.

— Да почему, чорт возьми?

— А потому, ребята, что поезд сойдет с рельсов, аэроплан потеряет высоту, каждый мотор начнет вратить, как газета, каждая стрелка отклонится, каждый револьвер даст осечку, если вы возьмете с собой кусок этого вещества. Только вода умеряет его действие. Но не мог же я, чорт возьми, сесть в вагон вместе с ванной или пуститься к вам вплавь!

— Дай-ка сюда эту диковину!

Лори развел руками:

— Скрадена, братцы. Скрадена при обыске немецким жандармом, в трех верстах от нашей пещеры, на Зузельском шоссе!

— Н-ну! — промычал Сорроу иронически. Рабочие переглянулись между собой.

— В Зангезуре, как я слышал, — начал Сорроу миролюбивым тоном, — свирепствует страганецкая лихорадка, ребята. Люди от нее так и валятся и спят по суткам. В эти сутки не без того, конечно, чтоб им не снились разные там сны. Вот и наш Лори, повидимому...

— Сорроу, — свирепо прервал его Лорл, вспыхнув, как кумач, — какие бы сны ни снились... — Он стиснул зубы, словно отгоняя от себя надоедное воспоминание, — какие бы сны ни снились во время лихорадки, а они снятся, чорт их побери!.. То, что я рассказал вам...

— Совершенная истина!

Голос, произнесший эти два слова, принадлежал дяде Гнейсу. Старик обвел изумленных рабочих задумчивыми глазами и положил руку на белокурую голову Лори Лэна:

— Такой минерал существует, юноша не соврал. Он сейчас перед вами, вот в этой чаше из горного хрусталия. Не бойтесь, друзья мои, в таком виде он связан по рукам и ногам, потому что он бессилен над девственным холодом хрусталия. Он закупорен.

— Где вы его взяли? — спросил Лори.

— Полицейский агент принес его ко мне для определения. Я дал ему взамен несколько безвредных кусочков медной окиси. Все, что я получил для исследования, мною претворено до последней крошкинки вот в этот драгоценный сок.

Наступило торжественное молчание. Сотня глаз устремилась теперь на хрустальную чашу, высоко поднятую стариком. Не это ли, наконец, страстно искомое рабочими всего мира средство, что сделает их хозяевами положения?

Глаза старика светились грустью. Он медлил. Казалось, он не хотел открыть тайну.

— Перед вами, — сказал он, наконец, дрожащим голосом, отдавшимся под сводами пещеры, — перед вами конденсированная кровь той странной руды, которая не должна была бы никогда быть найденной человеком, ибо ее пребывание связано с центром нашего земного шара. Это — магнитная сила всех элементов, это — пол неорганического вещества в его обнаженном виде. Как и откуда этот элемент мог найтись в Зангезуре, нам расскажет Лори. Я же могу только сказать, что если он здесь, он может пойти в работу. Но, дети мои, друзья мои... — Глаза старика наполнились крупными слезами. — Простите мою слабость. Эта страшная сила принесет камню страдание. Она должна дать ему то, что движает человеком, что лишает покоя вселенную, крутит все живое в отвратительной судороге, умножая бессмысленный хаос форм. Она должна принести ему то, от чего он был до сих пор почти свободен, должна обокрасть его, унизить, раздвоить его, словом, она должна

принести металлу то нарушение земного ритма, которое вы, слепые люди, называете... любовью.

— Чертовщина, дядя! — ласково упрекнул Сорроу. — Валяйте-ка безо всякой алхимии!

— Хорошо, — решительно ответил Гнейс, твердыми шагами подходя к рабочим, — идемте, друзья. Я покажу вам колоссальное практическое значение этой жидкости, приванной поляризовать металлы.

С этими словами он взял под руку Сорроу и повлек его в то отделение мастерской, где производились опыты по сплаву и ковке.

Глава двадцатая

КАК ФИРМА ЛУРЗЕ ПОЛУЧАЕТ БОЧКИ С КЛЕЕМ

Как только поезд приблизился к Эльберфельду, Дурке пртер глаза и выскочил из своего купе на приступку. Перед ним шел товарный вагон с бочками. Он не спускал с него глаз. Платформа уже надвигалась, как вдруг он заметил, что она оцеплена жандармами, на ней не виднеется ни единого пассажира, и только два каких-то господина в крылатках и с бумагами в руке одиноко прохаживаются взад и вперед. В ту же минуту поезд дал задний ход, товарный вагон отцепился от соседнего и полным ходом пошел к платформе, в то время как его собственный выразил намерение пятиться назад.

— Пассажиры выходят на нижней платформе, — крикнул кондуктор, — здесь происходит приемка груза.

Дурке выскочил на перрон быстрее зайца.

— Как бы не так! — пробормотал он, подсовывая кондуктору полицейский билет. — Скорей фрау Дурке отцепится от своего мужа, чем я отцеплюсь от этого вагона. Пусти-ка, любезный!

— Проходите, — буркнул кондуктор. — Эй, да куда вы! Берите пропускной билет!

Он вырвал из чековой книжки розовый билетик и вручил его Дурке как раз во-время, ибо честный слуга правосудия собрался уже покатиться вслед вагону. Сунув розовый билетик в зубы, он-таки догнал его и, подскочив, устроился на площадке. Между тем кто-то выглянулся из вагона и отсалютовал двум мужчинам в крылатке черным флагом.

— Клей фирмы Лурзе?

— Клей фирмы Лурзе, — послышалось в ответ многозначительным тоном.

Тут двое людей заметили Дурке. Один из них выхватил свисток. Раздался свист.

— Стой! Держи! Кто таков!

— Свои люди, — ответил Дурке с важностью, — разве не видите, что я полицейский агент?

— Чорт! — выругался человек в крылатке, топнув ногой: — двадцать раз говорил, чтоб не вмешивали сюда полицию! Остановите вагон у ссыпки.

Огромный элеватор был спущен к самому вагону. Безлюдная платформа мертвая. В полной тишине и молчании несколько человек принялись выгружать бочки.

Вот выкатилась одна. За ней другая. Приподняты к элеватору, зацеплены на крюк, опрокинуты...

Глаза Дурке вылезли на лоб от изумления! Клей фирмы Лурзе обладал необычайными свойствами: из открытых бочек в чашку элеватора посыпался порох.

Между тем два человека считали бочки. Когда чашка наполнилась, элеватор поднял ее, точь в точь как слоновый хобот поднимает копеечку, и перебросил за вокзал, во двор великолепного белого здания, похожего на молитвенный дом или воскресную школу.

— Девяносто восьмая, сто первая, сто двадцатая, сто тридцать шестая... сто сорок...

— Стой! — завопил Дурке, когда бочка номер сто сорок один взлетела над чашкой элеватора: — осторожней! Держите ее горизонтально. Там не... не клей!

Но было уже поздно. Голова несчастного проповедника высунулась вниз, в тщетной попытке найти перемещенный центр тяжести, потом судорожно втянулась в плечи, и хозяин ее пролетел, как снаряд, прямехонько в чашку пороха, под дождем голубых брошюр.

— Что это значит? — свирепо зарычал господин в крылатке, подходя к Дурке. — Извольте объяснить, кто уполномочил вас вмешиваться в чужие дела? Как вы смеете подсовывать нам вместо нашего товара...

— Помалкивайте! — отрезал Дурке: — это беглый убийца. Ташите его сюда. Вяжите его по рукам и ногам!

Проповедник высунул голову из чашки и уставился на них побелевшими глазами. Он был обсыпан порохом, как мукою. В ноздрях, волосах, ушах и веках его сидел порох.

— Любезные братие, — завопил он диким голосом, — не слушайте этого человека с тонким носом. Дайте мне покушать. Дайте мне попить. Я агент Международной Лиги мира!

Жандармы сунули ему шест с перекладиной и сняли его из чашки, как гусеницу с фруктового дерева.

— Хорошенькое место для проповеди, — заметил человек в крылатке, подозрительно оглядывая проповедника. — Все это очень мило, но каким образом вы попали в бочку?

— Интриги, — простонал проповедник, сжимая себе живот обеими руками, как если бы духовная пища, вкушенная им в течение суток, вызвала в нем судороги, — интриги разоблаченной гиены. Дайте мне покушать! Дайте мне попить! Я все открою.

Между тем Дурке прыгал вокруг своего врага с отчаянием настоящей гиены, бессильной пожрать живую жертву. Он никак не мог привести ее в тухлое состояние. Он не имел в кармане бланка об аресте!

— Поймите, — взывал он к жандармам, — я Дурке, полицейский агент! Вот мой билет, вот пропуск. Я охочусь за этим преступником двое суток.

— Попросите этого доброго человека достать из пороха мою брошюроку, — выл проповедник, — вы увидите, что я жертва политической мести.

Жандарм полез тем же шестом в порох и извлек оттуда несколько голубых брошюр:

ГИЕНА В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ, ИЛИ ВОЕННЫЕ ЗАМЫСЛЫ БОЛЬШЕВИКОВ

— Гм! Гм! — произнес человек в крылатке, не без удовольствия перелистывая брошюру: — очень хорошая вещь. Разумная, популярная, современная вещь. Это издание Лиги Мира? Так, так... Петер! Возьмите этих людей подручку и выведите их вон. Если один хочет арестовать другого, пусть сделает это на улице. Я умываю руки. Брошюры оставьте тут, они могут нам пригодиться.

С этим соломоновым решением человек в крылатке обернулся к бочкам и махнул платком:

— Сто сорок вторая...

— Ай-ай! — взвыл проповедник
— Гыррр! — зарычал Дурке } влекомые жандармом с платформы.

Но крики и вопли их не предотвратили течения судьбы, поставившей их через десять минут друг против друга на чистенькой улице Эльберфельда.

Глава двадцать первая

ГОСТИНИЦА СВЯТОЙ КУНИГУНДЫ

Справа и слева от них тянулись прехорошенькие домики, занятые главным образом благочестивыми книжными магазинами и типографиями. Витрины пестрели духовными картинками о «Конце мира», «Сошествии в ад», «Чуде святого Конкордия» и «Молитве на сон грядущий», изображавшей дитя с приподнятыми кулаками. Это зрелище, повидимому, подняло дух проповедника. Он сунул руки в карманы своей юбки, задрал чепец и толкнул Дурке плечом.

— Фью! — пискнул он вызывающе.

— Фью! — ответил Дурке, взъерошиваясь, как петух, и в свою очередь сунув руки в карманы.

— Ну-ка! ехидствовал проповедник, явно издеваясь над агентом.

Чорт побери Дубиндуса! Дурке был разбит, побежден, унижен. Он ничего не мог сделать, кроме как повторить восклицание проповедника, вложив в него всю силу ненависти:

— Ну-ка!

Неизвестно, сколько времениостояли бы они плечом к плечу, один — сотрясаясь от злобы, другой — хихикая от насмешки, если б проповедник не счел за нужное прервать эту опасную близость с разоблаченной гиеной: он победоносно оглядел Дурке с ног до головы, преспокойно перешел улицу — и скрылся в книжном магазине.

Однако Дурке был не из таковских, чтоб выпустить птицу из-под самого своего носа. Оглядевшись вокруг, он увидел приветливую вывеску:

ГОСТИНИЦА
СВЯТОЙ КУНИГУНДЫ

и, не медля, вбежал в нее, то и дело оглядываясь на книжный магазин.

За конторкой сидела приятная полная дама в зеленом переднике. У дверей стояла длинная, худая дама в зеленом платье. На лестнице мелькнуло еще что-то зеленое, и через секунду агент был окружен целым цветником милых, приятных созданий, одетых в зеленое. Правда, каждой из них было не менее сорока, но еще покойный Овидий, специалист по женской части, как известно, рекомендовал «отсчитывать пять раз семь» и предпочитать женский пол «как раз вскоре после этого».

Зеленые нимфы оглядывали его, то и дело хихикая себе в ручки.

— Мадам, — сказал Дурке, подходя к конторке, но не выпуская из поля зрения книжного магазина, — дайте мне комнату с окном на улицу, точь в точь как эта самая.

— Хи-хи-хи! — залилась приятная дама.

— Хи-хи-хи! — ответил ей весь цветник, скрыв покрасневшие лица в зеленых складках фартуков, отчего они удивительно напомнили надрезанные арбузы.

— Я нанимаю у вас комнату! — сердито повторил Дурке, придвигаясь к конторке.

— Но дорогой господин и, смею надеяться, добрый христианин! — вспыхнув, произнесла дама: — ведь это же христианская гостиница для одиноких женщин. Разве вы не видели вывеску?

Дурке хотел было чертыхнуться, но во-время удержался. Взглянув в симпатичные глазки дамы, он нашел, что они, право же, были недурны собой.

— Я полицейский агент и должен караулить преступника, скрывшегося в магазине, что напротив, — произнес он самым нежным голосом. — Правосудие, дамочка, стоит выше предрассудка! Вы можете положить полицейского агента прямо к себе в постельку, если этого требует правосудие, и, смею вас уверить, красавица, оно не повредит вам ни на волосок.

Прелестная хозяйка залилась краской, что сделало ее еще соблазнительней. Она беспомощно поглядела на свою

помощницу.

— Вот мои документы, — продолжал Дурке, выкладывая на конторку полицейский билет. — Не думал я, сударыня, что наши лютеранки хуже католичек. Коли я пойду с моим чином и званием в католический монастырь, они меня впустят во всякое время дня и ночи.

— Если правосудие требует, — шепнула хозяйка раслабленным голосом, — чтобы мы приняли в свои недра мужчину, то пусть Октавия Фрунк проведет уважаемого господина в мою комнату.

— Моя не в пример удобней! — взволнованно вмешалась худая помощница: — из моей, фрейлейн Тропик, видно каждое окошечко парфюмерного магазина!

— Но ему нужен книжный магазин, а не парфюмерный! — настаивала хозяйка. — Из моей комнаты можно прочитать псалом под молящимся дитятей, буква в букву. И так как, дорогой господин, вы представили документ, я не имею права взять с вас за содержание... Нет, нет, ни слова!

Октавия Фрунк с сердцем подхватила агента под руку, чтобы провести его в комнату своей хозяйки.

— Еще одно! — повернулся Дурке. — Вы, душечка, сидите тут перед самым окном. Следите, пока я дойду до комнаты, не выйдет ли из магазина кособокая фигура в чепце и женской юбке... О, не волнуйтесь, это и есть переодетый преступник! Чуть что, мамочка, забейте тревогу.

С этой ласковой речью Дурке последовал вслед за нервной Октавией Фрунк, страдавшей затяжными сердцебиениями, по причине которых она вынуждена была то и дело падать на руки своего спутника.

Глава двадцать вторая

УСПЕХИ СЫСКА

Попросив одновременно горчицу, сою, зубочистку, плавательницу, полотенце, бинокль и ряд разнообразнейших предметов домашнего обихода, Дурке на минуту добился одиночества, вздохнул широкой грудью, извлек свой счет и написал:

Счет

За комнату с пружинным матрацом в отеле святой Кунигунды против магазина, укрывшего преступника, — 8 марок посуточно.

За пользование биноклем для слежки — 1 марка посуточно.

За полный пансион — 12 марок посуточно.

После этого он вынул заметно полегчавший кошелек, отсчитал сколько нужно, подбросил на ладошке и отправил себе во внутренний карман.

Не успел он произвести означенную reparацию, как в комнату вбежали Оливия с соей, Олимпия с горчицей, Октавия с зубочисткой и остальные девицы, каждая с каким-нибудь предметом в отдельности, вплоть до хозяйки, фрейлейн Кунигунды Тропик, принесшей бинокль. Они разместили все это на столе перед Дурке, уже обильно уставленном пуддингами, печеными яблоками и вареным картофелем, и добродетельно разместились вокруг него, чтоб оказывать правосудию помочь.

Каждая из них во все глаза глядела в окно. При появлении чего-либо, хотя отдаленно напоминающего преступника, как, например, стриженнной собаки аптекаря, подметальщика или почтальона, все двадцать девиц пронзительно вскрикивали и падали в обморок друг на дружку, делая

таким образом пространство, окружавшее полицейского агента, в силу теории относительности, все более и более относительным. Они отнесли бы его и совершенно в сторону, если бы действия их были согласованы и не страдали внутренними противоречиями. Как бы то ни было, внимание их было столь сильно поглощено преступником, что ни одна не заметила руки полицейского агента, поочередно облегавшей их талии.

— Ах, — вздохнула Кунигунда, — ах, дорогой господин! Вы не должны были пускать его в книжный магазин. Он оттуда не выйдет раньше, как через неделю.

— Может быть, он даже нанялся в магазин приказчиком, — подала голос Октавия. — Каково-то нам будет не спать все ночи напролет, чтоб не упустить его, когда стемнеет!

— Я буду варить кофе, — вмешалась Кунигунда, — и, наконец, мы можем сторожить поочереди.

— Вам необходим покой, — сладко протянула Октавия Фрунк. — Как христианка, я не могу допустить, чтоб вы, умаявшись за целый божий день, еще отказались от ночного сна. Не могу и не могу!

— Но, душенька моя, ведь я тоже христианка! — нежно настаивала фрейлейн Тропик. — Почему это вы хотите, чтоб моя совесть была спокойна, когда вы бодрствуете? Да я глаз не сомкну!

— Позвольте, дорогая фрейлейн Тропик...

— Нет, уж разрешите мне, любезная Октавия Фрунк...

— Ни за что, ни за что!

— И я ни -за что!

— Фрейлейн!

— Октавия!

Здесь две нервные женщины внезапно так судорожно наклонились друг к другу, что зыбкое равновесие стула, на котором сидел полицейский агент, не выдержало, и Дурке полетел на пол, сопровождаемый пронзительными воплями двадцати девиц. Кунигунда и Октавия свалились рядом с ним, одна по правую, другая по левую руку, и в ту же минуту зоркие глаза Октавии увидели недопустимую, неслыханную вещь, — полицейский агент чмокнул ее хозяйку

сперва в одну щеку, а потом в другую. Она не могла этого вынести.

— Преступник! — заорала она неистовым голосом: — преступник, преступник, преступник!

Дурке вскочил и подбежал к окну. Чорт побери: — перед книжным магазином действительно стоял извозчик, нагруженный розовым портпледом и чемоданом. На чемодане белело клеймо:

ПОМЕРАНИЯ

— Да почему же?.. — попыталась было вмешаться Кунингунда.

— Нет, простите меня, фрейлейн Тропик, — процедила Октавия с ненавистью, — я имею два своих глаза, которые видят все, что происходит. Это самый настоящий преступник с алиби. Он подготовил себе извозчика и чемодан. Он сейчас выйдет и, наверное, будет загrimирован... ай!

Она никак не ожидала от себя подобной пророческой силы: дверь книжного магазина раскрылась, и из нее вышел преступник. Он был загrimирован симпатичной старой дамой!. Белый парик выбивался у него из-под шляпки. Лицо его было покрыто густой синей вуалью. Преступник держал в руках газету, он добрел до извозчика неверными шагами, сел и...

Но тут полицейский агент быстрее молнии сунул себе в карман остаток пуддинга, нахлобучил фуражку и помчался вниз по лестнице, даже не сделав ручкой двадцати нежным христианкам, ничего не пожалевшим для правосудия.

Глава двадцать третья

СТАРАЯ ДАМА ИЗ ПОМЕРАНИИ

Старая дама из Померании тихо ехала на старом эльберфельдском извозчике. Она оттянула вуальку и с величайшим интересом читала купленную газету, прерывая чтение глубокими страдальческими вздохами. Извозчик, вздыхая, держал вожжи и ехал точь в точь так, как ездят все извозчики в Эльберфельде, — словно он перевозил отошедшую душу через Лету и не видел причины торопиться ни для себя, ни для нее. Именно поэтому ни он, ни старая дама не заметили Дурке, отлично висевшего сзади и посматривавшего в ту самую газету, которую читала старуха. Полицейский агент испытывал нестерпимое волнение. Он видел перед собой старый номер зузельской «Золотой Истины», не распространенной ни в Померании, ни в Эльберфельде. Старая дама, купившая этот номер, должна была иметь к тому особые причины. Номер сообщал об убийстве министра Пфеффера и Франциска Вейнтропфена.

Не было ни малейшего сомнения, что преступник наслаждался воспоминаниями или терзался укорами совести. Дурке был не в состоянии арестовать его даже с такой уликой в руках!

Проехав все книжные магазины, типографии и молитвенные дома, извозчик повернул лошадь к вокзалу и здесь, как Харон, протянул руку за деньгами. Дама расплатилась, подхватила обе вещи, несмотря на старческий возраст, энергично оттолкнула носильщиков и прошла к вокзальной кассе.

— Зузель? — переспросил кассир: — четырнадцать марок десять пфеннигов.

Старая дама всплеснула руками:

— Помилуйте, я от Кноблоха до Эльберфельда заплатила всего семь марок, а там гораздо дальше, и дорога труднее, — все мосты да тоннели, мосты да тоннели! Нельзя ли мне как-нибудь за восемь марок?

— Четырнадцать марок и десять пфеннигов, сударыня, — откашлялся кассир. — Здесь не магазин. Цены, напечатанные для всех граждан.

— Ох, как вы запрашиваете! — тянула старая дама. — Вы посмотрите, с кого вы просите. Я одной ногой в гробу стою. Разве я сяду в вагоне на полное место? Когда покупает толстый, хороший немец, пьющий пиво, еще можно брать такую цену. А с худощавой женщины...

— Не задерживайте публику! — прохрипел кассир.

— Вот девять марок, и дело с концом!

Кассир бросил обратно девять марок.

— Следующий!

Следующим был Дурке. Он совсем не купил билета и отошел в сторону. Старая дама долго еще торговалась и вздыхала, но кончила тем, что уступила кассири. Через полчаса они сидели друг против друга в вагоне третьего класса.

«Талантлив, собака, — думал Дурке завистливо, — и виду не показывает, что узнает. А какую комедию разыграл у кассы!»

Преступник был действительно талантливым и на редкость хладнокровным человеком. Он вытянул ноги, как только уселся, на скамейку, занятую Дурке, сложил руки на животе и мирно свистел носом, смеживши глаза. Он не шелохнулся, когда Дурке протянул кондуктору полицейский билет. Не шелохнулся, когда Дурке пошел давать телеграмму. Не шелохнулся, когда Дурке заглянул ему под вуалетку. Только запах пудинга, извлеченного Дурке из кармана, подействовал на его железные нервы настолько, что он вздрогнул и втянулся в себя воздух. Часы протекали мирно и без приключений. Ранним утром поезд подошел к Зузелю. На вокзале виднелась статная фигура Дубиндуса, нетерпеливо прохаживавшегося взад и вперед. Завида Дурке, он кинулся к вагону и шепнул своему помощнику лихорадочным голосом:

— Преступник тут?

— Увиден, пойман и побежден! — торжественно ответил Дурке. — Ваш помощник, херр Дубиндус, проявил необычайную ловкость. Он схватил убийцу, можно сказать, пря-

мо из кучи пороха и доставил его сюда, точь в точь как подстреленную дичь. Вы можете взять его голыми руками!

— Но Дурке! — простонал Дубиндус в полном отчаяния: — у меня до сих пор нет бланка об аресте.

Старая дама, между тем, проснулась, спустила вуальку пониже, схватила пожитки и энергично выпрыгнула из вагона. Можно было прозакладывать голову, что она кого-то боится. Поглядывая по сторонам, она шмыгнула на площадь и тут, за углом, вытащила из кармана смятый номер «Золотой Истины». Дубиндус и Дурке, затаив дыхание, следили за каждым ее шагом.

— Гм! Гм! — пробормотала дама: — попробую-ка я, попробую-ка я... И с этими загадочными словами она подозвала извозчика и крикнула:

— В морг!..

Глава двадцать четвертая

ВЕЛОСИПЕД МОСЬЕ РАСТИЛЬЯКА

Политика, если на нее смотреть с точки зрения медицинской, вещь неудержимая, как чиханье.

Молодой офицер французской армии, мосье Растильяк, наехал на велосипеде на ворота Советского торгового представительства как раз в ту минуту, когда оттуда выходил заведующий. Он опрокинулся на спину, получил тяжкие увечья и потребовал от Советской России извинений, компенсаций и гарантий.

— Мы просим извинения за то, что на нас наехали. Мы выдаем компенсацию в размере установленном, за вычетом наших убытков. И мы отказываемся выдать гарантий, поскольку мосье Растильяк имеет склонность ездить по воротам, стенам и прочим вертикальным плоскостям.

Таков был в высшей степени иезуитский и уклончивый ответ советской дипломатии. Весь город был крайне взъярен проишшедшем. Рейнский пограничный кордон увеличился вдвое. Солдаты ходили с траурным бантом на рукаве.

Прошел день, и мосье Растильяк мог уже встать на ноги, поддерживаемый денщиком и ефрейтором. В таком виде он стал ходить по кофейням и билльярдным, усиленно утрамбовывая кулаком то место, где, по анатомии, должно было находиться его сердце. Но странное дело! Те, кто знал плутоватую рожицу Растильяка, были сбиты с толку совершенно новым для них выражением: Растильяк казался напуганным. Частенько посередине речи он обрывал самого себя, бледнел и оглядывался по сторонам.

— Что с тобой, Жорж? — конфиденциально спрашивали товарищи: — не может быть, чтоб ты струсил! Какого черта ты нервничаешь?

— Я убежден, — тихо ответил Растильяк на один из таких вопросов, — что за мной кто-то следит. Я чувствую на себе чьи-то глаза...

Он вздрогнул и передернул плечами, забыв, что у него перелом ключицы, засвидетельствованный печатью и подписью гарнизонного врача.

Нервозность такого весельчака и озорника, как Растильяк, наполнила суеверным страхом сердца ефрейтора и денщика. Среди солдат пошли рассказы самого пагубного для дисциплины свойства.

— Идем это мы, братцы, по улице, — рассказывал ефрейтор Растильяка, — а за нами катится парочка — ну, лопни я на пятой рейнской бутылке, если вру, — катится парочка этаких, знаете, глаз, обыкновенных, черного цвета. Катится и таращится, катится и таращится.

— Что же они, с ресницами? — шепотом расспрашивали солдаты.

— Не скажу этого точно, — глаза и глаза. А вот как у них насчет ресниц, этого я не разобрал.

Понятно поэтому, что когда Растильяк объявил, что он перестанет ездить по шоссе в автомобиле, а будет брать из Мюльрока в Зузель лодку, честный ефрейтор запротестовал всем сердцем.

— Что за толк в воде, скажите мне на милость! — оторствовал он на кухне пансиона Рюклиинг, в то время как его офицер спустился один на мюльрокскую пристань. — И когда только был в ней какой-нибудь толк, начиная с Нояева потопа?! Плавать я не умею, пить воду разучился с трехлетнего возраста! Пускай плывет, если ему нравится.

Междуд тем не прошло и часа, как в зузельскую береговую полицию явился старый рыбак Кнейф. Он был бледен, как смерть, и объявил, что к их деревушке прибило лодку с испорченным мотором и трупом французского офицера.

Дознание установило, что Растильяк был задушен. На шее его нашли синие пятна от чьих-то пальцев. След их очень походил на руки и ногти самого офицера, да и пальцы его были так скрючены, что можно было подумать о самоудушении, если б только подобное предположение не было вздором.

Следственные власти выехали к месту происшествия. Крытый автомобиль доставил на берег Карла Крамера вме-

сте с его новым секретарем. Другой автомобиль привез полицейских агентов и Боба Друка.

Место, где лежал убитый француз, было в полутора километрах от дороги, на скалистом и совершенно пустынном берегу.

Черные утесы торчали, громоздясь друг на друга. Рейн ревел вокруг них не хуже, чем море. Разбитая моторная лодка лежала на самом берегу, носом в галуны. Возле нее, со скрюченными пальцами, страшный, посинелый, вздутий, Растильяк походил на тухлую медузу. Язык его высунут, глаза вылезли из орбит.

Карл Крамер с величайшим вниманием обследовал местность, разглядывая вместе со своим секретарем все, что напоминало следы. Он прыгал назад и вперед, поводя круглыми очками и делая движения пальцами, как глухонемой. Что касается Боба Друка, то он опустился на камни возле трупа и сонно поглядывал туда, где прыгала черная крылатка Крамера.

— Тс! Пст! Молодой человек! — зашипел возле самого его уха старый рыбак Кнейф. — Нет! Не показывайте виду, что со мной разговариваете. Нагнитесь над покойником, ниже, ниже!..

Друк лениво наклонился над покойником.

— Поглядите на его уши!

Удивительное обстоятельство: красные маленькие уши Растильяка были вздуты и напружены неестественным образом. Хрящик стоял торчком, мочка ввернута внутрь, как если бы кто-нибудь собирался заткнуть ею ушное отверстие.

— Видели? — торжественно шепнул рыбак. — Ни слова! Помяните меня, если она не отомстит, коли станем чесать языки.

Боб Друк туманно улыбнулся в ответ.

— Вы опять про свое, старина, — пробормотал он с блаженной негой в голосе. — Как вам не лень! Я не могу спать ночью, а сейчас я положительно задремал бы вот на этом берегу, в присутствии умного, милого человечка. Видите, он прыгает по камням? Это знаменитый Карл Крамер. Любите его, рыбак.

В ответ на эту речь старый Кнейф протер глаза и устался на сыщика. Испуг его был сильнее, чем осторожность. Он вскрикнул:

— Парень, да вы... Да никак вы... Эй, дружок, сходите к береговому фельдшеру! Право, если б мне дали хороший молодой лопух и я приставил бы его к вашему лицу, он не показался бы мне зеленей, чем вы!

Глава двадцать пятая

АРЕСТ ДАМЫ ИЗ ПОМЕРАНИИ

Духота и жара, установившиеся над Зузелем, имели одно радикальное следствие: убийца Франциска Вейнтропфена, до сих пор искусственно подмораживаемый не хуже, чем в ледяном кругу Дантова ада, согрелся и провонял. Барометрическое давление было слишком для него сильно.

Было объявлено поэтому, что морг закрывается в двенадцать часов дня, после чего неопознанный труп убийцы предадут земле. Незачем писать, что вся уважающая себя зузельская публика, аккуратно посещавшая похороны, пожары, судебные процессы и железнодорожные проводы, с корзинкой провизии и бутылкой кипяченого молока, что вся эта часть Зузеля ринулась в морг целой лавиной.

Провонявший убийца с пятнами разложения на щеках был попрежнему вознесен на столе. Десять отборных инвалидов, из отправленных газами, стояли вокруг его ложа. Почетная публика расположилась по чину и званию, здороваюсь друг с дружкой и обмениваясь впечатлениями дня. Полицейский агент зевал в углу безо всякой надежды на профессиональную работу.

Как вдруг в залу ворвалась никому неизвестная пожилая дама с синей вуалью на лице и допотопным лорнетом в руках и тотчас же начала работать локтями, точь в точь как рыбы жабрами. Она двигала ими до тех пор, покуда негодящая толпа не приняла ее в свои недра, сопровождая этот невольный акт внедрения примечаниями, вроде «старой нахалки», «африканского верблюда» и «воровской отмычки».

Пожилая дама принимала это без всякой обидчивости и продолжала работать жабрами, покуда не очутилась у самого ложа убийцы.

Но тут лицо ее странно перекосилось под вуалькой, лорнетка повалилась вниз, руки судорожно вцепились в мертвца, а из горла ее вырвался вопль, до такой степени стран-

ный, что ни один профессор рефлексологии не мог бы определить его корни.

Это был вопль торжества. И вместе с тем это был вопль отчаяния. Вслед за ним дама резко, отчетливо, победоносно расхохоталась. И тотчас же испустила рыдание, преисполненное дикой скорби. Когда же голосовые средства ее были исчерпаны, она перекувырнулась на пол и заколотила ногами в воздухе, точь в точь как автомобиль с перевернутыми колесами.

Публика давно уже шарахнулась от нее в сторону. Жандармы и инвалиды окружили ее тесным кольцом. Запыхавшийся Дубиндус шептал на ухо полицейскому агенту, вне себя от гордости:

— Да, да, коллега! Это убийца! Переоделся женщиной. Ловлю его от самой Померании. Ухлопал уйму собственных средств! Арестуйте его! Я подам по начальству подробнейший рапорт!

— Сударыня, вы опознали убийцу? — спросил агент, энергично тряся кричащую женщину: — я обязан допросить вас!

— Нет, нет, я не узнала его, — вопила старуха резким голосом, — о боже, тысяча марок! Дайте мне капель, я жертва иронии судьбы, жертва, жертва!

Ничего, кроме этих слов, сменяемых пароксизмами горя и торжества, от нее нельзя было добиться. Тогда жандармы подхватили ее подмышки и энергично вытащили на улицу, где уже поджидала полицейская карета. Зрелище это, действовавшее на каждого арестованного, как холодная вода, повидимому, понравилось переодетому преступнику. По крайней мере, вопли его утихли, и он самым деловым тоном осведомился, где его извозчик.

— Тут, — угрюмо откликнулся извозчик, подъезжая к дверям.

— Возьмите с него мои вещи и переложите в карету! — приказал преступник, сверкая глазами. — Я арестована. Арестованные ни за что не платят. Арестованные, как и пьяные, доставляются в полицейские участки без уплаты за провоз.

Это была сущая правда, и извозчик с проклятием швырнул вещи наземь.

— Коли хотите знать, старая виселица с перекладиной вместо рта, — произнес он злобно, — коли хотите знать, что мне обидно, так это я вам скажу без утайки: мне обидно, что приходится жалеть о вашем аресте!

С этими горькими словами он отъехал в сторону. Преступника усадили в карету вместе с двумя жандармами и медленно тронулись в путь, окруженные огромной толпой.

— Талантлив, собака, ах, как талантлив! — шептал Дурке Дубиндусу, пока они шествовали вслед карете. — Выдержанка, тренировка, актерский пошиб. Теперь вы понимаете, херр Дубиндус, почему вашего кошелька еле хватило на всю операцию? Удивительно, право, как он не заставил нас положить в дело три таких кошелька!

Глава двадцать шестая

ОБЫСК В ТЮРЬМЕ

Доставленный в тюрьму преступник уселся на своих вешах с клеймом «Померания», охватил колени руками и стал качаться из стороны в сторону с переменным выражением высшего триумфа и самой черной скорби. Так именно застали его тюремный надзиратель, агент и дюжая баба в чепце, пришедшие в камеру.

— Сперва обыщите вещи и сдайте их сторожу, — проворчал агент, садясь на табуретку, — потом сорвите с него парик. Ты, Анна, помоги спутать эти самые дамские бахромки, чорт бы их побрал. Ну и мужчина! Да я бы не напялил на себя женскую канитель даже для того, чтобы пробраться ночью в католический монастырь.

Пока он давал волю своему красноречию, заменявшему ему менее дешевое удовольствие курения, надзиратель и Анна приступили к обыску. В розовом портпледе оказались подушка, одеяло, ночная кофта и клизма. В чемодане белье, фуфайка, набрюшник и еще одна клизма. Агент недоверчиво покачал головой на это в высшей степени подозрительное обстоятельство.

— Сорвите с него парик! — проворчал он сердито.

Надзиратель и Анна подступили к качающейся даме. Анна крепко схватила ее за шляпку — и сорвала шляпку. Потом, не слушая криков преступника, она еще крепче вцепилась в седую прическу, рванула ее — и ничего не сорвала. Седые космы рассыпались во все стороны вокруг старческой головы, — это были настоящие волосы.

— Гм! — протянул агент.

— Звери! — подбоченилась Анна, — с чего это вы заставляете меня рвать бабушку за волосы? У меня у самой бабка есть. Подите вы к шуту!

Между тем бабушка, мало вникая в то, что с ней происходит, простоволосая, растрепанная, охрипшая от крика, снова забегала по камере, ломая руки и бормоча:

— Тысяча марок, о-о-о! Тысяча золотых марок! Насмешка... Нестерпимая насмешка! Пусть дадут мне капли. Пусть дадут мне сюда доброго, хорошего пастора! Я должна понять свое положение!

Полицейский агент, выйдя к Дубиндусу, дожидавшемуся вместе с Дурке в приемной, насмешливо пожал плечами:

— Боюсь я, коллега, что вы могли бы потратить свои денежки на доставку чего-нибудь почище этой дамочки. Она такой же мужчина, как мы с вами женщины. Грим с нее не смоешь даже серной кислотой. Это обыкновенная старуха лет за шестьдесят.

Дубиндус разинул рот и повернулся к Дурке. Но тот подмигивал, дергался, делал так и этак носом и глазами до тех пор, покуда Дубиндус не увидел стоящего в дверях нового посетителя тюрьмы.

Очкастое, небольшое существо в широкой одежде, похожей на дамское кимоно, вошло в комнату. На голове его тюбитеяка, щека повязана пунцовыми платком, подбородок заклеен английским пластырем, черные стекла очков покрывают глаза. Руки в черных шелковых перчатках протянулись к полицейскому агенту с повелительным жестом. Черные стекла очков взглянули на Дубиндуса и Дурке уничтожающе.

— Карл Крамер! — вырвалось у Дубиндуса.

Это был следователь Карл Крамер, а вслед за ним вошел и его новый секретарь, идеально одетый, вылощенный, выхоленный, вытянутый молодой человек.

— Здравствуйте, здравствуйте, господа! — рассыпался он медовым тоном. — Мы только что узнали о произведенном аресте над трупом убийцы моего несчастного предшественника. Херр Крамер крайне доволен этим обстоятельством. Он берет на себя следствие. Вот распоряжение, по которому ни одна живая душа, кроме него самого, не должна допускаться к задержанному.

— Старуха просит к себе пастора, — протянул полицейский агент, не очень-то довольный отнятием у него следствия. — Это самая паршивая старуха третьего сорта, если

кому угодно знать мое мнение.

Секретарь медово улыбнулся.

— У херра Крамера, любезный господин агент, мнение как раз обратное. Херр Крамер считает, что мы имеем перед собой величайшего преступника. Он боится больше всего самоубийства со стороны задержанного. Надо лишить его всякой возможности покончить с собой. Что касается херра Дубиндуса, доставившего преступника в Зузель, то херр Крамер (здесь секретарь очаровательно повернулся па каблуках в сторону Дубиндуса и Дурке) — то херр Крамер немедленно представит его к награде и полному восстановлению в правах.

С этими словами секретарь положил на стол официальную бумажку, подхватил своего безголосого патрона под руку и с большой предупредительностью вывел его из тюрьмы.

Агент, Дубиндус и Дурке посмотрели друг на друга, как три собаки, которым брошена одна-единственная кость.

«Я буду восстановлен в правах и получу награду!» — пронеслось в голове Дубиндуса.

«Он будет восстановлен и награжден за то, что я сделал в поте лица!» — подумал Дурке.

«Его восстановят, а меня, значит, побоку!» — сделал выводы новый полицейский агент.

Вполне понятно поэтому, что все трое вышли из тюрьмы гуськом, а выйдя, тотчас же разошлись в разные стороны, чтобы не видеть друг друга вплоть до той удобной, счастливой и, по всей вероятности, загробной минуты, когда можно будет встретиться в полное свое удовольствие — с дубинкой, плеткой, палкой и чем-нибудь в этом роде. К чести Дубиндуса, надо, впрочем, сознаться, что мысли и надежды эти принадлежали только двум его коллегам, что же касается его самого, то он предпочел бы не встречаться с ними ни в этом, ни в том мире.

Начальник тюрьмы, между тем, прочитал официальную бумагу и дал немедленное распоряжение:

— Пойманную преступницу, отказывающуюся себя называть, поместить в изоляционную камеру. Отнять от нее все,

что могло бы повести к самоубийству. Давать ей пить только дестиллированную воду в кружке, которая будет прислана в тюрьму самим следователем. Не пускать к ней никого, в том числе пастора и дежурных сторожей, даже если она звала их во весь голос.

Глава двадцать седьмая

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО ГРЭС

Дурацкое положение!

Если бы я еще могла рассказать о нем кому-нибудь или в крайнем случае сорвать злобу. Но мисс Клер Бессон, моя закадычная подруга, провалилась сквозь землю после процесса ее отца, а мой собственный отец, сенатор Нотэбит, страшно боится, как бы Вестингауз не сделал из меня передаточного векселя с доставкой обратно. Это удивительно, как мужчины любят сбывать женщин под видом любви к ним. Папа положительно сбыл меня банкиру Вестингаузу, воспользовавшись первой же рассеянной минутой в моей жизни. Банкир Вестингауз сбыл меня виконту Монморанси, а тот мысленно сбывает меня ежесекундно своему лакею Полю. Неужели это зависит от капитализма и есть вредное влияние денежного хозяйства?

Итак, мне не с кем переписываться. На столе сидит кот.

Кот! Я буду писать тебе письма. Ты должен понять, что иметь мужа, иметь вдобавок единственного, первого и последнего (ибо я начинаю думать, что в условиях денежного хозяйства женщина не больше, как передаточный вексель), иметь первого и последнего, говорю я тебе, мужа и не знать, как его зовут, где он живет, кто он такой, помнит ли он тебя, встречу ли я его когда-нибудь в жизни, — это ужасно. Кот, ты должен вникнуть до самого хвоста в безвыходность моего положения.

Экономические книги пишут, что надо полагаться на разум и анализировать явления. До сих пор я никогда не анализировала, разве что у портних, но с сегодняшнего ! дня я начинаю. Посмотрим, из чего состоит данное явление (то есть мой муж).

ЧТО МНЕ ИЗВЕСТНО О МОЕМ МУЖЕ

1. Я люблю его.

2. Я его люблю.
3. Я люблю, люблю его.
4. Я его люблю, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю.

ЧТО МНЕ НЕИЗВЕСТНО О НЕМ

1. Любит ли он меня?
2. Знает ли он о том, что он мой муж?
3. Подозревает ли он о моей любви?
4. Как его зовут?
5. Кто он такой?
6. Существует ли он вообще?

Подведем итоги. Мне известны четыре пункта и неизвестны шесть. Если б ты, кот, учили арифметику в Бостонском пансионе для молодых девиц, где я покончила с наградой со всеми науками, кроме экономических, то ты сразу сообразил бы, что анализ не в мою пользу. Но ты забываешь, что, кроме арифметики, есть математика. Я беру карандаш и прибавляю к первому столбцу:

5. Я его все-таки люблю.
6. Я буду любить его, несмотря ни на что.
7. Я буду его любить, хотя бы весь мир (и капитализм в том числе) стал на задние ноги и пошел на меня войной.

Теперь у меня семь пунктов против шести, и всякая экономика скажет тебе, что с этим можно начать дело.

Я принадлежу к эксплоататорскому классу. Мой муж, по всей вероятности, — к рабочему классу. Я его эксплоатирую. Он меня ненавидит. Это понятно, как дважды два. Но вопрос: можно ли выйти из класса, если в нем нет ни окон, ни дверей? Я положительно не хочу оставаться в классе, который он ненавидит. Откуда же мне прикажете выйти?

Кот стал вытягивать лапы и зевать. Ему-то хорошо, когда он лазает по крышам и трубам и даже по моему туалетному столу. Если вы думаете, Кот, что крем Коти принад-

лежит вам по закону зозвучности, то этим вы только испортите себе навеки желудок. Я не могу позволить вам кушать всякую помаду, предназначенную для наружного употребления. Кот! Кот! Научите меня выйти из класса!

На этом месте я ставлю точку.

Сегодня я лицом к лицу столкнулась с моим мужем, — и он был в куртке и кепке, надвинутой на затылок. Он поглядел на меня своими серыми, прищуренными, ненавидящими, сверкающими, милыми глазами, он оттолкнул меня и закричал, что я «женщина чуждого класса», обманщица, враг и что он не верит мне ни на полушку, а я расплакалась и убежала, так и не узнав ничего насчет выхода из класса. Значит — он в Зузеле. Он меня ненавидит. Он кричит на меня теми самыми губами, которые... О Кот, если б ты знал, какие у него бедные, милые, трогательные, просящие, детские губы и какой он тихий, когда он в лихорадке. Я вовсе не хочу, чтоб у него всю жизнь была лихорадка, но я добьюсь, чтоб он меня полюбил, хотя бы для этого мне пришлось поджечь свой собственный класс.

Остаюсь, Кот, при твердой решимости продолжать борьбу и больше не пускаться в слезы, потому что это глупо.

*Грэс,
не знаю — чья по фамилии.*

Глава двадцать восьмая

СЕНСАЦИИ МИНИСТРА ШПЕРЛИНГА

Большой особняк министра Шперлинга, одолженный ему в пожизненное пользование его другом, фабрикантом рыболовных удочек, освещен ярким светом. К особняку министра то и дело подлетают экипажи. Из экипажей выходят гости. Министр дает торжественный вечер, на который приглашены только избранные. Чтоб не проник никто из посторонних, вокруг дома стоит целая группа сыщиков, в вестибюле сторожит наряд полиции, и постовые жандармы всего района удвоены в числе. Министр Шперлинг должен демонстрировать у себя новейшее химическое открытие, только что сделанное знаменитым химиком Гнейсом и доставившее в руки франко-германской лиги универсальное средство борьбы.

Гости поднимаются по лестнице и проходят в залу. Все партии сегодня в мире: крупнейший аграрий, барон фон Чечевица, известный тем, что поддерживал социалистических депутатов картофелем в голодные годы, находится тут рядом с фабрикантом клея, Лурзе. Непримиримый генерал Дюрк беседует с представителем Общества пасифистов. Французский посол ухаживает за немецкой актрисой, а принц Гогэнлоэ — за женой французского посла. Банкир Вестингауз шепчется с другом министра Шперлинга, фабрикантом рыболовных удочек, пока его жена, блестяще одетая, побеждает сердца двух химиков и заведующего государственной обороной.

— Мы, сударыня, выведены из терпения! Вопрос о ликвидации преступного Советского Союза — это вопрос двух трех месяцев! — ораторствовал заведующий обороной.

— Но разве они нас трогают?

Заведующий обороной кашлянул; на него смотрело два прелестных серых глаза:

— У них... гм... грандиозные завоевательные планы. Я дам вам почитать кое-какие издания пасифистского обще-

ства. И потом, сударыня, приблизьте ко мне ваше ушко... Между нами говоря, не особенно важно, имеют они эти планы или нет. Важно то, что Европа больше не может выносить их в своей среде без вреда для всей цивилизации.

— Значит, это борьба двух классов?

— Если угодно, да.

— Но... я бы хотела знать, можно ли переходить из одного класса в другой.

Заведующий обороной расхохотался от всей души. Она была положительно прелестна.

— Переходить из класса в класс! Вон там стоит херр Andreas Фицкус, фабрикант рыболовных удочек, — он разговаривает с вашим мужем. От него вы можете получить справку, как члены рабочего класса работают на нашу мельницу...

— А мы? — робко настаивала Грэс. — Я хочу знать, можем ли мы работать на их мельницу?

— Не бойтесь, моя дорогая! — рыцарски восхликал заведующий, найдя своевременным поцеловать ей ручку и перевести стрелку сразу на пять минут, как делают грубые уличные часы с простым механизмом. — Мы никому не позволим работать на их мельницу, даже если найдутся дураки, которые этого захотят.

Вокруг загремели стульями. Гости двинулись в кабинет министра, откуда уже доносились вззволнованные голоса. Два молодых химика вынырнули перед Грэс:

— Сударыня, сейчас будут происходить опыты... Если позовите!

Грэс порхнула, просунув ручку в предложенную ей руку. Они вошли вслед за другими в кабинет, где были расставлены ряды стульев, а за длинным столом расположился старичок в красной феске с лучистыми морщинами на макушке, смешном личике и с такими нежными пальцами, точно он делал искусственные цветы, а не химические опыты.

— Доктор Рудольф Гнейс, знаменитый химик, — шепнул Грэс заведующий обороной. Он усадил ее в удобное кресло первого ряда, принес ей афишку, а сам не без грусти отк-

ланялся — место его было за председательским столом, рядом с министром, французским послом и генералом Дюрком.

Грэс заглянула в афишку. Там стояло:

**ХИМИЧЕСКОЕ ВКРАПЛИВАНИЕ ЭЛЕМЕНТА «Э» В
МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ СПЛАВЫ**

1. Проба снаряда.
2. Проба бронированной поверхности.

ВЛИВАНИЕ ЭЛЕМЕНТА «Э» В ЯДОВИТЫЕ ГАЗЫ.

1. Проба хлора.
2. Проба азотистых соединений.

— Милостивые государи и государыни, — начал министр Шперлинг, вставая с места и делая обворожительный поклон: — Позвольте мне, хотя я и не химик, если не считать годичного курса лекций, прослушанных мной у профессора Крейцнаха по совету моего дорогого друга Александра Фицкуса, только что получившего чин тайного советника, — поздравим его, господа! (*Все встают, аплодисменты*) — что, впрочем совершенно вне всякой связи с его удивительным вниманием ко мне, как главе государства, выразившемся в предоставлении такому бедняку, как я... — о, господа, поблагодарим его! (*Аплодисменты*) — вот этого самого роскошного дворца... Но что именно хотел я сказать? Да, я не химик, что, впрочем, и не требуется от человека, держащего руль — сперва своей партии, потом своей партии и семейного очага, потом своей партии, семейного очага и государства! (*Продолжительные аплодисменты*) Но... и здесь, господа, как и всюду, есть «но». Я пасифист, убежденный, глубочайший и неумолимый противник войн, как

и вся моя партия. Я никогда не допущу, пока руль в моих руках, чтоб он... чтоб он забирал бы против течения!! (*Браво. Бурные аплодисменты*) И если на нас идут несметные полчища предателей и разрушителей цивилизации, то мы не смеем дать себя уничтожить. Вот причина, по которой мы идем навстречу нашим недавним противникам (*Овации французскому послу*), и вот причина, почему доктор Рудольф Гнейс по специальному моему указанию изобрел пора-зи-тельное средство!..

Министр Шперлинг махнул в воздухе ручкой с таким видом, как если б он прощал все грехи ближнего своего, и мягко упал в кресло.

Глава двадцать девятая

ОПЫТЫ ДОКТОРА ГНЕЙСА

Доктор Рудольф Гнейс позвонил в колокольчик. Вошел дюжий парень с угрюмым выражением лица. Это был Зильке. Он держал в руках хрустальную чашу с густым красным сиропом и поставил ее перед химиком.

— В этой чаше — новый элемент, обозначенный нами пока буквой Э, — произнес химик приятным тихим голосом. — Где он найден, хранится государством в тайне. Главное его свойство — это способность не открывать своего присутствия никаким признаком, доступным нашим средствам анализа. Это, можно сказать, элемент-невидимка. Если вы капнете одну его каплю в сплав, вы этим достигнете поразительных результатов. Но если враги ваши разложат тот же металл при помощи любых средств, они не смогут найти в нем присутствие этого чудодейственного элемента.

Доктор Гнейс отодвинул чашу, засучил рукава и снова позвонил в колокольчик. Зильке, вместе с высоким старым швейцаром в галунах и ливрее, внес большую доску из горного хрусталя и положил ее на подставку в глубине эстрады. Старый швейцар, тряся седыми бакенбардами и поблескивая серебряными очками, достал из ящика очаровательную маленькую пушку и поставил ее на доску. Потом он вынул полукруг стальной чешуйчатой брони и поставил его на большом расстоянии от пушки.

Гнейс указал на белый крест, отмечавший пушку, и желтый крест, отмечавший броню.

— Перед вами пушка с ядрами, сделанными при участии элемента Э. Бронированная поверхность, наоборот, из обыкновенной стали. Теперь будет выстрел... Взгляните!

Игрушечная пушка выстрелила рукой седовласого швейцара. От бронированной поверхности не осталось и дюйма. Казалось, она была пожрана страшной судорогой. Серо-пепельные завитки, на которые распался металл, вились и

корчились в воздухе, как червячки, сочетаясь и распыляясь. Странное жужжание наполняло комнату.

— Вот каково действие одной капли нашего элемента! — сказал Гнейс бесстрастным голосом. — И если мы напоим им все наши ядра, то на земле не устоит перед ними ни одна металлическая поверхность.

Грэс глядела в оба глаза, как очарованная. Она запаслась кусочком бумаги и карандашом и старательно записывала все, что слышит. Швейцар тем временем убрал пушку и смел хрустальной палочкой трепетавшие остатки сине-серого пепла. Потом достал новую пушку и новый бронированный полукруг. На этот раз на пушке был желтый крест, а на броне белый.

— Взгляните на обратную комбинацию! — заговорил доктор. — Здесь пушка и ядра обыкновенные, броня же с вкрапленным элементом Э. Представим себе, что враг обстреливает наш броненосец. Взгляните!

Снова выстрел. На этот раз ядро, как горошина, отскочив от брони, упало на доску и подверглось странной деформации. Оно распалось на сотни пепельных ниточек, корчившихся и содрогавшихся в воздухе, осыпаясь серо-синим пеплом.

— Превосходно! — на всю залу произнес генерал Дюрк. — Доктор Гнейс, мы озолотим вас. Знаете ли вы, что даете вы нам в руки?!

— Еще не все! — улыбнулся химик. — Минута терпенья. Прошу публику отодвинуться подальше. Зильке, раздай маски.

Зильке прошел в публику с ворохом противогазовых масок. Швейцар внес на эстраду стеклянную кабину на колесиках, вышиной с человеческий рост. В ней сидела маленькая грустная обезьяна, обнявшая себя своим собственным хвостом. При виде публики в масках она заморгала и оскалилась.

— В этой кабине воздуху на час. Она закупорена. Я подвергну обезьяну сперва действию обыкновенных сортов ядовитого газа и попрошу моих молодых коллег приводить ее в себя соответствующими противогазами. Потом я

соединю те же самые газы с частицей элемента Э, приведенной в газообразное состояние, и попрошу моих коллег спасти обезьяну.

Из залы на эстраду поднялись два химика и присели возле старого Гнейса. Тот улыбнулся обезьяне грустной улыбкой, взял шприц и сквозь герметическую закупорку впустил в стеклянную кабину струю ядовитого газа. Обезьяна посмотрела вокруг, принюхалась, потом сунула голову между колен и дрогнула хвостом. Через секунду она вскочила и забегала. Еще через секунду язык выпал у нее изо рта, и слезы посыпались по ее личику. Она чихала, плевалась, пла-кала. Она исходила слюнями. Она терла обеими лапами по лицу, кувыркалась, подпрыгивала, пока не забилась в угол и не оцепенела.

Тотчас же швейцар приподнял герметическую закупорку. Молодой химик, хлопотавший со шприцем, поднял его вверх: Антигаз! Шприц ввели в отверстие, — обезьяна медленно ожила. Тусклые, заплаканные глаза ее поднялись. Она встала во весь рост и принюхивалась к идущей сверху струйке.

— Я не знаю, стоит ли пробовать другие соединения, как написано в афишке, — решительно произнес доктор Гнейс.
— Ведь все равно демонстрация нашего элемента может быть проведена только в единственном числе! Молодые мои коллеги скажут вам, господа, что на земле до сих пор все было относительно. Когда изобрели порох, думали, что пришла смерть человечеству, однажде, можно сказать, только пороху мы обязаны тем, что у нас есть хирургия, эта единственно могучая отрасль в медицине. Сейчас вы думаете, что мы стоим перед уничтожением человечества, раз изобретено такое средство убийства, как ядовитый газ. Но нет и не может быть ни одного ядовитого газа, у которого не было бы своего антипода — противогаза! В поисках защиты человечество поднимет химию на небывалую высоту, и кто знает? Может быть, наступит минута, когда окуриванием и газовыми ваннами мы будем лечить не только отравленных, но и тысячи болезней, считающихся неисцелимыми. Не пугайтесь поэтому ничего, идущего от

человека! Он носит в себе двойную природу. Он — диалектик... И, создавая минус, он тотчас же покрывает его плюсом!

Помолчав и взглянув на уже оправившуюся обезьянку, отдохнувшую в углу клетки, Гнейс закончил:

— Безнадежней обстоит дело в нашем случае. Этот элемент опрокидывает доступное человеческому опыту поле сознания, — кто знает на какой промежуток времени? Взглядите, господа, — в этой трубке из хрусталия собраны атомы нашего элемента, приведенного в газообразное состояние, и я вкапываю их в тот же самый газ, действие которого вы только что наблюдали. Зильке, приготовь обезьянку!

Зильке бросил обезьяне какую-то игрушку, она поднесла ее к носу, и в ту же секунду Гнейс впустил шприц с новой струей. Зала вскрикнула в ужасе. Несчастная обезьяна лопнула с внезапным треском, как если бы она была пузырем. Складки ее кожи не хотели успокоиться и ходили по клетке, вздыхаясь. Внутренности, шипя, лезли вверх. Не прошло и минуты, как все превратилось в пепел.

— Ну, господа, ваши противогазы, — спокойно обратился доктор к химикам.

Те стояли безмолвно.

— Еще последний опыт! Я попрошу вас, коллеги, открыть присутствие нашего элемента в этом газе, свойства которого вами изучены. Вот еще немного здесь, в шприце.

Он протянул им шприц. Едва дотрагиваясь до него, химики, с помертвелями лицами, занялись своим страшным исследованием. Зажжены лампочки. Горит синее пламя. Трубки передают разложившиеся струйки в хрустальные реторты. Одна за другой проверяются жидкости — ничего, нигде! Присутствие элемента уничтожено разложением. Оно невидимо. Его нельзя поймать ни за какой хвост!

— Удивительно! — произнесли оба химика, взглянув друг на друга. — Поистине, мы стоим перед новой эрой. Надо реорганизовать всю экспериментальную химию!

Глава тридцатая

УЖИН В КРУГЛОЙ КОМНАТЕ

Грэс, закрывшая глаза, чтобы не видеть кабины с несчастной обезьяной, снова открыла их, когда застучали стулья. Никто ничего не говорил. Гости встали с места и пошли к эстраде. Два человека стояли возле нее и смотрели на химика с весьма странными лицами. Это были генерал Дюрк и французский посол.

— Нельзя за-бы-вать, — сквозь зубы пробормотал посол, — что Катарские рудники, где найден элемент, оборудованы на французские средства, подняты французским капиталом и принадлежат французу!

— Но нельзя по-за-быть, — любезно ответил Дюрк, — что открытие элемента, его разработка и тайна его свойств принадлежат немецкому химику и, следовательно, немецкому государству!

— А еще менее можно забыть, друзья мои, — сладко протянул банкир Вестингауз, вынырнувший из-за их спин, — что концессия уже передана американскому подданному, мосье Надувальяну, в высшей степени надежному представителю капитала. И если мы станем нервничать, то... Америка захочет сказать свое собственное слово.

Повидимому, «слово» Америки, в ряду других ее собственостей, в том числе и векселей, совершенно не улыблось ни Дюрку, ни послу. Они мягко раскланялись и разошлись в разные стороны.

Безмолвная толпа гостей начала мало-по-малу оживать. Кое-кто отважился полезть на эстраду, откуда была уже убрана кабина и где Зильке со старым швейцаром уничтожал следы опытов.

— Ишь, галька, — пренебрежительно шептал Зильке, поглядывая на толпу, — самый никудышный камень! Наметет его видимо-невидимо, сверху гладкий, под ногами падкий, а что есть его природа? Голыш, голыш и есть, только что облизанный.

— Не можете ли вы мне дать на память кусочек этого минерала? — приставала барышня в палевом платье, глядя Зильке в рот. — У меня коллекция минералов, я отблагодарю вас.

— Могу, могу, — угрюмо ответил Зильке, — только отойдите в сторону, а не то можете лопнуть, барышня, прямо в публику. Нехорошо, знаете!

Барышня, вскрикнув, попятилась на руки толстой фрау Шперлинг, жены ministra. Фрау Шперлинг находилась в гнетущем состоянии, — ей надо было удалить лишнюю часть гостей заблаговременно до ужина, — и приняла барышню прямехонько, как божий перст.

— До свиданья, ангелочек, — простонала она на всю залу, прижимая к себе палевую особу с такой силой, что та не успела и пикнуть. — Очень и очень жаль! Не смею, однако, задерживать... Гости расходятся.

Громовой голос фрау Шперлинг облетел все углы, и гости со вздохом начали расходиться. Спустя десять минут не осталось никого, кроме Дюрка, принца Гогенлоэ, начальника государственной обороны, виконта, Вестингауза с женой и химиков. Министр широким жестом пригласил их в столовую, где приятно благоухали продукты аграрных владений фон Чечевицы, изготовленные собственными демократическими руками жены ministra, умевшей из каждого фунта сделать полтора.

— Пожалуйте, пожалуйте, господа...

— Но где же Грэс? — Банкир Вестингауз беспокойно оглянулся по сторонам. Крысиные глазки его нигде не видели Грэс. Он шмыгнул туда и сюда, начиная свирепеть, как вдруг между двумя шкафами узкого коридора увидел свою жену. Она была бледна и дрожала, как в лихорадке. Она положительно намеревалась упасть на грудь заведующему обороной, рыцарски подскочившему к ней, опередив банкира. Невдалеке от нее старый швейцар с галунами подметал осколки какой-то посуды.

— Что это значит, крошка? — прошипел банкир.

— Я нечаянно разбила какую-то банку и испугалась, — матовым голосом ответила Грэс. — Пойдемте ужинать!

Она подхватила под руку заведующего и невзначай метнула взгляд на старого швейцара, тоже поднявшего голову. Две пары глаз встретились и скрестились.

Вестингауз удовлетворился объяснением и поспешил вперед. Но заведующий обороной был человеком деловым:

— Сударыня, скажите мне, что случилось?

Грэс поглядела на него сквозь ресницы:

— На вашем месте... —шепнула она: — я была бы очень осторожна. Я... я... видела сейчас, как лакей министра подслушивал у дверей. Не лучше ли отпустить всю прислугу? Нам могли бы прислуживать эти два старых глупца, приведенных доктором Гнейсом. Право, это было бы благоразумней!

— Вы прелесть, — восхищенно восхликал заведующий.

— Ах, американские женщины!.. Но пройдите в столовую, я сейчас же переговорю с министром.

Спустя минуту он усаживался возле нее и затыкал за воротник салфетку. Все было уложено! Министр не имел оснований доверять своему лакею, тем более, что у него никогда не было своего лакея: два унылых молодца, приглашенных с этой целью на один вечер, были безработными вегетарианцами и посетителями воскресной школы. Итак, вместо них, к большой выгоде для кошелька фрау Шперлинг и к большой выгоде для союза «Месс-Менд» (совершенно разрушая правило, по которому то, что выгодно для капиталистов, не может быть выгодным для рабочего класса) — вместо них в столовую вошли Зильке и старый швейцар. Один нес блюдо с бараниной, другой корзину с винными бутылками. Один начал свой обход, подойдя, по указанию жены министра, к фрау Вестингауз, и другой должен был подойти к фрау Вестингауз, спустившей с плеча свой мех и кокетливо придвинувшейся к заведующему обороной. Плечо было, правда, худенькое, как у девочки, но это не мешало ему быть лилейно-белым и нежнейшим по очертанию. Не успел старый швейцар наклониться над ним с бутылкой шампанского, как Грэс резко повернулась и толкнула его. Секунда — и золотая пена залила ей плечо к величайшему негодованию заведующего обороной.

— Ничего, ничего, мой друг! — милостиво улыбнулась Грэс. — Помогите мне вытереться!

Салфетка в руках швейцара поистине напоминала скребницу. Он принял скоблить ею детское плечико с такой злобой, как если бы перед ним был лошадиный круп. Но Грэс и не пикнула. Она только вскинула на швейцара кроткие глазки. Он скорчил самую свирепую гримасу; его седые бакенбарды грозили ежесекундно оторваться от щек, очки упали вниз, галуны отпороться, грим отойти, а сам Лори Лэн, — ибо это был он, — броситься отсюда ко всем чертям. Но лукавый голос привел его в себя:

— Не трите мне так плечо, а то я не услышу важных вещей!

Нельзя было не признать, что в замечании был толк. Он двинул дальше, держа бутылку не хуже, чем охотничье ружье, и старательно навострил уши.

— Преимущество?.. — говорил Дюрк, отправляя в рот кусок ветчины. — Наша граница приведена в порядок. Тем самым создается большое преимущество!

— Но позвольте, дорогой Дюрк!..

— Нет, позвольте, дорогой Шперлинг!..

— Но войдите же, дорогой Дюрк...

— Мы войдем, дорогой Шперлинг. Вы всегда можете проголосовать против. Вы будете исторической фигурой. Вы один проголосуете против!

— Но как вы на это посмотрите, любезный Дюрк?

— О, с удовольствием, — рассеянно ответил Дюрк, накладывая себе баранину. — Нет ничего приятней, знаете ли, как иметь свою оппозицию... Белого вина, пожалуйста. Потому что своя оппозиция, видите ли, это все равно, что запросы своей совести. Нельзя быть человеком без совести ! Я стою за то, чтоб мы имели свою оппозицию. Я не бурbon.

— Благородный человек! — восхликал Шперлинг, хватая его за руку. — Благородный, непонятый человек! Еще одна историческая ошибка... В моем дневнике, дорогой генерал...

Швейцар с галунами двинул дальше. Он наливал принцу Гогенлоэ.

— М-м, — мычал принц, поглощая омар и нагибаясь к виконту, — никаких отсрочек! Это средство делает нас хзяевами вселенной. Мы скрутим их. Они будут навозом, удобрением, жвачкой, домашней собачкой, машиной. К чорту социальные проблемы! Через три месяца никаких социальных проблем, Советский Союз сожжен, рабочие у наших ног, и... — вот когда я приведу свой проект в исполнение: всех безработных на тот свет.

— Браво! — ответил виконт, умоляюще поглядывая на вилку. Он был убежден, что, если б она захотела, она могла бы сама подносить ему в рот маленькие кусочки сардины, удобной тем, что ее не нужно разжевывать.

За бараниной последовала хорошая немецкая рыба, напаршированная решительно всем, что оставалось у министра со стола в течение недели.

Швейцар с галунами вошел в роль. Он обносил гостей слишком часто, по мнению фрау Шперлинг, но зато к концу ужина он знал отличные вещи:

Во-первых, соединенные государства должны сделать запрос Советской России по поводу убийства Растильяка.

Во-вторых, вслед за запросом они должны закричать, что на них нападают.

В-третьих, они должны обороняться, с каковою целью соединенные армии двинутся на Союз.

В-четвертых, Закавказье объявит о своих национальных чувствах, перережет всех комиссаров и двинется в свою очередь на Союз.

И — что самое главное во всей этой истории, по мнению заведующего обороной, молчавшего почти весь вечер, глядя на плечико Грэс, — самое главное, самое главное:

англичанину

будет

• • •

Глава тридцать первая

НОС АНГЛИЧАНИНА ИЛИ ХЛОПОТЫ ЛОРДА ЧИРЕЯ

Лорд Чирей, английский посол, проснулся в скверном настроении и тотчас же чихнул.

Чихание у лорда Чирея было плохим признаком. Оно предвещало тревожный день. И точно. Спустя десять минут, когда лорд Чирей стоял под душем, к нему явился секретарь с омраченным лицом.

— Сэр, прошу прощения. Ужасные новости!

Лорд вышел из-под душа и облачился в халат.

— Скверные новости!

Лорд отдался в руки своего парикмахера.

— Интриги держав. Извольте сами послушать! — Секретарь поднял портфель, ввел в комнату двух унылых молодых людей и сделал им поощрительный жест.

Молодые люди были безработные, вегетарианцы и слушатели воскресной школы. Они одновременно раскрыли рты и уныло загудели:

«Их пригласил министр Шперлинг в качестве мажордомов. По уговору они должны были прослужить весь вечер, получить по две марки и ужин. Вместо этого их выставили до ужина и дали им по марке, да и то не деньгами, а чечевицей».

— Какое мне дело, — поднял брови лорд Чирей, — какое мне дело, Джон, что эти молодые люди получили чечевицу от министра, тем более, что сам министр получает чечевицу от клерикалов, аграриев и консерваторов?

— Сэр, слушайте дальше! — загадочно ответил секретарь.

— Нам это показалось обидным! — снова загудели вегетарианцы. — Мы сказали друг другу, что это несправедливо! Почему, сказали мы, министр позвал на вечер французов и не позвал англичан? Почему французы видели —

какой такой новый металл открылся у немцев, а англичане не видели? Мы обиделись, сэр, и мы пришли к вам. Вот, сэр, чистосердчная исповедь.

— Гм... Что за металл?

— Стреляет, сэр, насквозь. Живая обезьяна лопается, как пузырь. Мы слышали, будто металл открыли у русских, где-то в Зангезурии...

— Джон! Принесите справочник!

Секретарь подал лорду справочник. Лорд раскрыл его тонким, желтым пальцем и прочел про себя:

Зангезур. Катарские рудники. Бывший владелец виконт Луи де Монморанси. Концессия передана четвертого июля сего года американскому подданному, мистеру Надувальяну, армянину. Медь хорошего качества. Импорт. 30% чистой прибыли на акцию.

— Джон, я слышал об этой концессии от лорда Хардстона, дня за три до его смерти. Дайте молодым людям пошиллингу и прикажите их накормить! Автомобиль!

С этими словами лорд Чирей поподбрался, скинул халат и через несколько минут был в блестящем посольском наряде. Взяв цилиндр и перчатки, он заткнул в глаз монокль, сел в автомобиль и приказал везти себя на Тюрк-Платц, в Советское Торговое представительство.

В кабинете Торгового представительства, как всегда, тишина. Жалюзи притворены. Пол затянут ковром. За столом сидит мягкий человек в пенсне и читает деловые бумаги. Но вот против него на дверях вспыхнула фиолетовая лампочка, невидимая клавиатура светового «Ундервуда» приведена в движение, и одно за другим загораются слова:

АНГЛИЙСКИЙ ПОСОЛ К ГЛАВНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬЮ. ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА ПРОСИТЕЛЬНОЕ

Через секунду фиолетовые слова стерты. Агент кивнул секретарю.

— Я занят с французским депутатом. Заставь его ждать (взгляд на часы) тринадцать минут.

Секретарь кивнул головой и вышел из кабинета, прикрыв дверь. Тринадцать минут для английского посла — это все равно, что чаша знаменитого райского напитка, уготованная добрым пролетарием и называемая терпением. Английский посол прихлебывал от нее по глотку, резко шагая вперед и назад. Породистые баки его трепетали. Когда на донышке осталось всего несколько капель, дверь мягко открылась, и в вестибюль вышел главный агент, ласково приветствуя посла.

— Э-гм! — начал посол, усаживаясь в кресло и сбрасывая монокль: — очень жалею, что вы не приняли меня вне очереди. Выгодное предложение. Что вы скажете, любезный сэр, о больших уступках с нашей стороны?

— Я скажу, что это будет благоразумно, — ласково ответил агент.

— Но вы понимаете — кое-что нужно для этого и нам! Ряд сделок второстепенного значения, между ними, — передача Зангезурской концессии...

Мягкий человек в пенсне поднял обе руки:

— Зангезурская концессия передана, дорогой сэр.

— Но... она может быть переоформлена. Вы понимаете, с уплатой неустойки!

Мягкий человек грустно улыбнулся:

— Сэр! Вы огорчаете меня... Международное право и основы европейской этики, сэр, не должны быть колеблемы из этого кабинета.

— Но, между нами говоря...

— Сэр! Между нами не может быть говорено ничего, что не стало бы уделом гласности, в интересах международного правового порядка.

Лорд Чирей был положительно возмущен наивностью русского агента, не понимающего основ, подоснов, видов, субвидов и других разветвлений этики:

— Но, любезный сэр, вы могли бы быть лично заинтересованы...

— Сэр! — мягкий человек приподнялся со стула.

Лорд Чирей схватил свою треуголку и подбросил монокль в глаз. Пальцы его полезли в перчатку.

— Я до глубины души сожалею, — кротко произнес агент, когда прощальные жесты были уже проделаны, — но, может быть, сэр, вы повидаете самого концессионера, мистера Надувальяна, отель Ливорно, Зальцгассе, 8?

— Как? Отель Ливорно?..

Агент терпеливо повторил адрес.

— Это было бы, — докончил он с обворожительной улыбкой, — правильной попыткой войти в дом через двери.

Лорд Чирей вышел, сжимая в руках книжку с адресом. Глаза его засветились надеждой.

Отель Ливорно — пышная гостиница над торговой частью Зузеля, с громадным количеством буфетных столиков, не пустующих ни днем, ни ночью. Мосье Надувальян только что приступил к своему первому завтраку, состоявшему из бараньей ноги и салата, и мирно разделяемому его сожителями, полковником Мусаха-Задэ и князем Нико Куркуреки, как торопливо подошедший хозяин шепнул ему:

— Синьор! К вам знатный гость в треуголке. Бросьте баранью ногу! Бегите к себе!

Надувальян пристально посмотрел на своих соседей, потом на баранью ногу, вздохнул и поднялся с места.

— Нико, сказал он князю: — поручаю тебе беречь мою баранину! А тебе, Мусаха-Задэ, — беречь мой салат!

Установив таким образом систему экономического равновесия, он поднялся наверх, где его ждал английский посол.

— Мистер Надувальян, перепродаите мне вашу концессию! — решительно произнес посол, вынимая чековую книжку. — Ваши условия?

— Вот уж плохая погода, сударь, — задумчиво ответил Надувальян, — как плохая погода — у меня глухота на оба уха. Вы насчет чего?

— Катарская концессия! — заорал англичанин.

— Катары и компрессы. Гм, гм, до этого еще не дошло, сударь.

Английский посол выхватил карандаш и написал крупными буквами: «Перепродайте нам право на Катарскую концессию».

Надувальян потер обеими руками переносицу.

— Катарскую концессию? Это, сударь, замечательное дело. Медь — просто мармелад. Климат, местоположение, ручьи, скалы. Горячий ключ бьет прямо из недр. Помогает от чесотки. Баранина первый сорт. Ширванское вино в бурдюках. Вы ширванское вино пили? Надо пить ширванское вино.

Лорд кивнул головой в знак согласия. Он дрожал от нетерпения.

— Пилавы, сударь, — продолжал Надувальян, разгорявшись, — нельзя есть без ширванского вина. Ба-а-ль-шой доход иметь буду. Роговые изделия в горах. Разведение свиней. Фабрика щеток. Хороший процент и никакая себестоимость, ходит в горах, траву кушает.

— Позвольте узнать ваши условия?

— Катарская концессия... — задумчиво протянул армянин, — очень хорошее дело. Но, извините, не могу. Не перепродаю.

Лорд подскочил на стуле:

— Я не поскуплюсь, — пробормотал он хриплым голосом.

— Зачем скупиться? И я бы не поскупился. Да говорю тебе, душа, не продаю.

Английский посол поднялся с места посеревший.

— У вас там открыт новый металл, — вырвалось у него в бешенстве, — вместо свиней вы бы лучше не дали вытащить его у себя из-под носа!

— Свиньи — большой процент и никакая себестоимость, — хладнокровно ответил армянин: — насчет металла посмотрим. Ты приезжай в Зангезур, к Надувальяну, поговорим. Зачем сейчас духом падать? Духом не падай. Может, ты и будешь первый покупатель. Концессию не продам, металл продавать буду. Кому фунт, кому два, а захочешь, так десять.

С этим сомнительным утешением английский посол, злой, как собака, уехал к себе домой. А Надувальян, ставший весьма задумчивым, вернулся в столовую, где Нико Куркуреки и Мусаха-Задэ сидели над бараньей ногой и салатом, меряя друг друга сверкающими глазами и держась за кинжалы.

Глава тридцать вторая

ШТАБ МЕТАЛЛИСТОВ

Раздевальная машиностроительного завода Гурлянда полным-полна. Инвалиды помогают друг другу — кто снять шапочонку, кто поправить рукав, кто вычистить о цыновку костыль. Они торопятся изо всех сил, чтоб не пропустить ни единой рабочей минуты. Инженеру, прошедшему к себе, подняв воротник и наступившись, решительно нечего делать: такого собачьего патриотизма, угодничества, строительства, залезания в рот он прямо-таки не выносит. Ему начинает даже казаться, — о ужас! — что все это воспитывает в нем скрытую оппозицию. Поэтому инженер сидит у себя в кабинете, подписывая бумаги, пьет чай с монпансье и не заглядывает в мастерские ни разу в день — к великому огорчению старшего техника, ничуть не скрывающего своих чувств.

— Вам хорошо тут сидеть, — шепчет он на ухо инженеру с самыми безумными гримасами, — а мне каково! От них пахнет трупом! Они хуже, чем чума! Почем вы знаете, может, эти самые штуки тоже заразительны, и у меня пойдут по всему телу пятна!

— Молчите! — вырывается у инженера страдальчески.
— Я... я нервничаю! Вы мешаете мне работать!

А старший техник, высказав еще несколько мрачных взглядов по поводу чумы, проказы, гангрены, столбняка, вампиризма и трупного пота, подхватывает свои бумажки и бежит в мастерские, оставив инженера в полуобмороке над выплюнутым монпансье.

Бежав в мастерские, он опасливо оглянулся, юркнул в жерло огромной неподвижной машины и крикнул:

— Менд-месс, ребята! Готово! Он скорей сунет нос себе лодмышку, чем заглянет сюда... Торопитесь!

Инвалиды один за другим попрыгали в отверстие. Они проползли по узкому каналу, нашупали железные ступеньки вниз, юркнули в люк и через минуту очутились в длин-

ном прямоугольном коридоре, обшитом металлическими листами. Здесь все сделано из белесоватого сплава, похожего на алюминий. Стены, полы, потолки, круглый стол, стулья — легкие, белесоватые, эластичные, как посуда. Матово-серый блеск струится отовсюду, — это штаб металлистов, устроенный так ловко, что ни один архитектор не мог бы его отыскать. Дядя Гнейс давно твердил, что не пройдет и столетия, как все города и жилища будут строиться из этого сплава, будут подниматься на руки, как кубики, складываться, переноситься с места на место. И все станет легче в этих легких постройках оттого, что люди окружат себя не деревом, разлагающим мускулы, не известью, отяжеляющей мозг, не камнем, крушащим кожу, не железом, останавливающим кровь, не глиной, влияющей на диафрагму, не сталью, затрудняющей внутреннюю секрецию, — а металлом, блахенно снимающим тяжесть и дышащим на них потенциалюю силой особого свойства.

За белым столом сидели техник Сорроу, Жорж — металлист и Ханс — шахтер. Лица их были важны. Они кивнули инвалидам, и те безмолвно расселись по скамьям. В ту же минуту легкая, складная дверь, похожая на игрушку, собралась в металлические складки и пропустила в комнату Лори Лэна.

Лэн был бледен и хмур. Прищуренные глаза его смотрели в землю. Он подвигался под пристальным взглядом всей залы прямо к столу. Здесь он остановился, вынул из кармана шнур, бросил его на стол и протянул обе руки технику Сорроу. В зале наступило безмолвие. Брови рабочих и инвалидов сдвинулись.

— Так ли я понимаю, Лори Лэн, металлист? — сурово спросил Сорроу.

— Вяжи, старина, — угрюмо ответил Лэн.

Сорроу взял шнур и обмотал им протянутые руки рабочего. Потом он встал и заговорил:

— Ребята, это второй случай себясуда за все время нашего союза. Первым, как помните, был Карло с Ямайки. Он соблазнился на тысячу дукатов. Но в день предательства он зубами схватил веревку сигнального колокола и, можно

сказать, против своей воли вызвал наш трибунал. Мы помешали ему стать предателем. И вот ныне, средь полного спокойствия, накануне наших побед по всему фронту, любимец союза, баловень, умница, парень, важнеющий для нынешнего дела, прибегает под сигнальный колокол штаба. Трибунал готов. Делегаты союза собраны. Лори Лэн, товарищи спрашивают, в чем ты себя обвиняешь против союза?

Молодой рабочий поднял голову. Серо-голубые глаза его потемнели и окружены синевой, лицо осунулось, губы сжаты.

— Я звонил, ребята, чтоб вы связали меня! — начал он с таким трудом, словно язык у него стал пятипудовым. — Чорт меня знает, что со мной делается. Я ехал сюда одним человеком, а стал вроде куклы. Делаю глупости. Ошибаюсь. Голова, как приклеенная. Дальше этак нельзя, к чорту меня, к чортовой матери!

Он с ненавистью схватил себя за волосы и стал их дергать с такой силой, как если бы намеревался выполоть из себя всю негодную сорную траву.

— Лэн, — прикрикнул на него техник Сорроу, — не закатывай нам истерики! Мы тебя спрашиваем, в чем дело? Ежели ты только что-нибудь выболтал насчет открытого металла...

— Молчи! — поморщился Лори Лэн. — Я ничего не сделал, ребята! Но в том-то и дело, что я, Лори Лэн, ни-че-го не сде-лал... Где моя воля, мой разум, мои хитрости? Куда я теперь гожусь! Слушайте-ка, в Зангезуре меня пришибла лихорадка, об этом вам уже известно. Я свалился в этой лихорадке прямехонько на балкон пансиона Рюклинг... Там были люди. Эти люди схватили меня за руки и за ноги и бросили, — как вы думаете, куда? В чужую кровать, будь она проклята, братцы, в кровать с кисеей, кружевами, подушками и разными тонкими штуками! В этой кровати я заснул...

— Ты нам об этом ни слова не рассказал, — сердито проромтот Сорроу.

— Я заснул и увидел сон, — продолжал Лори, становясь все беспокойней и беспокойней. — Ребята, я утаил эту занозу, я ее припрятал от вас, это была тайна! И сейчас мне трудно сказать об этом. Но она грызет меня, как сотня собак. Она сделала меня тряпкой... Так вот же. К черту! Мне приснилась женщина. Она была кудрявая, худенькая, бледненькая. Она ласкала меня по лицу и голове, словно я был ее ребенком. Потом она открыла рот и поцеловала меня. Я ее обнял. Она стала моей женой. Эта была первая баба в моей жизни во сне и наяву. Когда лихорадка прошла, и я очнулся, эта самая женщина сидела против меня.

Сорроу неодобрительно крякнул. Лэн докончил резким голосом:

— И она, братцы, взбесилась, когда я разинул рот, почему это я оказался рабочим, а не переодетым принцем. Я не знаю, какого черта она мне снилась! Но я знаю, кто она, я ее встречаю на улицах и в домах, она мутит мне голову, делает меня дураком. Я ее ненавижу, как ящерицу! Отправьте меня отсюда, иначе я выкину глупость и напутаю такого, что потом не распутать. Слыши, ребята?!

Глаза его загорелись самой дикой ненавистью. Он выпотрошил душу. Больше у него ничего нет своего собственно го, ни выломанного гроша. И если он теперь не исцелится от проклятого наваждения, ему останется лопнуть, как вчерашняя обезьяна.

Трибунал шепотом посовещался друг с дружкой. Инвалиды хранили молчание.

— Вот что, Лори, — произнес, наконец, Сорроу, — твое дело табак, парень, если ты не возьмешь себя в руки. Знаешь правило нашего союза: лучше положить голову под маховое колесо, чем съякшаться с врагом. Вот этак, с завязанными руками, иди, брат, немедля к ребятам-транспортникам. Скажи, что союз приказывает переправить тебя на живой манер в Зангезур. Да прибавь, пусть они приглядывают, чтоб ты не сморозил еще какую глупость. Ну, валяй!

Лори Лэн повернулся, как солдат, и с завязанными руками зашагал к транспортникам.

Глава тридцать третья

ЯИЧНИЦА ПО-КИТАЙСКИ

Рано утром, к удивлению лакея Поля, виконт Монмранси заговорил. Оглянувшись во все стороны, он достал маленький ящик, позвал Поля и сказал безо всякой экономии речи и жестов:

— Поль! соберитесь с мыслями. Я намерен погрузить вас в тайны механической биологии, изготовленные по моему заказу старшим лаборантом великого ученого Павлова.

Поль почтительно наклонил голову.

— Знайте, что человек старится от бессознательных усилий. Человек тратит колоссальную энергию на пищеварение, сердцебиение, дыхание, движение, обмен веществ, не говоря уже о расходах по мелочам — на чихание, сморкание, плевание, зевоту и прочее. Я это предусмотрел. Отныне, Поль, я не потрачу на все это ни единого атома своей энергии.

Поль судорожно вытянулся, предвкушая новую нагрузку для своей собственной энергии.

Виконт щелкнул ящиком, вынул какие-то трубочки, щипчики, пульверизаторы, резиновые шары, проволоки и разложил их перед лакеем.

— Вот, — произнес он торжественно, — вот все инструменты механической биологии. Вы составите расписание, что надлежит делать моему организму. Вы вывесите его на стене. Затем вы произведете каждую функцию при помощи одного из этих инструментов. Например: который час?

Поль сообщил, что пробило девять.

— Отлично. Что надо сделать организму в утренний час, вставая с постели?

Поль решился предположить, что организму надо зевнуть.

— Хорошо. Вот трубка с резиновым шаром. На ней пометка «зевота». Возьмите ее за наконечник. Нажмите. Поднесите к моему носу. Наполните воздухом правую ноздрю,

выкачивая насосом из левой. Так. Я начинаю сокращаться. Мой пищевод... У-у-а-а.

Но сладкая механическая зевота виконта Монморанси была безжалостно нарушена. Дверь хлопнула. В комнату быстро вошел генерал Дюрк, мановением руки отоспал Поля, сдвинул со стола инструменты, сел и проговорил:

— Любезный Монморанси, собирайтесь!

Виконт поднял брови.

— Небольшое путешествие. По назначению известного вам лица вы и Вестингауз должны сегодня после обеда выехать...

— О!

— ...вместе с закавказским комитетом в Зангезур.

Виконт Монморанси вскочил с места для того, чтобы снова свалиться в полнейшем изнеможении.

— Н-ни з-за ч-что! — процедил он, дрожа.

— Тем не менее вы поедете, — ласково повторил Дюрк, — ваши бумаги уже приготовлены. Доктор Гнейс выехал заблаговременно. Вы и Вестингауз должны тщательно следить, чтоб концессионер отдавал всю выработку нового элемента в наши руки. Кроме того вы поднимете Закавказье по первому же полученному от нас знаку. Привейте холеру. Впрысните сальварсан. Возьмите хины. Держите в каждом кармане по револьверу.

С этими словами Дюрк дружески пожал ему руку и вышел.

Банкир Вестингауз давал между тем генеральное сражение своей жене. Он стоял посреди номера одиннадцатого, заложив ручки за спину, и пристально смотрел на Грэс, валявшуюся с котом на кушетке.

— Вы поедете, душечка, — скрипел он тихим голосом, — я поеду с вами, и Луи поедет с вами. У-кла-ды-вайтесь!

— Отстаньте!

— У-кла-ды-вайтесь. Мы едем в приятном обществе. Марсель, Константинополь, Батум. Оттуда на Юнкерсе в Баку, Тифлис, Эривань, Зангезур. Тысяча женщин повесилась бы на шею ради такого путешествия.

— Отстаньте! — Грэс забила ногами по кушетке точь в точь как в счастливую пору своего девичества. Вестингауз поднял брови.

— И кроме того, душечка, вам предстоит поработать. Успех зависит теперь от нас. Наши руки... — Банкир с удовольствием посмотрел на свои крючковатые пальцы: — ...наши руки держат ключ ко всему делу. Поняли?

Грэс бросила кота на ковер.

— Ну, если так, — ладно. Едем, — произнесла она угрюмым голосом, — едем, но чтоб вы дали мне самую главную роль.

Положительно, малютка становилась политической женщиной. Вестингауз поднял руку, чтобы потрепать ее по щеке, но, встретив мрачный взгляд, предпочел погладить свою собственную лысину.

Через полчаса все было уложено у виконта и у банкира. Лакей Поль спустился к баронессе Рюклинг с покорнейшей просьбой поторопить кухарку. Баронесса взглянула на часы, всплеснула руками и тотчас же отставила в сторону все котлы и сковороды.

— До поезда всего только полчаса! — вскрикнула она деловым голосом. — Мы не поспеем, никак не поспеем, если даже будем жечь газ без всякого внимания к руководствам по газоотоплению и газоосвещению. Единственное, что в силах человеческих, это яичница. Я сделаю ее по-китайски, будьте покойны!

С этими словами она побежала в кладовую, где Августа отбирала по запаху самые подходящие яйца.

Ровно через полчаса наши путешественники собирались в столовую. Виконт Монморанси и Грэс были в высшей степени бледны. Вестингауз довольно потирал руки.

— Но что это значит, — воскликнул он при виде трех скромных приборов в конце стола, — разве мы будем обедать одни?

— Мы будем кушать яичницу по-китайски, — сладко заспела баронесса, внося в комнату дымящееся блюдо. — Садитесь, садитесь. Поспеть с обедом не было никакой воз-

можности. Я приложила все силы... Августа, дай тарелку фрау Вестингауз!

— Китайцы, — продолжала она, раскладывая по тарелкам чго-то в высшей степени пахучее с непостижимой, прямо-таки беспримерной щедростью, — китайцы, как известно, не любят всякие там яйца из-под кур, которые к лицу подавать разве что мужику или мелкому торговцу. Они кушают яйца выдержаные, с печатью. Вроде наших благородных сыров и благородных вин... Кушайте, кушайте, я их выдерживала специально для вас. Это яичница по-китайски, редкое блюдо!

— Бля! — сделал виконт Монморанси, роняя глоток обратно в тарелку. — Поль, вытрите мне усы!

Баронесса Рюклинг сильно удивилась, что никто не оценил ее редкого блюда, и радушно простилась с дорогими постояльцами, быстро выбежавшими из столовой.

Автомобиль подан. Шофер и лакей Поль принялисьносить саквояжи.

Грэс бросила последний взгляд на голубую спальню и сунула в муфту кота. И в эту торжественную минуту Монморанси, без помощи механики, затратил еще фунта полтора внутренней энергии на самый честный обморок, опрокинувший его головой вниз, ногами кверху, между креслом и камином его номера.

Потребовалось значительное усилие со стороны лакея Поля, чтобы привести его в чувство. Лакей Поль влил ему в горло несколько капель рому, валерьянки, хинину, даже горькой воды и только, когда все это вытекло обратно и он по ошибке воткнул виконту в рот ложку с китайской яичницей (переданной баронессой в «людскую»), только тогда по телу Монморанси прошла судорога, ресницы его затрепетали, и он ожила. Но вместо того, чтоб встать, он втянул голову, насколько это возможно, в плечи и прошептал:

— Поль! Они уехали?

— Ждут вашу милость, — ответил лакей.

Виконт глубоко вздохнул.

— Вы уложили мой ящик?

— Так точно.

— Не можете ли вы... гм... Не можете ли вы, Поль, запоминать за меня все, что происходит, и записывать это — в последовательном порядке? Человека старит изобилие впечатлений. Память есть смерть, как говорит Врун-си-пьян... Вы понимаете?

Лакей Поль решительно ничего не понимал, кроме необходимости как можно живее стащить виконта в автомобиль.

— Обопритесь на меня, ваше сиятельство, — предложил он, хватая своего барина в охапку, — шагните ножками. Не извольте волноваться, если нужно что запомнить, я простилю себе в книжку под календарным числом — день в день!

— Вот именно! — облегченно ответил виконт: — вы будете моей мнемой, Поль, запомните: м н е м о й. Люди стирают от балласта памяти... Складывайте все это в свою память и, если хотите, пользуйтесь моими сигарами. Уф! Не напоминайте мне никогда о том, куда я еду и что я еду вообще!

Глава тридцать четвертая

МНЕМА ИХ СИЯТЕЛЬСТВА

Согласно распоряжению, начинаю запись мнемы господина виконта. Полагаю, их сиятельство взваливают ее на меня по причине боязни судебного следствия. Но и я не дурак.

Сегодня с четырех часов дня началось мое сильное впечатление. Доехали мы до города Марселя. Пройдясь по берегу перед отплытием, заметил трех осанистых людей, которых встречал в пансионе Рюклинг раз или два. Один — ястребиного взгляда, в кафтане с серебряными позументами, другой — пониже, с обритой головой, в широких штанах, и третий совсем невысокий, но при значительном объеме тела, в хорошем английском костюме первого разряда и в цилиндре. Они ходили и говорили на неизвестном языке.

В час отплытия они поднялись на пароход и оказались нашими соседями. Их имена в пароходной книге:

Князь Нико Куркуреки.

Полковник Мусаха-Задэ.

Мосье Надувальян.

Путь следования, как и наш, на Батум.

Не успели мы отойти от Марселя и поехать по воде, как капитан парохода вышел на мостики в мундире военного вида, при звездах, с обшлагами, через всю грудь опоясанный лентой.

Команда, сколько ее ни было, тоже высыпала на палубу в мундирах военного вида при звездах с обшлагами. Из кочегарки полезли черные рожи, и те в мундирах, при звездах и с обшлагами. Войдя в открытое море, они выбросили на корме неизвестный мне флаг и начали горланить дикие песни. В эту самую минуту я увидел среди них жену банкира в меховой накидке, с котом в руках, с распущенными из-под шляпки кудрями. Она заливалась, совсем как парижская девчонка, показывая все свои зубы. Разговор между ними шел на французском языке.

— Я в восторге! — хохотала банкирша, точно ее щекотали подмышкой. — Чудно придумано! Но неужели и поваренок, и кочегар, и матросы?..

— Все, мадам, — офицеры его императорского величества. У нас нет ни одного человека ниже чина поручика.

— А если вас поймают?

— В дружеских морях нас никто не поймает! — воскликнул капитан. — Взгляните, мадам, в эту трубку. Вы видите — на горизонте французский сторожевой крейсер. Он видит нас, как мы видим его... А теперь встаньте.

Банкирша встала.

— Осмотрите наше судно. Купеческий пароход «Лебедь», не правда ли? Все точь в точь, как на купеческих пароходах. Теперь вниманье!

Он вынул из обшлага какой-то предмет и свистнул на манер кобчика. В ту же минуту перед ними раскрылись круглые люки. Из них полезли наверх пушки. В борту стреском подскочили вентиляторы и обнаружились круглые дыры. Пушки легли носами в дыры, а снаружи раздался грохот — точь в точь, как на городской улице, когда купцы закрывают магазины железными щитами, и весь пароход оделся в броню.

— Не угодно ли встать на мостик?

И банкирша, как была с котом, полезла на мостик. Я задрал голову. Раздался громовой салют из пушки холостым зарядом и вслед за ним — ответный салют с французского крейсера. Банкирша захохотала. У меня же началось подмышками сильное биение нерва, так как я подразумел во всем этом уголовные деяния по кодексу законов и сильно захотел возвратить обратно мнему господина виконта, кавказскую, будучи найдена при мне, может послужить уликой. Однако я ничего не успел сделать, услыша звонок к обеду. Все спустились вниз, и я повез господина виконта к его месту, достал из ящичка электрическую жевалку, каучуковую проглотку и слюнеглату из морской губки, разложил все это возле его прибора и принялся орудовать. Как и следовало ожидать, капитан и команда выразили большой интерес, и все наперерыв хотели испробовать наши инструменты, про-

тив чего я был в сердечном неудовольствии. Особенно досталось слонетяге, которую они прикладывали без всякого соответствия к различным местам, не считая, что возле сидит дама. Господин виконт объяснял короткими словами, сколько сил у человека выходит на рефлекс и какую экономию жизни они могут приобрести. Насчет слонетяги господин виконт выразились, что ей ко всему прочему принадлежит оживление желудочного сока и впрыск всего организма.

Настала ночь. Шли мы, как обыкновенно, по морю. Небо было довольно ясное, если не считать звезд, загораживавших его большим скопом, благодаря чему я не мог разглядеть никаких меридианов. Не успел уложить господина виконта, как услышал многократный визг, шум и бой бутылок со стороны главной кают-компании. Побежав туда, наткнулся на большую потасовку двух офицеров, трех матросов и кочегара, а в середине князя Нико Куркуреки с кинжалом в руках. Князь отпрыгивал от команды во все стороны и вертел кинжалом туда и сюда. Команда била его куда попало, большей частью по ногам.

— Удивляюсь, — хрюпал капитан, — как может лига доверять этой сволочи? Мой высокий ранг не мешает мне быть только капитаном. Свобода народностей гарантирована моим высоким словом. А этот дурак...

— Ррр! — зарычал князь Нико Куркуреки, вращая кинжалом и делая такую мимику, что у меня опять началось биение нерва.

— Успокойтесь, успокойтесь, господа! — ласково уверял банкир, подхватывая капитана за обшлаг, а князя за рукоятку кинжала. — Дайте друг другу руки. Развеселитесь, примиритесь, придите в себя. У вас общий враг. Вы никогда не сразите его без помощи капитана, князь. И вы никогда не осилите его без помощи князя, капитан. Что будет после — будет после.

Умная речь подействовала на обоих. Князь сунул кинжал за пояс, капитан пожал плечами. Матросы с сердитыми лицами разошлись во все стороны.

— Ты что тут делаешь, истукан? — закричал вдруг банкир, повернувшись ко мне. — Вон!

Ну, признаюсь, такого обращения со мной я не допускаю. Поворотясь и выйдя вон, я, как гражданин прекрасной республики Франции, сел на место и обдумал свое впечатление. От того дня, как я сам себя помню, я неколебимо решил разбогатеть. Ныне пришло к тому время. Ясно, что они совершают уголовное деяние по кодексу законов. Мне надо только представить счет. Заплатят! Не дураки, чтоб не заплатить! Только бы потрудить голову и выяснить:

Кому?

Сколько?

В какой удобный момент?

Под какой угрозой устрашения?

Здесь я ставлю точку препинания и перехожу к делу.

Глава тридцать пятая

БАТУМСКАЯ СЕКРЕТНАЯ БАЗА

Рейс парохода «Лебедь» приближался к концу. Капитан и матросы заняты на палубе, Вестингауз прочитывал последние радиотелеграммы, Монморанси спал, а Грэс сидела рядом с капитаном.

— Вы смело могли бы сделать меня своим помощником! — уверяла она, болтая ножками и делая вид, что курит матросскую трубку. — Вот Батум. Какая прелесть!

Восхищение относилось к открывшейся панораме Батума. Между лазурью неба и моря лежала зеленая полоса пальм и скал. Перед ними чернел маяк. Со сторожевого поста раздался сигнал.

Пароход «Лебедь» выкинул торговый флаг и медленно подходил к середине бухты. Две черных лодочки отделились от берега и пошли ему наперерез.

Капитан встал с места. На лице его было волнение. Он кинул далеко не спокойный взгляд на Куркуреки, Надувальяна и Мусаха-Задэ, стоявших у самой кормы, и лихорадочно шепнул Грэс:

— Береговая стража, милиция, таможенники... Сейчас будет осмотр. Бегите к вашему супругу, пусть он приготовит дипломатические документы!

Грэс круто повернулась, приложив два пальца к кудрям. Исчезая в дверях, она все-таки заметила двух грузин в милицейских мундирах, прыгнувших на палубу. Это были таможенники. Капитан пошел им навстречу с веселой улыбкой.

— Торговое судно «Лебедь» франко-грузинской компании? Нука и пастила? Груз — сколько-то тонн? — отрывисто произнес на скверном французском языке первый чиновник, смерив капитана взглядом.

— Точка в точку, — ответил капитан, сплевывая на палубу: — нуга, пастила и провансское масло. Гружено в Марселе, франко-Батум. Извольте получить документы.

— Покажите груз!

Но капитан, открывший рот для ответа, не успел произнести ни звука. Резкий, отрывистый свист, похожий на крик кобчика, прорезал воздух. Таможенники вздрогнули и схватились за револьверы, капитан, бледный, как смерть, сунул руку в общаг — чорт возьми! Свистка там не было. Между тем перед ними с быстротой молнии раскрылись круглые люки. Из них полезли наверх пушки. В борту с треском подпрыгнули вентиляторы. С шумом и грохотом поползли стальные щиты. Команда, ничего не подозревая, торопливо разоблачала торговый пароход «Лебедь», покуда капитан, едва не теряя сознание, упал на руки береговой стражи. Не прошло и получаса, как вся команда, арестованная и связанная по рукам и ногам, была заперта в кают-компании, а пассажиры согнаны на палубу.

Банкир Вестингауз, бледный от бешенства, мутными глазами следил за просмотром документов.

— Ищите, кто предатель, — шепнул он своей жене, безучастно стоявшей с котом в руках. — Я найду его... я его за-за-зва...

Он скрипнул зубами. Грэс молчаливо наклонила голову.

— Ваши бумаги в порядке, — сухо произнес грузин: — концессионеры Катарских рудников — Надувальян, Вестингауз, Монморанси и технический персонал. Слуга Поль Лаше. Товарищи, выдайте вещи концессионерам. Вы свободны.

Стража молча нагрузила лодки боченками и ящиками. Путешественники спустились вниз. Монморанси молчал, Вестингауз трепетал от ярости. Гребцы мерно взмахнули веслами, и лодки подлетели к каменной пристани Батума, оставив несчастного «Лебедя» с опущенным флагом и арестованной командой.

Не успели они сойти на землю и усесться в автомобиль, как бешенство Вестингауза разразилось неистовой бранью.

— Провал, — зашипел он, — провал из-за мерзкого предательства! Кто это свистнул, хотел бы я знать?! Великолепное снаряженное судно с прекрасным командным сос-

тавом для целой армии! Пушки! Претендент! Готовый родовой претендент на Советской земле! Стоило ему показаться, как у нас сама собой создалась бы армия... И все это провалилось, провалилось, провалилось.

— Тише, шофер может понять по-английски, — шепнула Грэс, наклоняясь к его уху. И в ту же минуту маленькая ножка ее дрогнула и поджалась, — какой-то твердый сапог наступил на нее, как на птичку, с самым многозначительным пожатием. Перед ней, на боковом сиденьи, был виконт, поддерживаемый лакеем Полем. Виконт не глядел ни направо, ни налево. Лакей Поль глядел на виконта.

— Ну, — продолжал банкир, круто повернувшись к Нико Куркуреки, — вы говорили, что вас знает в Батуме каждая собака. Вы говорили, что вас встретят стрельбой и музыкой. Я что-то не слышу ни стрельбы, ни музыки.

— Молчите! — мрачно ответил князь, сверкая глазами.
— Это еще не Грузия, это Аджария.

— Предположим, — сухо ответил Вестингауз, — но где же ваша секретная база?

Князь Нико судорожно заерзал на сидении. Автомобиль заворотил в узкую улицу. Они неслись сейчас мимо глухих домов, глиняных заборов и пыльных фикусов. Над домами встала желтая каменная лестница, автомобиль обогнул развалины старой крепости, и перед ними открылось огромное здание с железными замками на воротах.

— Наши секретные склады! — пробормотал Нико, указывая вперед. — Здесь две тысячи ружей. Порох. Военное снаряжение.

Автомобиль полетел дальше, спускаясь по широкой дороге к морю.

— Наша секретная печатня, — разошелся князь, указав на маленький старый забор, скрывавший татарский домик.
— Тсс! Молчите! Не глядите в ту сторону. А вон там, рядом, видите — белый красивый дом в саду и с колоннами — наша секретная база!

Автомобиль замедлил ход. Нико положительно сиял от гордости. Забыв всякую осторожность, он вскочил во весь рост и тыкал пальцем в белое здание, покуда Вестингауз

не схватил его за кушак и не посадил обратно.

— Вы ведете себя, как дурак! — зашипел он ему на ухо: — и к тому же... чорт вас побери, с какой стати на вашем доме этот проклятый знак?

Здание секретной базы, медленно отступавшее в сторону, было снабжено отчетливым рисунком серпа и молота.

Наступило небольшое молчание. Нико Куркуреки потер правую сторону носа левою рукою, в то время как крысиные глазки Вестингауза положительно въедались в него с назойливым любопытством.

— Я вас спрашиваю, для чего вы размалевали вашу секретную базу?

— Для безопасности, — угрюмо ответил князь.

Автомобиль сделал круг и остановился перед гостиницей. Прогулка наших путешественников кончилась. Князь Куркуреки получил отпуск на два часа для приведения в порядок своих дел с секретной базой, все же остальные занялись переброской вещей и самих себя на уютную белую аэростанцию, откуда Юнкерс должен был доставить их по назначению.

Грэс только что швырнула саквояж и потянулась с усталым видом, вспоминая Мелину, как за спиной ее раздался шорох. Неприятный запах, преследовавший ее весь день, ударил ей в нос, и чья-то лапа легла на плечо.

Грэс вскрикнула. — Перед ней стоял лакей Поль с глупейшим лицом в мире. Усики его шевелились, выпуклые черные глаза были масляны, выпуклые красные губы были масляны и черные волосы с пробором были масляны.

— Добрый вечер, мадам!

— Вы с ума сошли! — вспыхнула Грэс. — Что вам здесь надо?

— Будто уж и войти нельзя! — подмигнул Поль самым независимым образом.

— Вы пьяны?!

— Ничего не пьян, — взгляните-ка сюда!

Он вынул из кармана кружевной платочек и взмахнул им перед самым носом Грэс, вытаращившей на него глаза

в немом ужасе. Платок был ее собственный, а к уголку его был привязан... свисток капитана.

— То-то, — медленно прощедил Поль, захлебываясь от наслаждения. — Я знаю, банкирша, кое-кого, кто дорого даст за эту штучку!

Он еще раз взмахнул платком, задел Грэс по лицу, посмотрел на нее круглыми, рыбьими глазами и вышел.

Глава тридцать шестая

В СЕРДЦЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

Повидимому, секретные сношения князя со своей базой протекли не без терний и колючек. Нико Куркуреки опустился в кабину Юнкерса в высшей степени странно настроенный. Он часто мигал, тер переносицу, упирал кулаки в бока, точно намеревался пуститься в пляс, и поджимал губы внутрь. Мосье Надувальян, принюхавшись, шепнул своему соседу, Мусаха-Задэ, что кахетинское, конечно, можно пить, но только тогда, когда нет ширванского.

Впрочем, остальная публика вела себя не лучше. Монморанси при виде летательной машины потребовал, чтоб его усыпили и везли в бесчувственном состоянии. Вестингауз был встревожен внезапной болезнью своей жены, бледной и молчаливой, как сомнамбула. А лакей Поль, повидимому, злоупотребил механической биологией своего хозяина, так как чихал, сморкался, хихикал и скалился без всякой к тому необходимости.

Пилот надел ушастую шапку и залез на свое место. Через десять минут они мерно неслись над горами Абхазии, разглядывая сквозь стекла кабины квадратики возделанных горных склонов. Всюду было довольство и работа.

— Хороший урожай, — произнес князь Куркуреки в высшей степени игривым голосом, — хороший виноградный урожай! Они выдумали новую штуку против филлоксеры.

Вестингауз поднял голову и в изумлении уставился на тайного агента лиги.

— Я полагаю, — произнес он скрипучим голосом, — вы не радуетесь успехам агрикультуры у большевиков?

Нико шмыгнул носом. Куриная голова у американцев! Разве он говорит про большевиков? Он говорит про грузинские виноградники!

Оскорбленный таким оборотом дела, Нико окончательно замолк, сунул нос в позументы и заснул. Вестингауз, изучавший карту Закавказья с трубкой в зубах, кивнул голо-

вой татарину:

— Полковник, вы видите эту зубчатую полоску? Мы сделали крюк, чтобы опуститься в Баку. Вы, как лицо заинтересованное, можете располагать сутками для посещения своих родных, промыслов, комитета независимости и преданных нам войск. Изучите подступ к промыслам, наладьте связи с татарским персоналом. Это будет предварительной рекогносцировкой.

Полковник торжественно наклонил голову. Он не такой слизняк, как этот Куркуреки. Честный Мусаха-Задэ соблюдал все заповеди Корана и не брал в рот ни кахетинского, ни ширванского. Он ястребиным взором смотрел вниз. Машина тихо прядала под ними, словно струйки фонтана или ртуть в градуснике. Вот, вырастая, как птица, внизу поднялись прямые белые крыши. Горизонт внезапно сузился, и Юнкер сел на бакинский аэродром. Тотчас же дверцы кабины раскрылись, и к Вестингаузу двинулась внушительная фигура статного молодого татарина.

— Ваши документы?

Мусаха-Задэ вылез из кабины, злобно пыхтя.

Вот она, столица Азербайджана, город нефти. Давно ли он был его собственным городом, полным нарядных, франтоватых татарских войск. Несчастные жители! Несчастная страна!

Мрачно нахмурившись, Мусаха-Задэ шел по шумным улицам, сострадательно взглядывая на прохожих. Если бы эти несчастные знали, что он среди них, они побросали бы все свои тощие портфельчики и схватились за шашки, кинжалы, револьверы, чтоб сесть на коней и создать великую татарскую конницу. Все племена и народы, чтущие Магомета, стали бы его подданными. А он возлежал бы на подушках, как некогда Чингис-Хан, и творил правый, скорый и мудрый суд...

— Гражданин, вы оштрафованы на три рубля! Куда лежете? Вам кричат, кричат, а вы, знай, шагаете!..

Мусаха-Задэ протер свои узкие глаза. Перед ним стоял татарчонок в костюме милиционера. Черты лица его показались ему удивительно знакомыми.

— Чорт возьми! — воскликнул полковник по-русски: — да это ты, Сулейман-Бек, мой старший сын и наследник. Ты жив! Тебя не замучили! Обними своего отца и владыку!

Сулейман-Бек упрямо качнул головой.

— Сперва три цепковых, папаша. Я милиционер. Вы нарушили постановление.

Чтоб поддержать сыновнюю шутку, полковник милосердие достал три рубля и расхохотался, получив расписку.

— Ну, теперь, папаша, сойдемте с рельсов, а то вы будете снова оштрафованы, и поговорим, — произнес Сулейман, пряча книжку с квитанциями. — Вас амнистировали?

— Дай задавать вопросы отцу! — строго прервал его Мусаха-Задэ. — Как живешь? Где мои дома? Где мои жены?

Сулейман свистнул:

— Вы, папаша, отучитесь у нас говорить «мое», «мое» — говорите «наше», вот тогда будет правильно. Все теперь стало нашим — дома, сады, дворцы, поместья, промыслы...

— Как! — вскрикнул удивленный полковник, не ожидавший от своего рода таких поразительных успехов. — Ведь вас было у меня всего-на-всего семнадцать сыновей и двадцать две дочери. Неужели...

Сулейман с досадой поморщился.

— Я говорю — наши, нашего народа! Татарский народ стал хозяином всего.

Такая новость, повидимому, не пришлась Мусаха-Задэ по вкусу. Он оглянулся по сторонам, увидел, что улицы пусты и что вокруг нет никого, кроме осла, покинутого своим хозяином по причине нашедшего на него ослиного раздумья, нагнулся к уху своего сына и зашептал:

— Слушай, Сулейман! Брось эти слова. Я говорю тебе, как отец, — дни вашей власти сочтены. Я привез деньги, много денег. Я привез оружие, много оружия. Мы будем снова править, беки и твой отец. Ты будешь богачом. У тебя будет сорок жен. От всей этой низкой уличной сволочи не останется ни души даже для того, чтобы вознести молитву за остальных покойников. Иди ко мне, я тебя возьму в дело!

Лицо Сулеймана нахмурилось.

— Кто же вам помогает, папаша? — от кого вы получаете оружие и деньги?

Мусаха-Задэ надулся, как индюк:

— Знай, сын, француз и американец очень любят татарских беков. Они дают, прежде чем я попросил. И англичанин тоже дает, прежде чем я попросил. Они сделают меня главным властителем народов, чтуших Коран!

— Эх, папаша, — сплюнул Сулейман в сторону. — А еще говорят, что вы начитанный человек. Плохо ж вы знаете пророка! Когда мне дают деньги во сне, утром они исчезают. А когда мне дают деньги наяву, за них приходится хорошенечко заплатить. Проваливайте, коли не хотите, чтоб я вас арестовал!

С этими словами Сулейман пошел к ослу, чтоб сдвинуть его с мертвоточки и придать ему перпендикулярное к его собственной оси направление.

Полковник Мусаха-Задэ поглядел вслед своему сыну. Губы его прошептали мрачное проклятье, потом сомкнулись, и оскорбленный бек двинулся дальше.

Тяжелые думы удручили доброго мусульманина, как вдруг над ним в воздухе прозвенел крик муллы, и он заметил, что наступил вечер. Олеандры, в кадках рассаженные вдоль улиц, благоухали сильнее прежнего. Синева неба стутилась. В домах зажглись огоньки. С моря повеяло прохладой. В эту минуту полковника сшибла с ног веселая толпа мальчишек, пробежавших по улице в красных галстуках, коротких штанах и ранцах за плечами. Он поймал за шиворот самого маленького и приподнял его с мостовой в уровень своего носа.

— Всегда готов! — пискнул татарчонок, вращая глазами и поднимая руку.

— Ага! — угрюмо произнес полковник: — всегда готов! Тем лучше. Но скажи-ка, не знаешь ли ты Лейли-ханум, жену полковника Мусаха-Задэ с улицы Четырех Фонтанов?

— Да я сам живу на этой улице, — весело пропищал мальчишка.

— Что же, Лейли-ханум жива?

— Я вас проведу к ней, если хотите, — вызвался мальчуган и, как только полковник спустил его на землю, быстро побежал вперед.

Сердце Мусаха-Задэ приятно забилось. Лейли была его самая последняя, самая молодая жена. Он еще не насладился ею как следует. Это была настоящая газель — тонкая, узкая, нервная, дикая, дрожавшая от прикосновения, утеша его зрелых лет. Он вспомнил, как она пугливо сверкала зрачками, встречаясь с его взглядом, и какие у нее рыжие кудри, рыжие от природы, а не от краски. Он снова попадет в знакомую крытую галерею, проведет ночь среди подушек, отдохнет, обдумает план действий...

— Стойте! — крикнул татарчонок. — Вот здесь Лейли-ханум. Сегодня она выступает. Предвыборное собрание делегаток. Прощайте, мне некогда!

И мальчуган улизнул, взметнув галстуком.

Перед Мусаха-Задэ была лестница и открытая настежь дверь. Оттуда неслись голоса. Множество татарок без чадры, в европейских костюмах теснилось у дверей. Он медленно поднялся по ступеням, не понимая, что это за сброд. Как вдруг, в густой толпе над женскими головами, на эстраде, он увидел золотые кудри своей Лейли без всякой чадры или покрышки.

Пугливая газель, сверкая глазами во все стороны, произносила предвыборную политическую речь!

Глава тридцать седьмая

ЕСТЬ ЕЩЕ ЛЮДИ НА ЗЕМЛЕ И НИКОГДА НЕ ПЕРЕВЕДУТСЯ, ПО МНЕНИЮ МОСЬЕ НАДУВАЛЬЯНА

Великолепная стеклянная веранда бакинской гостиницы полна столиков и пальм. Оркестр гудит как раз настолько, чтоб нельзя было ничего разобрать.

За столом, отодвинув в угол князя и полковника, сидит мосье Надувальян, кушает котлету и беседует с двумя солидными людьми смуглой наружности. Один смахивает на татарина, другой — на грузина, но, повидимому, общество мосье Надувальяна им дает гораздо больше, чем таковое князя и полковника. По крайней мере, оба они обращают на злополучных вельмож столько же внимания, сколько на спинки своих стульев.

Мосье Надувальян скушал котлету и взялся за зубочистку. Он подмигнул одному из собеседников, на что тот подмигнул в свою очередь. Мосье Надувальян показал полпальца, собеседник палец с четвертью. Мосье Надувальян потряс головой. Собеседник тоже. Мосье Надувальян поглядел на свои пальцы, отогнув три четверти мизинца. Собеседник поднял на свет мизинец целиком. Другой солидный человек, взяв портфель, сделал вид, что собирается уходить. Мосье Надувальян остался равнодушен к этому шеству и подозвал официанта.

Через полчаса, когда Вестингауз уныло сидел в своем номере, подводя итоги и проклиная злополучную доверчивость Европейской Лиги, раздался стук, и в комнату вошел мосье Надувальян. Он вел под-руки справа и слева двух в высшей степени солидных мужчин с портфелями и немедленно представил их банкиру самым задушевным голосом:

— Кароший человек — коммунист, помощник председателя Рогового треста из города Садахло. Тоже кароший человек, — директор Карабахского национального банка.

Пожми ему руку. Большой коммунист!

Банкир Вестингауз вздрогнул и в испуге уставился на мосье Надувальяна.

— Чего испугался? Товарищ Пикиришвили умный человек. Товарищ Усланбеков тоже умный человек. Пожми руку!

Кончив представление, он отер пот, повалился в кресло и заказал четыре бутылки коньяку с персиками и лимоном, за счет зангезурской концессионерской прибыли.

Вестингауз молча сидел на своем месте, выпучив глаза. В глубине души он подвел итог партизанской деятельности только князя и полковника. Что же касается мосье Надувальяна, то тут он не успел вывести заключений и сейчас склонен был думать о случае циркулярного помешательства. Но армянин, выпив рюмку коньяку и подлив своим спутникам, заговорил дружеским тоном, обращаясь к кончикам своих собственных сапог:

— Что нужно для умного человека — коммуниста? Прогрессирование промышленности. А для процветания промышленности? Сбыт. И если у товарища Пикиришвили не поддающийся никакому учету остаток, а мы хотим его закупить, то он ударяет по рукам. Доставку же берет на себя товарищ Усланбеков, как честный человек — за свою цену, ни на копейку не больше.

— Да о чем же речь? — с изумлением воскликнул Вестингауз.

Мосье Надувальян подмигнул ему в высшей степени наставительно.

— А химический завод забыл? А военное снаряжение забыл? Я по контракту ничего не забыл. Вот товарищи войдут ко мне пайщиками нашего дела.

Непроницаемые лица помощника председателя и директора банка приняли ласковый оттенок. Беседа сделалась более теплой, и когда через час оба гостя вместе со своими портфелями удалились, банкир хлопнул мосье Надувальяна по плечу.

— Я доволен вами! — воскликнул он весело: — вы действуете по-американски. Так, чорт возьми, ваши люди по-

могут нам справиться со всей технической стороной дела! Молодец!

— Есть еще люди на земле, — скромно ответил армянин, осушая последнюю рюмку. — Когда полетим, скажи, чтоб делали остановку. В каждом городе умный человек найдет умного человека. Мы себе цену знаем.

И, действительно, не успели они пролететь средней Армении, намереваясь повернуть к Зангезуру, как у главного концессионера было уже двенадцать пайщиков, восемь членов правления, три завода и патент на весь транспорт, какой только пересекает землю, воду и воздух. Оставалось поставить все это на место и завести как надлежит.

Нико Куркуреки презрительно кривил губы. Мусаха-Задэ мрачно выкатывал глаза. В таком состоянии они долетели до гористой части Армении, и тут лицо Надувальяна расплылось в широчайшую улыбку, глазки сузились, волосики в усах и бороде закурчавились.

— Зангезур! — произнес он мягким голосом, тыкая в стекло пальцем. — Ширванское вино! Хороший пилав и ширванское вино!

Под ними лежали теперь дикие голые кручи песочного цвета с острыми конусами вершин. Между ними, как синие бриллианты, сверкали озера и змеились реки. Скудная растительность запестрела но ребрам, рытвинам и ущельям. Дикие пропасти неслись вниз с отдыхающими на горячих каменных выступах змеями. Вот, наконец, сизые струйки дыма и тяжелый, сырой запах болотистых котловин... Синие полосы, сине-зеленые, сине-зелено-серые полосы развороченных недр, — стоп. Машина снизилась. Они были где-то на дне мрачной, зловещей воронки.

— Катарские медные рудники, карошее место! — весело произнес мосье Надувальян, раскрывая дверцу кабины. — Разбудите того молодого человека, нельзя спать на закате, иначе он схватит карошую зангезурскую лихорадку!

Последний совет относился к виконту де Монморанси, смягшившему себе глаза с такою силой, как если бы он задался целью опеленать их веками на манер младенцев кочевого племени. Лакей Поль занялся их распеленыванием. Бан-

кир Вестингауз вкатил в глаз монокль. Грэс прижала к груди кота и выскочила из кабинки, любопытно оглядываясь по сторонам. Положительно во всем мире не было места страшнее, пустыннее, глупше, ужасней, душней, зловещей, чем Зангезурские Катарские рудники!

Глава тридцать восьмая

В МИР ВЕЛИ МЕТАЛЛУ ТЕЧЬ!

— Ну?

Этот вопрос задал высокий сероглазый человек только что прибывшему Лори.

— Все в порядке, Ребров! — ответил Лори. — Мы можем начать разработку. Идемте к ребятам.

Узкая вьючная тропка, доступная только пешеходам и мулам, привела их в знаменитые медные рудники. Вокруг теснились сизые, мрачные скалы, покрытые красной и синей плесенью. Внизу гудел плавильный завод. Оттуда неслось дружное на разных языках:

Дутым, прокатанным,
резаным, колотым
Домною, валиком,
Зубьями, молотом
— Ух!

...Стократный удар молота бухнул в воздухе.

Черев станки,
От рабочей руки,
Волю одну —
К чорту войну!
К чорту долой, долой и долой,
долой войну!

Ребята заколотили по металлу с такой прытью, что Реброву понадобилось крикнуть им дюжину-другую раз, прежде чем они заметили его и остановились.

— Братцы! — начал Лори: — здесь сейчас знаменитый химик, доктор Гнейс. Он нашел, что разработка металла возможна. Он должен поставить вас, от имени концессионеров, на секретную выработку, заплатив вам вдесятеро про-

тив цены. Но дело-то мы повернули в нашу сторону, и вы будете работать на наш союз, поняли?

— Ладно! — в один голос отозвались рабочие. — А как насчет его пользы?

— Проверена! Металл сделает войну навсегда невозможной. Только его разработка повлечет за собой смерть. Надобно выработать тысячу грамм сиропа, что может быть при нашем оборудовании достигнуто в три недели. Между тем трехнедельная работа ведет за собой паралич. Двухнедельная — разрушение костяной ткани. Недельная тяжелую форму известкового истощения. И ни одного дня нельзя проработать без вреда для своих костей. Что вы на это скажете?

Рабочие переглянулись. Самый старый выступил вперед:

— Какое число рабочих необходимо для работы?

— Самое меньшее — восемь душ.

— Ну, так мы дадим восемь душ на смерть, — это умней, чем двести на безнадежную болезнь, при постоянном перерыве в работе.

— Правильно! — хором поддержали рабочие. — Дайте нам день сроку, мы сговоримся, кого поставить.

— И знайте, ребятки, что я в том числе! — весело воскликнул Лори, — меня поставили еще в Зузеле, на нашей конференции. Я первый лягу костями, да зато и металл-то назвали в честь меня лэнием.

Ребров, добросовестно переводивший беседу на русский язык, флегматически добавил:

— Скостите со счетов двоицу. Лори выбран, а мне придется начать собой линию технического персонала. Доктора Гнейса мы бережем. Он нужен.

Суровые лица рабочих выразили недовольство. Обречь такую двоицу, как Ребров и Лори, им было жальче, чем десяток своего брата. Но делать было нечего.

— А теперь, — сказал старый рабочий, поднимая инструмент, — за работу, ну-ка!

Братцы, сбросим рабство с плеч.
Смерть быlyм мученьям!

В мир велим металлу течь
С тайным порученьем...

Лори зашагал рядом с Ребровым.

— Я должен узнатъ подробней, — проговорил Ребров, — каким образом дядя Гнейс показал им свои фокусы? Нет ли опасности снабдить их действительно разрушительным веществом? Проверено ли это, Лори, до самой что ни на есть точки?

Лори оглянулся вокруг, увидел тенистое mestечко под огромным кустом кизила и сделал Реброву знак:

— Сядем, я вам скажу, в чём дело.

Они подошли к выступу скалы, нагретому до тридцати градусов, несмотря на то, что солнце было за облаками, сели и сунули головы под ветку кизила, кое-где усеянную крупными красными ягодами.

— Вы помните, Ребров, странные действия руды на металл? Доктор Гнейс выплавил из нее, как вы знаете, красный густой сплав, похожий на сироп. Природа этого сплава полярна. Он действует искажающе и ослабляюще, взятый в единственном числе, использованный односторонне, — и он разрушает, заключенный в двух контрагентах...

— Вам не кажется, что тут кто-то есть? — перебил его Ребров, прислушиваясь. Лори оглянулся во все стороны.

— Ветер! Где тут спрятаться?

— Может быть, — удивленно продолжал Ребров, — только мне почудился запах вина и чье-то дыханье. Продолжайте, Лори!

— Короче сказать, наш опыт у министра мы сделали с двумя контрагентами, лишь изменяя пропорции. Мы впустили по определенному количеству и в орудия нападения и в предметы обороны, то есть вооружили обе стороны. Отсюда — действие взрыва.

— А газ?

— То же самое. Мы кинули обезьянке, прежде чем впустить к ней газ, таблетку с сухим лэнием. В нем тотчас же развилась отрицательная магнитная сила по отношению к первой.

— Значит, они собственными руками обезвредят все свои орудия истребления?

— Да, поскольку эти орудия направятся против нас. Но если Лига передерется и начиненные жерла обратятся друг против друга...

— О! — выразительно свистнул Ребров: — это изумительно, Лори! Я не мог бы придумать ничего хитроумней!

Они встали и двинулись домой, задев густые ветки кизила. Солнце вылезло из-за туч и жарило немилосердно. Должно быть, поэтому ни Ребров, ни Лори не вздумали оборотиться еще раз и только ускорили шаги.

Когда они скрылись за поворотом, кизиловое дерево сильно чихнуло. Знаток запахов, принюхавшись к его чиханью, нашел бы, что оно ужасно как смахивает на ширванское вино.

— Гм! Гм! — произнесло кизиловое дерево: — драгоценный металл! Это-то я понял изо всей чепухи, что они мололи. Англичанин тоже говорил о драгоценном металле. Надо глядеть в оба. Этот дырявый старичок, доктор Гнейс, кажется, уже нацелился расторговать мое добро!

С этими словами дерево расшумелось, распахнулось, и из самой его середины, весь изодранный и выпачканный, выполз мосье Надувальян, только что хорошенко отдохнувший от первой встречи после многолетней разлуки — с ширванским вином.

Глава тридцать девятая

ТЕТКА МОСЬЕ НАДУВАЛЬЯНА

Жилое здание, принадлежавшее французской компании и когда-то погребшее в своих стенах семью управляющих виконта Монморанси, было отдано доктору Гнейсу под лабораторию. Крытые галлереи Надувальян приспособил под склады. А для банкира, его жены и виконта на зеленых горных склонах разбили палатки.

В первый же день по приезде банкир принял отчет доктора Гнейса и теперь стоял у своей палатки, не спуская крысиных глазок с дорога. Он смотрел до тех пор, пока не увидел танцовщую тень мосье Надувальяна, шедшего не столько по прямой, сколько справа налево и слева направо.

— Это, конечно, очень экономный способ хождения! — проговорил Вестинггауз, выкатив монокль и беря мосье Надувальяна за руку. — Если бы все железные дороги строились по принципу этого хождения, мы не имели бы, дорогой мой, ни единого населенного пункта, лежащего вне полотна железной дороги.

С этой речью он втолкнул мосье Надувальяна к себе в палатку. Армянин сел, вытер лицо носовым платком и сердито взглянул на банкира.

— Если ты думаешь, — произнес он в высшей степени трезво, — если ты думаешь, что я наклюкался, — ты прав. Но ты можешь лить в меня сколько угодно, а мозги Надувальяна останутся на высоте. Третий этаж наводнению не подлежит.

— Приятно слышать, — ответил банкир. — Будьте внимательны. Я имею сообщить вам огромную новость.

С этими словами Вестинггауз оглянулся по сторонам и, не заметив никого, кроме Грэс, сосавшей шоколадку над брошюрами Пасифистского общества, спокойно продолжал:

— Мы открыли на вашей земле минерал. Он будет выплавляться тайком от Советской власти, которая, впрочем, и не имеет на него прав. Вы будете регистрировать общее

количество выплавки и сдавать в закупоренных баллонах нашим агентам — ночью и под величайшей тайной. Мы предлагаем вам самому назначить цену за эту операцию!

Мосье Надувальян задумчиво покачал головой.

— Каков твой минерал на вид?

— Он похож на красный сироп. Хранить его нужно в сосудах из горного хрусталя. Каждый сосуд будет запечатан доктором Гнейсом. Но вы не бойтесь, мосье Надувальян, — отправка не грозит вам никакой опасностью.

— Надувальян ничего не боится! — сухо ответил армянин. — Надувальян думает, стоит ли этот товар, чтоб его отправлять?

— О! — воскликнул Вестингауз: — милейший мой, он стоит полмира. Он дает в руки нашей армии несокрушимую силу. Он вернет вам вашу родину в полпlevка.

— Карапшо, — ответил армянин, вставая с места и быстро справляясь с двумя этажами, пострадавшими от наводнения, — карапшо. Будешь доволен. Цену я назначу. Сегодня поеду за своим человеком для дела, одному не обойтись.

С этою речью мосье Надувальян ринулся из палатки, похвально отпечатывая свои ноги на каждый точке пространства. Когда он, спустя полчаса неустанной ходьбы, поверотил, наконец, за угол, сделав колоссальное количество шагов, — говоря математически, двенадцать в квадрате, — ноги его подкосились, третий этаж свалился на два нижних, и мосье Надувальян в весьма неудобной позе занялся извлечением квадратного корня из создавшихся обстоятельств.

— Мало надежды, что этот плут отправится сегодня за своим человеком! — раздражительно произнес Вестингауз, опуская полог и подходя к жене. — Ну-с, крошка! Вы, кажется, стали умницей. Поль доволен вами, и я доволен вами.

Грэс приняла заигрывание банкира с самой милой гримасой. Когда он прошелся пальцем у ней под подбородком и намеревался несколько удлинить маршрут, Грэс мягко отвела его руки и посоветовала не напрягать свое сердце. Положительно, из нее выработалась дельная маленькая женщина. Если б не политика, он способен был бы уделить

ей излишек своей энергии.

— Терпение, крошка! — воскликнул он игриво: — терпение! Неделя, две, три — и мы станем, наконец, твердыми ногами на землю. Социальные бредни исчезнут с лица земли. У нас будет время заняться... э... личной жизнью.

Между тем мосье Надувальян благополучно справился с математикой и был отнюдь не склонен подтверждать пессимистические выводы Вестингауза. Не прошло и получаса, как он добрел до своей палатки, вызвал туземца и плотно уселся на мула, которого означенный туземец повел под уздцы.

Мусаха-Задэ и Нико Куркуреки, проводившие свой первый рабочий день в палатке за составлением сметы, плана восстания и руководства гражданской войны, выставили головы за полог, провожая его завистливыми глазами. Этот пошлый человек орудовал без всякого плана. Тошно глядеть, как он сидел на мule, точно игрушечный паяц на медведе в витрине детского магазина. И, тем не менее, он орудовал.

В настоящую минуту — пятками, усердно утрамбовывая ими ту часть живота доблестного мула, которая делала его единственным на земле ангелоподобным существом, лишенным греховных атрибутов.

— Гражданин, не бей мула под брюхом, — посоветовал туземец, — не то он станет поперек дороги и будет стоять суток пять, если не больше.

Мосье Надувальян прекратил свои намеки, и мул затрусиł вниз по головокружительным зигзагам. Путешественники останавливались в каждой деревне, где только водился овечий сыр. Известно, что овечий сыр подается не иначе, как на тарелке, которая прикрывает кружку — таков горный обычай, не терпящий засорения доброго ширванского напитка.

Туземец не вникал в намерения путешественника. Он только осведомился, что именно ему нужно, и узнал, что мосье Надувальян до крайности нужна тетка. Впрочем, мосье Надувальян не был уверен, что нужная ему тетка существует, тем более, что у него никогда не было опыта по ча-

сти теток, перemerших в ранней молодости.

Они миновали уже несколько деревень, виадуков, оросительных каналов, туннелей и виноградников, а туземец рассказал ему множество историй о процветании и возрождении его отчизны, как вдруг мул ударил задними копытами, взбесился и полез под мост. Под мостом он остановился, понурил голову и заснул.

— Плохая примета! — пробормотал туземец, залезая по пояс в воду и вскарабкиваясь на мула. — Если мул хочет промочить себя до колен, это значит, что он спасает от воды свои уши. Будет гроза!

Не успел он договорить, как молния иголкой поцарапала окрестность, загрохотал гром, и по мосту — что есть силы — забил град величиной с куриное яйцо. Мосье Надувальян и туземец плотно прижались друг к другу, в то время как градины падали с плеском в воду, напоминая настоящую бомбардировку.

— Нехорошо! — вздохнул туземец: — побьет виноградники и посевы. Сколько раз Советы собирались выписать из Италии градобитную пушку и не смогли! Денег нет.

— Гм! — крикнул мосье Надувальян.

Мул стоял под мостом около часу, покуда наши путешественники не промерзли до костей. Потом он вздернул хвостом и ушами, вылез из речки на дорогу и двинулся было дальше, как вдруг снова остановился. На мокрой, грязной дороге, еще усеянной крупными градинами, не успевшими растаять, стоял большой воз сена. В сене была дырка, а в дырке сидела толстая старая армянка с повязанным ртом. Она преспокойно ссыпала из сита к себе в подол целую кучу зернышек кукурузы, очищенной градом лучше всякой машинки.

— Гм! — снова произнес мосье Надувальян. — Старуха мне нравится. Это и есть моя тетка. Здравствуй, тетка!

Неизвестно, какой разговор произошел между ним и старухой, так как он велся вполголоса и даже туземец не принял в нем никакого участия. Но, когда банкир Вестинггауз поздно вечером выкатил из глаза монокль, чтобы зевнуть и хрустнуть, как следует, собственными костями, на дво-

ре раздался стук копыт и оглушительный хохот князя Куркуреки. Вестингауз лениво поднял полог.

По склону ехал мосье Надувальян, держа перед собой страшную черномазую ведьму, повязанную по самые ресницы. Он обращался с ней в высшей степени почтительно. Завидя банкира, он подмигнул ему левым глазом и крикнул:

— Карошая тетенька! Займется хозяйством. Сам знаешь, без своего человека справиться невозможно.

Глава сороковая

ЛАКЕЙ ПОЛЬ НА ПУТИ К БОГАТСТВУ

Горы лежали в раннем утреннем свете, острые, частые, прямые, как дьявольский кегельбан. Небо горело золотом. На траве белел иней. Но бедная Грэс, прислонившаяся к скале и спрятавшая плечи и кудри в шарфик, могла менее всего наслаждаться пейзажами: между нею и горизонтом, точь в точь как на поздравительных открытках, стояла траперетная, круглая, бритая, красная, похожая на луну — голова лакея Поля.

«Что мне с ним делать? — думала Грэс, нашупывая за поясом кошелек и нож для разрезания книг. — Дать ли ему денег или проколоть ему глаза?»

Повидимому, последнее пришлось ей больше по нраву.

— Прочь! — закричала она грозным голосом, как только выпущенные рыбы глаза подплыли ближе, — не двигайтесь со своего места или же я проткну вас!

С этими словами она вытащила нож и взмахнула им в воздухе, как раз против самого носа Поля.

— Сядьте вон там, внизу. Какого черта вы преследуете меня, днем и ночью? Что вам от меня надо?

— Денег! — хрюплю ответил Поль. — Если вы будете меня морочить, я пойду и доложу банкиру, что вы погубили белогвардейское судно!

— Дурак, — презрительно ответила Грэс, — можете говорить об этом на все четыре стороны. Ну-ка, начните в виде репетиции!

— Вы выдали белогвардейское судно большевикам! — бешено закричал Поль. — «Лебедь» был военным судном, он имел полное снаряжение... Вы подмазались к капитану и выдали судно... Я видел, как вы свистели!

Грэс слушала, играя своим ножиком. Что ей делать? Она беспомощно оглянулась по сторонам... Дать ему раз, чтоб это животное...

...Ах!

Она вздрогнула и откинула голову. Прямо против нее, из расщелины, пара сверкающих серо-голубых глаз, таких знакомых, впилась в нее с неменьшим изумлением, нежели ее собственные.

Грэс истерически расхохоталась, вытащила кошелек и бросила его в физиономию Поля:

— Вот вам, глупое, грязное, злое животное. Убирайтесь!

Поль подхватил кошелек, пощупал, оскалился и полез вниз, удовлетворенный на ближайшие сутки.

Грэс подождала, пока он исчезнет, и быстрее молнии повернулась к расщелине. Но Лори там уже не было! Ей на встречу шел незнакомый высокий человек с серьезным лицом и трубкой в зубах.

— Итак, это вы нам выдали «Лебедя»?

— Я ничего не могла придумать другого, — слабо ответила Грэс, оглядываясь по сторонам, — а свисток я украла у капитана.

— Но это было превосходно! — ласково произнес сероглазый человек. — Кто вы такая?

— Я жена банкира Вестингауза, — ответила Грэс, — и... я много раз намеревалась выйти из своего класса... Но с вами тут был другой человек. Где он?

Ребров оглянулся. Лори уже не было.

— Он ушел на работу. Мне тоже пора. Мы работаем в шахтах.

Грэс разочарованно повесила голову.

— Если бы я могла встретить того человека, я сказала бы ему об одной вещи! — пробормотала она, надув губки: — это важней парохода «Лебедь»... И вообще, сэр, не знаю, как ваше имя...

— Товарищ Ребров.

— Товарищ Ребров! Сейчас такое чудное утро. Банкир спит, как устрица. Почему бы вам не захватить меня с собой в шахты?

— Это невозможно, — ответил сероглазый с улыбкой. — Мы работаем в скверной шахте, где испарения разрушают живые ткани. Наше здоровье обречено. Ни один час не про-

ходит так, безнаказанно. Вам нельзя туда спуститься даже на полчаса.

С этими словами он кивнул ей и быстро побежал к расселине.

Но не тут-то было! Твердые, крепкие каблучки застучали вслед за ним. Он покачал головой и ускорил шаги. Добежав до головоломного спуска вниз, он повис на руках над воронкой, прыгнул и в полутьме стал перескакивать со ступени на ступень. Это была адская дорога, по которой не ходили даже козы. Тем не менее, на четвертом повороте чьято рука проделась через его руку, и Грэс самым спокойным образом попросила его итти медленней.

Ребров взглянул на нее с искренним изумлением. Он видел на своем веку много разного сорта неповиновения — от подлежащего расстрелу до подлежащего порке. Но этот вид был ему совершенно незнаком. Он остановился.

— Я сказал вам, что туда нельзя! — произнес он резко.
— Вы не посчитались с моими словами. Поверните обратно!

— И не подумаю, — ответила Грэс. — Если вы хотите разрушить свое здоровье, почему я не имею права разрушить свое?

— Поверните обратно!

— Не хочу!

Ребров выдернул свою руку из ее рук и рванул металлическую проволоку. Раздался звон колокола. Из-за поворота выглянула рабочий.

— Тащи эту женщину наверх и закрой воронку! — отрывисто произнес Ребров и потом, повернувшись к Грэс, добавил по-английски:

— Научитесь слушаться! Без этого вы не годитесь ни для одного общества в мире.

Покуда Грэс, прикусив губу и покраснев от злости, приуждена была следовать за молчаливым рабочим, Ребров в два прыжка очутился внизу, у спуска в шахту. Здесь его ждал доктор Гнейс, в стеклянной маске. Ребров быстро надел такую же маску, сел вслед за химиком в корзину, и они полетели вниз.

Глава сорок первая

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СМЕРТИ

Лори с тремя товарищами неутомимо работал хрустальным молоточком. Руда отламывалась с величайшим трудом. Они не разговаривали. Рты и носы их были крепко завязаны и заключены в маски. Но, несмотря на это, они чувствовали, как по телу их бегают приятные мурашки от дыхания руды.

Если бы не странные горловые спазмы, возникавшие от каждого отбитого кусочка, Лори с товарищами положительно готовы были бы работать день и ночь. Кости растягивались у них в теле, как резина. Странные видения, окрашенные багрянцем, проносились перед зрачками. Кровь билась в жилах, точно ее кипятили, как шоколад. Никогда еще Лори не испытывал такого подъема и уверенности в своих силах. Мы не знаем, думал ли он о Грэс, по молотку его работал с невероятной быстротой.

Наверху, у дяди Гнейса, работа кипела не хуже. Огромный жар от электрической плавильни превращал руду в жидкое тело. Несколько желобков, трубок и фильтров принимали его, каждый раз очищая, покуда, капля по капле, красный сироп стекал в хрустальную чашу. К концу дня первая чаша наполнилась, и Ребров энергично выслал вместе с нею старого химика на свежий воздух. Дядя Гнейс посмотрел на своего заместителя, покачал головой и тихо выбрался из веселого места смерти.

Первое дуновение ветерка причинило ему головокружение. Второе уничтожило всякую веселость. Третье развязало мускулы и волю, и дядя Гнейс повалился на мула, как старый пустой мешок. Зобная железа его вспухла. Горло стянулось. Страшные спазмы сводили внутренности.

Мул тихо брел по горам, прядая ушами. И с каждой минутой пути старый Гнейс чувствовал себя хуже и хуже. Солнце село за горы, подул холодный, пронзительный ветер, тучи сползли в долины, когда мул остановился, наконец,

перед длинным белым зданием. На пороге стояли мосье Надувальян со своей тетушкой. Мосье Надувальян принял мешок с сеном из рук химика и молча передал его тетке. Та с непроницаемым лицом понесла его внутрь дома.

— Смотрите же, Надувальян! — тихо произнес химик: — нынче ночью наш летчик полетит с первой партией в Зуэль. Флакон запечатан. Будьте осторожны!

— Не беспокойтесь! — флегматично ответил армянин: — тетка всю ночь топит печь. Мы спать не будем, а дело сделаем.

И, действительно, из труб его дома валил такой дым, что даже горные туманы должны были уступить ему в плотности.

Дядя Гнейс поворотил мула. Он страдал так сильно, что, добравшись до своей палатки, тотчас же лег и закрыл глаза. Первая доза смерти, принятая старым Гнейсом, была слишком сильна для его нежных костей ракхитика. Но ему не суждено было отдохнуть.

— Проснитесь! — сказал кто-то гневным голосом над самым его ухом. — Проснитесь, злой и гадкий человек!

Гнейс раскрыл кроткие глаза. Перед ним была жена Вестингауза с растрепанными кудряшками и искаженным лицом.

— Я знаю, что вы заставляете их работать на смерть! — крикнула она диким голосом: — а потом отсылаете этот проклятый металл их врагам, чтобы он задушил государство рабочих. Ведь вы старик. Вам недолго жить! Неужели вы хотите напоследок сделать величайшую подлость?

Доктор Гнейс приподнялся на постели. Маленькая Грэс всегда была ему симпатична и напоминала милый серый камешек нефрит. Но такие речи он все же не ожидал от нее услышать.

— Я требую, чтобы вы их спасли! чтобы вы сказали им всю правду! — продолжала Грэс, схватив его за плечо и тряся изо всех сил. — Сейчас же идем вместе в шахты!

— Дитя мое, — слабо отозвался старик, взглянув на нее нежными разноцветными глазами, — не трясите меня, я плохо себя чувствую. Сядьте на стул. Так. Вы должны знать,

что я не враг тем, о ком вы сейчас говорите. Наши действия обдуманы и согласованы. Они все знают.

— Знают? — воскликнула Грэс, надо сознаться, с некоторым разочарованием. — Как так? Зачем же они это терпят?!

— У них свой план. Они сильнее врагов. Не бойтесь.

— Но тогда... — Грэс запнулась. — Но тогда почему они работают в этой страшной шахте?

— Нужно для дела и для победы, — ответил старик слабым голосом. — Они обрекли себя на смерть. Это молодцы. Вы видите меня, дитя мое, — я принял первую ванну лёния и чуть жив. После семи таких ванн каждый из них будет инвалидом. После двадцати он умрет.

Грэс слушала, меняясь в лице. Умрут! Ребров ничего не сказал о смерти. Она вскочила, ломая руки.

— Слушайте меня, доктор Гнейс. Я должна попасть в шахту — немедленно, немедленно. Что мне сделать, чтоб спасти его от смерти? Как себя вести?! Как быть?!

Она была в таком исступлении, что бедный старый Гнейс забыл про свои спазмы. Он вскочил с постели и схватил ее за руки. Но, прежде чем ему удалось ее успокоить, она вытащила его из палатки, посадила на мула и повлекла за уздцы ангелоподобное животное, бесстрастно затрусившее в горы. Хорошо, что ни банкир, ни виконт, ни лакей Поль не видели этой кавалькады. Что касается Мусаха-Задэ и князя Нико, они уже с утра отправились в конспиративную поездку. Таким образом Грэс беспрепятственно увлекла старого химика в авантюру, последствия которой были совершенно неясны для нее самой.

Глава сорок вторая

ОБЕД ВЕСЕЛЫХ СМЕРТНИКОВ

Когда вторая чаша наполнилась, Ребров объявил перерыв. Но никто не хотел подняться наверх. Рабочие точно впервые нашли себя и свои члены: они кувыркались, играли, потягивались, глядя друг на друга расширенными зрачками. Ребров разложил на площадке еду и минут двадцать звонил в колокол, пока, наконец, не собрал их к обеду.

— Надо есть, ребята! — строго проговорил он. — Этак вы не протянете и шести дней. Лори! Садись. Ну-ка... — Он протянул руку за куском хлеба с сыром, как вдруг удивленно посмотрел вокруг себя, на хлеб, на свою руку — и улыбнулся.

— Эй! — воскликнул Лори, делая то же самое и откладывая кусок хлеба в сторону, — братцы, что это мы хотим делать? Неужто... Неужто мы собираемся запихнуть это в себя?

Рабочие переглянулись. Чорт возьми, что такое!.. Они утратили необходимость в еде. А вместе с нею они утратили всякое представление о том, как надо есть, что надо есть и зачем надо есть. Смутное воспоминание об этой процедуре наполняло их удивлением, точь в точь как у человека видевшего во сне, что он летает, и сохранившего, пробудившись, странное летательное чувство в своих предплечьях.

— Да... — проговорил Ребров нерешительно: — насчет этого я ничего не знаю. Дядя Гнейс научил меня делать сплав и беречь свою глотку. Он не сказал, что мы изменимся, точно родимся на какой-то другой планете.

— Поднимемся наверх, — пробормотал старый рабочий, — неспокойно у меня на сердце, братцы! Я согласился помереть для нашего дела, но ведь не в ангельском же виде! Неужто нам на прощание так и не покушать? Винца не попить? Ах, чорт, да как мы раньше-то могли есть и пить?

Лори взглянул на него с сожалением.

— Эх, ты! — вырвалось у него: — брось глупости. Радуйся! По мне, так вовсе не надо выходить отсюда, до самого последнего дня. Мы не будем ни в чем нуждаться. Нам не нужно другого воздуха. Не нужно пищи. Это я называю райской смертью.

— Все-таки я поднимусь, — пробормотал Ребров. — Заведи колесо, дядя. Я сяду в корзину вместе с чашей.

Он легко прыгнул на высоту трех футов, прежде чем старик взялся за колесо, и сел в корзину.

— Странно! Мы потеряли тяжесть. Или земля потеряла здесь притяжение, — крикнул он, принимая из рук рабочего хрустальную чашу, подброшенную к нему, как мячик. Корзина взлетела наверх легче пушинки.

Но там, где должно было сиять солнце, Ребров увидел лишь голубую узкую щель. Когда первая струйка свежего воздуха коснулась его лица, он испытал нервный толчок и повалился из корзины вниз головой. Встав и отряхиваясь, измученный, голодный, усталый, Ребров с ужасом припал к щели. Скала сдвинулась. Шахта была закрыта.

— Эй! — крикнул он в щель: — есть тут кто-нибудь? — Он вырвал листок блокнота, нацарапал:

20 грамм лэния

и просунул бумажку вместе с чашей в щель... Но тут ее подхватила нежная старческая рука с мягкими пальцами, и бледный дядя Гнейс придинул лицо к щели.

— Вы погребены в шахте, — шепнул он. — Жена Вестингауза побежала на другую тропинку. Может быть, там все осталось попрежнему.

— Беда не велика! — ответил Ребров: — эта щель, дядя, отлично годится для пропуска чаш. Сторожите здесь посменно. Приносите нам... чорт, я опять голоден, а десять минут назад... Дядя Гнейс! Там, внизу, мы не испытываем нужды в еде и питье.

Доктор Гнейс глядел на него сострадательными глазами.

— Тем лучше, мой друг! Все устроилось, как нельзя лучше. Вы не будете страдать, если откажетесь от свежего воз-

духа и солнца. Но дело в том... дело в том... Мы выработали только сорок грамм. Заставьте ребят торопиться... Дело в том, что эта щель медленно сдвигается.

Слова застревали во рту у бедного Гнейса. Он страдал, встречаясь со взглядом Реброва.

— Нет никаких изменений земной коры. Ничего, похожего на удары. А между тем скалы сдвигаются, и если движение их не прекратится...

— Мы будем раздавлены, как листья папоротника в пластах антрацита, — бодро ответил Ребров. — Не волнуйтесь, дядя! Кто утопает, тот не боится промокнуть.

С этими словами он опрометью кинулся вниз, к корзине. Ему осталось теперь одно: всеми силами, всем напряжением успеть довести сегодняшнюю выработку хотя бы до ста грамм, — пока щель не закроется окончательно.

— Лори! — крикнул он появляясь в узком туннеле: — работай за четверых. Шахта заперта. Последняя щель сдвигается. Мы должны дать лэний хотя бы настолько, чтоб обезвредить врагов на первые дни войны.

Лори стал удивительно понятливым. Он даже не переспрашивал. Рабочие тоже поняли Реброва с первого звука. Локтями, ладонями, ногами заработали они в руде, отламывая, отряхивая, отсыпая, откусывая острые осколки. Каждый старался ударить молотком быстрей, чем в одну сотую секунды, и никто не чувствовал ни усталости, ни страха. Легкое, острое веселье охватило их танцующим вихрем. Легкость снова вернулась к Реброву. Все больше и больше осколов подвозилось к его лаборатории, все быстрее бежала по трубкам красная струйка сиропа.

Двадцать грамм, еще двадцать грамм, еще двадцать — они перешли за сто грамм, когда, наконец, старик рабочий, взлетавший наверх вместе с чашами, опустился вниз серьезней, чем поднялся. Он держал в руках седьмую чашу. Щель сдвинулась еще тесней. Чаши не просовывались.

— Жаль, что мы не позаботились о флаконах! — крикнул Ребров. — К воронке, братцы. Может быть, выберемся через воронку.

Ход, высеченный в скале, употреблялся лишь в крайнем случае. Он был труден, длинен и вел на вершину горы. Ребров был уверен, что он задвинут, так как о жене Вестингауза, побежавшей к этому ходу, не было ни слуху, ни духу. Они поспешили к каменной лестнице и остановились, столкнувшись с блестящим, отполированным куском огромного кварца. Воронка исчезла, точно ее и не было, а вокруг них вились новые, неведомые коридоры, в высоту человеческого роста, посыпанные дивным золотым песком.

— Чудеса! — крикнул Лори. — Мы в пегматитовых жилах гранита!

С этими словами он упал на песок и проворно ощупал вокруг себя стены, пол, потолок, впадины.

Ребров был мрачен. Седьмая чаша, оставшаяся у него в руках, мучила его совесть.

— Сколько грамм нужно для отравления орудий всех наших врагов? — спросил он у Лори, ползшего по земле.

— Мы обезвредили их на десять-пятнадцать дней войны, — откликнулся Лори. — Но идемте вперед, братцы. Может быть перед нами откроется какая-нибудь щель.

Он смело пустился вдоль по коридору, гладя руками бока и ребра жилы и старательно перебирая каждую горсточку песку. Ребята засветили фонари и двинулись вслед за ним.

Глава сорок третья

ВСТРЕЧА В ГНЕЗДЕ БРИЛЛИАНТОВ

Жилы вились змеями на огромное расстояние. Они пересекали друг друга. Заходили в тупички, разветвлялись, образовывали гнезда, но никаких щелей Лори найти не мог. Почувствовав усталость, он повернулся обратно и положил руку на плечо Реброва.

— Делать нечего, идемте назад. Наша работа закончена на седьмой чаше.

Ребров сердито сдвинул брови.

— Восемь жизней за десять дней ихних неудач — это дорого. Чорт возьми, я не герой. Я готов стучать кулаками об стену, чтоб не умереть с проклятым чувством недовольства.

— Но мы должны быть трезвыми, — мягко ответил Лори. — Не забудьте, друг, что в десять дней, покуда их пушки, пули, моторы и газы будут куралесить и фокусничать, у сотни тысяч солдат пробудится сознание. Я убежден, что союз победит и начнется революция во всем мире.

— А мы ее не увидим! — сумрачно воскликнул Ребров.

— Я начинаю задыхаться. Эти жилы увеличили нас от лэния. Смерть начинает быть слишком обыкновенной. Идемте назад.

Он повернулся и побежал, отбрасывая фонарем на стены гранита фантастические искры. Лори догнал его опять и зашагал рядом. В противоположность Реброву, всегда сдержанному, а сейчас взъяренному и теряющему спокойствие, Лори, всегда живой и беспутный, стал удивительно мягок и тих. Глаза его засветились, губы приняли мечтательное выражение.

— Ребров, — шепнул Лори, — вы сказали, что жена Вестингауза побежала к воронке. Я надеюсь, она осталась жива. Это — та самая женщина, от которой я зазвонил в сигнальный колокол себясуда.

Он не успел кончить свое признание. Коридор внезапно расширился. Слабый блеск пролился им навстречу. Они заблудились, — вместо знакомой земляной площадки перед ними была странная круглая пещера, полузыпанная песком, на котором лежали две человеческие фигуры. Ребров оцепенел. Лори судорожно сжал его плечо. Старый рабочий навел фонарь на лежавших.

— Это ужасно! — вскрикнул Ребров. — Дядя Гнейс, вы здесь, вместо того, чтобы передавать чаши по назначению. Вы погубили дело!

— Ничуть, — спокойно ответил женский голос. — Мосье Надувальян забрал чаши собственоручно. Он предупрежден. Он отправит их нынешней ночью в Зузель.

— Очень хорошо. Но кто вам позволил забраться в шахту? Зачем вы здесь, вы и доктор Гнейс?

— Во-первых, вы не смеете на нас кричать, — сердито пробормотала Грэс, поднимая старика и помогая ему держаться на ногах, — иначе мы тут засыплемся и умрем на зло вам. Доктор Гнейс хотел вытащить меня из щели, но вместе этого попал в нее вместе со мной. Если земля замыкается по своему собственному желанию, мы не можем отвечать за ее поступки.

— Упрямая женщина! — разозлился Ребров: — никогда вы не научитесь быть общественной. Вы погубили первого классного химика, нужного для рабочего дела. Вас следует изгнать отсюда в двадцать минут, если только мы разыщем какую-нибудь дырку.

— И если только вы вылезете отсюда вместе со мной... — спокойно ответила Грэс.

— Друзья мои, не ругайте ее, — прошептал химик слабым голосом, — она хороший, честный камешек, и, правда же, я не мог больше жить, зная, что вы тут погибаете. Я принял слишком сильную понюшку лэнния.

— Вот что! — отрывисто произнес Лори, взглянув прямо на Грэс сияющими серо-голубыми глазами. — Дело сделано, теперь ничего не поправить. Обсудим положение: пока мы здесь, то есть в пегматитовых жилах, вне эманации лэнния, мы умираем, хотя мы живем. Если же мы спустим-

ся вниз к лэнию, мы станем жить, хотя будем умирать.

— Что за алгебра! — пробормотал Ребров.

— Лори Лэн прав, — тихо сказал химик. — Здесь мы дышим кислородом и поставлены в обычновенные условия. Но именно потому нам предстоит умереть — от отсутствия пищи и воздуха, когда мы съедим и выдохнем все, что тут есть. Внизу дело другое. Внизу мы попадем в иные условия существования. Лэний пропитает нас, будет нашей пищей и воздухом. Мы почувствуем себя превосходно, но мы будем угасать со дня на день, пока лэний не поглотит весь известковый запас нашего организма.

— Я за смерть внизу! — воскликнула Грэс.

— Я тоже, — пробормотал учёный.

Ребров и рабочие угрюмо кивнули головой.

— Ну, так сидите тут и ждите, пока я найду дорогу, — крикнул Лори и, заметив судорожное движение Грэс, прибавил, — нет, нет, я непременно вернусь! Я вернусь со всех ног...

Он повернулся и бегом бросился вниз, по галлерее. Ребров меланхолически опустился на песок. Рабочие подсели к нему. Никто из них не боялся смерти. Но каждый с грустью помянул свою трубочку, которую здесь, внизу, нельзя было раскурить.

— Знаете ли, что окружает нас? — спросил старый учёный, сунув руку в золотистые груды песку и доставая оттуда тусклые кристаллы. — Здесь их несчетное количество. Это алмазы, слезы земли, дивные камни, которые гранят ювелиры и делают сверкающими источниками молний. Мы в гнезде бриллиантов! И если вам кажется, что вы в полумраке, то это потому, что свет их прячется в потенциале... Так же и смерть, друзья мои! Смерть есть невидимый свет алмаза. Когда последнее мгновение, как ювелир, снимет с него тайные грани, искры хлынут на нас ослепляющим светом. Нет в жизни ничего интереснее последнего мига смерти. Счастье, кто встречает его в полном сознании и памяти, зрачки в зрачки с брызгами света!

Эта тихая речь старого Гнейса была услышана разве что тусклыми кристаллами, свисавшими над его лысиной.

Шестеро рабочих молчаливо сидело на песке, думая об оставленных семьях. Ребров погрузился в расчеты: когда прогремит первая пушка, брызнет первый прожектор, закружится первый баллон с газом, несущие посрамление капиталистической армии всего мира и победу Советскому Союзу. А Грэс, опустив головку в руки, затуманенными глазами следила за золотыми песчинками.

— Его зовут Лори Лэн, Лори Лэн, Лори Лэн, — прошептала она довольным голосом.

Ребров вздрогнул и пришел в себя. Чорт! Эта женщина была выходцем из вражеского лагеря. Она дотащилась до могилы, чтоб опутать его товарища и здесь, перед лицом смерти. Она была все так же упрямая и легкомысленна, как и все люди ее класса — пустые, пошлые, подлые, уверенные в себе! Спокойный Ребров почувствовал внезапно прлив ненависти.

— Не смейте называть его по имени! — произнес он хрипло.

Грэс вздрогнула и подняла на него глаза.

— Ну, да, не смейте! — повторил Ребров. — Знаете ли вы, как он очутился здесь? Когда вы начали преследовать бедного парня, он спасался от вас, как от огня. Он готов был подпалить свою собственную шкуру. Вы путались в его планы, сбивали его с толку. Когда он понял, что вы от него не отвяжетесь, он побежал к сигнальному колоколу и зазвонил во всю мочь. У нашего союза есть такой колокол. В него звонит каждый, кто хочет обвинить себя самого. Лори собрал трибунал. Он протянул им руки и сказал: братцы, мне тошно, я погибаю, спасите меня от этой женщины! И союз связал его и переправил сюда. Если бы вы были маломальски честны, если бы в вашем сердце тлела хоть искра простой человеческой любви, такой, какою любят добрые женщины нашего класса, — вы устыдились бы, спрятались бы, оставили бы его в покое, убежали бы от него на край света.

Грэс слушала эту речь, склонив голову и водя пальчиком по песку. Глаза ее сияли, щеки медленно разгорались. Неизвестно, что бы она ответила Реброву, если бы в эту са-

мую минуту Лори не прыгнул в пещеру, легкий и стройный, как ветер.

— Я нашел дорогу, идемте! — запыхавшись, произнес он. И опять глаза его устремились на Грэс, но на этот раз они не встретили ответа. Грэс стояла, выпрямившись и глядя в землю. Лицо ее было спокойно и задумчиво. Когда рабочие вскочили с песка и вся компания тронулась в путь вслед за Лори, она тихо продела ручку через руку старого ученого и шагнула вперед, полная все той же суровой задумчивости.

Глава сорок четвертая

ТУРИСТЫ В ЗАНГЕЗУРЕ

Мосье Надувальян вздохнул, дотащив до склада последнюю хрустальную чашу. Странное сжатие скалы, закрывшее разработку лэндия, на нервы его подействовало очень мало. Гораздо больше нервировал его треск пропеллеров.

Так и теперь. Не успел он дойти до склада, как над Зангезуром опять заряяла точка. Спустившись вниз, она затрепетала и застrekотала над его ушами самым несносным образом, покуда не села, растопырившись, на площадку. В ту же минуту из нее выпрыгнули двое людей чистокровной английской наружности, если верить опере «Лакмэ» и другим популяризациям английского гения среди восточных туземцев. То были мужчина и женщина одного роста, в полотняных цилиндрах, изобильно снабженных синей вуалькой, и в длиннополых летних пальто. И мужчина, и женщина бряцали огромными лорнетами, висевшими вокруг шеи, и полевыми биноклями, заткнутыми за бело-розовые пояса. Попрыгав туда и сюда, по лужам, оврагам и кочкам Зангезура, они испустили несколько восторженных криков, натерли себе глаза и переносицу лорнетами и, наконец, приблизились к складу мосье Надувальяна.

— Ваш пароль? — тихо спросил мосье Надувальян.

— Мы мирные туристы в Зангезуре! — ответили оба в один голос, после чего мосье Надувальян ввел их с большими предосторожностями внутрь своего склада.

Здесь было темно и затхло. Освещение давала лишь маленькая отполированная платиновая пластинка, на которую перебрасывался зеркалами свет из стеклянного купола. Баллоны, пустые и полные, стояли вокруг стен. Хрустальные чаши лежали на столе. Множество флакончиков валялось в корзине.

— Товар сильно возрос в цене, — пробормотал Надувальян, вынимая из корзины два закупоренных и запечатанных флакона и тотчас же опуская их в каучуковый баллон

с водой: — два лота — пятьдесят тысяч фунтов стерлингов золотом.

— Чорт возьми! — воскликнул турист. — Вы спятали!

— Ничего подобного, — отозвался армянин спокойно, — разработка засыпана. Это последний фунтик нашего минерала.

Туристы посоветовались друг с дружкой, тяжело вздохнули и вытащили из карманов битком набитые бумажники. Не менее тяжело вздохнул и Надувальян, принимая от них сумму, на которую он мог бы купить весь Зангезур.

— Ну и работа! — прошептал он, выпроваживая туристов за дверь. — Один улетает, другой прилетает, пилава не дадут доесть!

И точно. Не успел он докончить вздоха, как на площадку уселась новая стрекоза.

На этот раз оттуда выскочил итальянец. Он был в чесучевом костюме и блестящей шляпе. Сделав небольшую прогулку по окрестностям и нашелкав кодаком к великому удовольствию армянских галок немалое количество безвредных видов, он приблизился к роковому складу и распахнул пиджак. На нем была розово-белая жилетка.

— Пароль? — спросил Надувальян, выглянув в окно.

— Я мирный турист в Зангезур.

— Войдите, — угрюмо ответил армянин, дожевывая хорошую ложку пилава и вытирая губы салфеткой, — войдите и соблюдайте осторожность. Воздух заряжен. Баллоны взрываются. Вам сколько надо?

— Пять фунтов! — жадно выпалил итальянец.

— Восемнадцать триллионов двести восемь миллионов одиннадцать тысяч сорок два чентезима, — выщелкал на счетах Надувальян.

Итальянец всплеснул руками и пошатнулся.

— Не падайте, — посоветовал Надувальян. — Упадете, взорветесь. Скажи простым языком, сколько имеешь покупательной способности?

— Десять тысяч лир... — простонал итальянец.

— Эх, ты, душа, — сплюнул Надувальян набок. — Надувальян солидный человек. Так и быть, возьми золотник на намять, денег не надо.

С этими словами он сунул итальянцу флакончик и выпроводил его за дверь, дрожащего и бледного от неудачи.

А за дверьми стоял уже новый турист. Он раздвигал ноги, щепоткой подтягивая у колен полосатые брюки, приподнявшиеся над парой носков снежно-белого цвета с ярко-розовыми полосками. Он пристально глядел на мосье Надувальяна. Мосье Надувальян взглянул сперва на носки, потом на брюки, потом на огромный живот, воротник и круглое красное лицо восточного типа, — и попятился. Можно было подумать, что он испугался.

— Пароль? — пробормотал он дрожащим голосом.

— Парапупондопуло в Зангезуре! — ласково ответил толстяк, подмигивая армянину. — Свой своя не опознаша!

— Грек! — подумал Надувальян, чувствуя спазмы в желудке, горле и подмышками.

Суетливо провел он его в склад, не спуская глаз со своего гостя ни на секунду.

— Сколько изволишь?

— Сколько продашь, — ответил грек милостиво и ударил себя по карману.

— Восемь тысяч драхм золотник. Своя цена. Меньше ни единой лепты.

— Дорого, друг. Скинь тысячу.

— Рад бы душой, — не могу.

— Недаром ты александриполец! Бери! Соси мою кровь!

Дай сюда пять лотов в хорошей упаковке.

Надувальян опрометью сунул флаконы в каучуковый баллон, упаковал, завернул в собственную салфетку.

— Уехал, — пробормотал он, вытирая пот. — Ну, счастлив я... Ай, что такое? Скандал! Обман! Убийство! Держи!

Но пропеллер журчал уже на недосягаемой высоте. А кредитки в дрожащей руке Надувальяна, все до одной, были фальшивые.

Глава сорок пятая

КИМОНО КАРЛА КРАМЕРА

При дневном свете обширное здание Велленгауза смотрит не менее мрачно, чем ночью. Вся штукатурка покрыта пятнами сырости. Ни одно окно не завешено. С кладбища веет кипарисом и резедой, что, впрочем, не скрывает запаха живого гниющего тела, просачивающегося из каждой щели. За длинными столами сотни инвалидов молча ели деревянными ложками суп из картофельной кожуры, когда Тодте и молодой человек на протезах провели под-руки в кабинет председателя сыщика Боба Друка.

Сыщик Боб Друк стал другим человеком. Зеленые складки виснут у него на лице точь в точь, как обои в отсыревшей комнате. Глаза померкли. Рот выпятился. Он сел в придвигнутое кресло, подтянув на коленях брюки, и безразлично уставился на Тодте.

— Карл Крамер сильно болен, Друк, — произнес безглазый, растягивая каждый слог, — сильно, сильно болен. Следствие тормозится, ему нужно помочь.

Лицо Друка порозовело, глаза ожили.

— Но я был у Карла Крамера еще вчера вечером! — воскликнул он беспокойно. — Я видел его совершенно здоровым. Мы проболтали часа три, хотя, разумеется, говорил я, а он молчал и слушал.

— Вчера здоров, сегодня болен, — так оно и бывает на свете, Друк. Вы должны, наконец, помочь ему чем-нибудь. Нельзя выезжать на одном Карле Крамере!

Друк насторожился.

— Например, арестованная старуха! К чему навязывать ее Крамеру, и без того занятому днем и ночью? Вы могли бы ее допросить и доложить ему имя убийцы его секретаря. Разве это приятно, по-вашему, узнавать самому, кто убил дорогого вам человека? Нет, Друк, нет, у вас нехватает чуткости. Вы хороший сыщик, но вы... вы предпочитаете, чтоб за вас делали дело другие.

— Старуха, — пробормотал Друк, — паршивая старуха! Я с первого раза узнал, что она не переодета. Это ошибка Крамера. Я ему вчера сказал, что он ошибается насчет старухи.

— Правильно! Только ведь убийцу-то она как будто знает! Нет ничего легче, как подмазать вас под Карла Крамера и дать вам в подмогу секретаря. Тюремный надзиратель примет вас за следователя и пропустит. Решайтесь, а? Странно вы себя будете чувствовать в кимоно Карла Крамера!..

Последняя фраза повлияла на сыщика магнитически. Дрожь прошла по его телу, точно от предвкушения удовольствия. Он вскочил с места, юношески подбежал к зеркалу, но, взглянув на себя, отшатнулся.

— Я как будто опять побледнел, — сказал он упавшим голосом, — это от бессонницы. Тут странный климат...

— Ничего, ничего, обойдется, — примирительно произнес молодой человек на протезах, живо снимая со стены кимоно, тюбитеяку, пунцовый платок. — Садитесь-ка! Я был, покуда меня не мобилизовали, театральным парикмахером. Хорошее это дело!

Он во мгновение ока закутал Друка полотенцем и выхватил бритву. Раз-два: подбородок сыщика заклеен пластирем. Щека повязана пунцовыми платками. Нос прижат щипчиками, на голове тюбитеяка, на глазах черные круглые очки. Руки и ноги сыщика окутаны халатом, похожим на дамское кимоно. Он стоит посреди комнаты, глядя на самого себя в зеркало. И — странное дело.

Боб Друк испытывает приятную теплоту. Мозги его оживились и начали работать. Глаза заискрились лукавством. Мускулы снова молоды, как в первый день приезда. Работать для Карла Крамера, под Карла Крамера, в одежде Карла Крамера! Давно бы так! Это безобидный, милейший, оклеветанный человек... Бедняжка лежит больной. Надо поддержать его репутацию. Он, Боб Друк, поддержит его репутацию ценой своей собственной...

Тодте внимательно глядит на сыщика своими дырками и держит его кисть: он считает пульс. Боб Друк не видит в этом ничего особенного — дружеское внимание перед ма-

леньким дельцем. Он чувствует теперь даже к нему прилив нежности и благодарности.

— Давно бы так, Тодте! — шепчет он лихорадочно, не вырывая у него руки. — Такой милый, безвредный человек, милый собеседник, добрейшая и милейшая личность! Вы его полюбили, ведь полюбили, Тодте, а? Будем работать вместе!

— Именно, дружочек, именно... В тюрьме ни с кем ни слова. У надзирателя наденьте пасторскую шляпу. Войдя в камеру старушки, выдайте себя за пастора. Налегайте на тысячу золотых марок!

— Знаю, знаю! — восторженно ответил Друк. — Странно, как прояснились мои мысли. Я был подавлен, положительно подавлен... Я не мог вынести вашего недоверия к Крамеру. Ну, едем, едем. А вечером мы все вместе отправимся к нему с отчетом!

Человек в протезах между тем покончил со своим собственным гримом. Он был сейчас ни дать, ни взять щеголеватый секретарь Карла Крамера. Он взял Друка под руку и сошел с лестницы как раз в ту минуту, когда черная закрытая карета, с инвалидом-извозчиком на козлах, была подана к крыльцу Велленгауза.

Глава сорок шестая

ПРИЗНАНИЕ ДАМЫ ИЗ ПОМЕРАНИИ

Доехав до тюрьмы, секретарь осторожно выпрыгнул, быстро ввел Друка в приемную, вызвал начальника тюрьмы, и через несколько минут оба уже стояли перед камерой старухи.

— Беснется! — шепнул им надзиратель. — С полчаса, как снесли ей ужин. Вашу кружку и прочую посуду получили и подали.

Боб и не подумал спросить — «какую посуду». Впрочем, он даже не мог говорить: спазмы давили ему горло, точно он схватил сильнейшую жабу.

Между тем секретарь отворил дверь и вошел в камеру. Друк последовал за ним.

Старая дама из Померании была в истерике. Она бегала взад и вперед по комнате с распущенными волосами и разорванным воротом. Остановившись по углам, она колотила себя в грудь, кряхтела, охала, хохотала, плакала, то в последовательном порядке, то одновременно, наподобие симфонического tutti¹. Завидя Друка и секретаря, она остановилась и, как подкошенная, упала на кровать:

— О, о, о! Это вы, господин пастор?

— Да, — ответил Друк низким, сиплым голосом, с трудом ворочая языком, — я пастор, добрая женщина, и пришел дать вам утешение... Ай! Что это такое?

Шагнув к кровати, он споткнулся и чуть было не показался вниз. На полу лежала опрокинутая синяя эмалированная кружка. Вокруг нее валялось несколько дохлых мышей животами и лапками вверх.

Старуха взглянула вниз и судорожно захохотала.

— Они принесли мне жижу и кипяченую воду! Жен-

¹ Полный оркестр (когда играют все инструменты сразу).

щине моих лет и в моем отчаянии, господин пастор! Я пью воду только тогда, когда иду под дождем без зонтика. Две три капли рому на кипяток, господин пастор, вот все, что требуется для женщины моих лет. А эти негодяи, убийцы, казнокрады вообразили, что я пью кипяченую воду!

— Вы бросили кружку на пол? — спросил Друк, нагибаясь за синей кружкой.

— Я передернула плечами от негодования... Если она свалилась, вините надзирателя, ставящего все на самый кончик стола!

Боб Друк держал в руках странную круглую кружку, сделанную без единого острого угла и без ручки. Ока была не тяжелее кусочка ваты. Эмаль покрывала какое-то легчайшее вещество, похожее скорей на картон, чем на металл. Кружка была пуста и суха.

Глаза Друка блеснули странным светом.

— Взгляните, — сказал он секретарю, протягивая ему кружку: — это моя кружка. Не странно ли? Самоубийца жива.

Секретарь пристально глядел на мнимого Карла Крамера. Сыщик был в необычайном волнении. Он остро поглядывал из-под очков, ноздри его трепетали, пальцы судорожно двигались. Подняв за хвост одну из дохлых мышей, он раскачал ее в воздухе и отшвырнул в самый дальний угол.

— А эта глотнула воды и подохла. Соберите посуду и мышей. Возьмите мою кружку с собой. Они будут вещественными доказательствами.

С этими словами он подсел на кровать к старухе и взял ее за обе руки. Голос его сделался ангельски нежным.

— Добрая, дорогая дама, соберитесь с мыслями. Вы хотели видеть пастора. Я пастор. Что у вас на совести? Как вы дошли до тюрьмы?

— Не дошла, а доехала, — злобно ответила старуха, глядя на сыщика недоверчивыми желтыми глазами. — Коли вы пастор, ушлите того человека, уставившего на меня свои дурацкие глаза, точно я преступница.

— Он должен оставаться, дорогая дама. Не бойтесь говорить при нем.

Старуха опустила голову с седыми космами.

— Я должна вас спросить, господин пастор. Того... покойничка, которого я видела в морге, обвиняют в убийстве этого дурака Вейнтропфена. Между нами будь сказано, хоть он и убит, а дурак, и я всегда говорила, что дурак и дурррак!

— Не только обвиняют. Он найден на несчастном Вейнтропфене с пальцами, сжимающими его шею. Смерть Вейнтропфена наступила от удушения.

— Ага!

Старуха самодовольно закивала головой:

— Я всегда знала, что дурак-то получит по заслугам. Доказал-таки, чего стоит. Но, господин пастор, значит — покойничек считается убийцей?

— Он и есть убийца.

— Какое же ему будет за это наказание?

— Первым долгом, дорогая моя сударыня, он будет лишен всех прав состояния, во-вторых, заклеймен перед потомством. В-третьих, его имущество будет взыскано в пользу семьи убитого, если таковая предъявит иск.

— Ох, ох! — взвыла старуха: — да Вейнтропfen был холостяк. Где же ему, подлецу, жениться при такой глупости, когда он мог вместе с булкой откусить свой собственный язык?

— Вы хорошо знали убитого, — не знаете ли вы убийцу? — Этот вопрос мнимый пастор задал самым легким и нежным тоном, вполголоса. Но дама из Померании вскочила, как посаженная на горячую сковороду.

— Откуда мне его знать?! — завопила она диким голосом. — Если ближайшие родственники разоряют несчастных женщин, которым на старости лет остается кипяченая вода, так вы думаете, что я разожму глотку и сболтну лишнее?! Зря думаете, зря, зря! Никого не знаю! Знать не хочу!

— Но ведь тысяча марок... Все-таки, сударыня, это сумма. Нельзя же вам забывать, что вы можете получить тысячу марок.

Старуха выпрямилась и схватила пастора за плечо:

— А вы думаете, они мне выдадут тысячу марок?

— Конечно, выдадут. Выпустят из тюрьмы. Оплатят судебные издержки. Обратный путь до дому!

— И они мне выдадут, что бы я ни сказала?

— Разумеется, если только сказанное вами будет правдой.

— Хотела бы я посмотреть, как они ухитрятся найти это неправдой, если он был таков в собственном моем чреве!

— Итак, убийца, повидимому, ваш сын?

— Не повидимому, господин пастор, а по всей совокупности видимого и невидимого, не будь я вдова старшего лесничего из Кноблоха.

— Кто же он такой?

— Кто-о? — старуха пронзительно взглянула на сыщика, вытянула синие губы к самому его уху, всхлипнула и прошелестела: — ...Карл Крамер!

Боб Друк вздрогнул, вскочил, из груди его вырвался невольный крик ужаса, похожий одновременно и на его собственный голос, и на голос того существа, которое он называл до сих пор —

Карлом Крамером...

Секретарь быстро подхватил его под-руку и, прежде чем старуха пришла в себя, вытащил мнимого пастора в коридор.

Глава сорок седьмая

СТРАШНАЯ ЗАГАДКА

Тюремный надзиратель мирно ловил муху у себя на носу, когда к нему вбежали мнимый Карл Крамер и его секретарь. Карл Крамер сорвал с себя пасторскую шляпу и швырнулся на пол. Но, когда он начал срывать пластири, болячки, нос, губы, волосы, платок, очки и кимоно, тюремный надзиратель вскочил с места.

— Не бойтесь! — хрюплю произнес сыщик. — Это был маскарад. Мы дознались у старухи, кто такой убийца Вейнтропфена!

Надзиратель уставился на Друка с любопытством.

— Убийца Вейнтропфена — Карл Крамер, — странным голосом продолжал Друк.

— Что-о?!

— Не тот, кого мы знаем под этим именем, а настоящий следователь — Карл Крамер. Я знал, что он окажется безобидным! Мик не наврет... И, если бы его любовь к рекламе и таинственности, к переодеванию и вот этим тряпкам, его узнал бы весь город. Он сам вырыл себе западню. Он был дурак!

Боб Друк произнес все это в лихорадке, разговаривая сам с собой. Зубы его стучали. Надзиратель слушал, побледнев.

— Но тогда... Кто же такой теперешний Карл Крамер?

Все трое вздрогнули и уставились друг на друга.

С зеленым и одутловатым лицом сыщика происходила между тем медленная перемена. Тупое напряжение исчезло со лба. Глаза прояснились и зажглись мыслью. Губы втянулись внутрь. Плечи распрямились. Крупные капли пота, стекавшие с лица, говорили, что Боб Друк переживает страшный внутренний перелом.

— Сядьте! — начальнически крикнул он на надзирателя и своего мнимого секретаря. — Каждая секунда дорога. Мы должны выработать план.

Секретарь и надзиратель послушно сели.

— Прежде всего — берите трубку и звоните к Карлу Крамеру!

Надзиратель послушно взял трубку.

— Говорите испуганным голосом: «Несмотря на все меры предосторожности, старуха отравилась». Сделайте вид, что смертельно боитесь выговора и увольнения.

Надзиратель позвонил и выполнил приказ с точностью, тем более для него легкой, что зубы его все время так и стучали о телефонную трубку.

Когда разговор кончился, Боб Друк встал:

— А теперь мы будем решать загадку, — сказал он надзирателю с улыбкой, от которой того бросило в дрожь. — Не пускайте мнимого следователя к ее телу под каким-нибудь предлогом... А вы (это относилось к человеку на протезах) немедленно отправитесь к Тодте и передадите ему все. Пусть он знает, что я загляжу свою глупость.

С этими словами Друк резко повернулся и выбежал из тюрьмы.

Через самое короткое время веселый, жизнерадостный молодой человек с круглым лицом и чувственными губами подходил к знакомой калитке в глубине безлюдной Зумм-Гассе. Правда, лицо его было зеленого цвета, но глаза улыбались, а щеки так и прыгали от смеха. Щеголеватый, нарядный секретарь Карла Крамера поздоровался с ним кивком головы.

— Можно к вашему милому патрону? — лихорадочно пробормотал Друк. — Я так стосковался... Сколько дней я у него не был. День, два, три?..

— Вы были здесь вчера! — сухо ответил секретарь. — Идите, вас примут.

Боб Друк взбежал по лестнице. Он вошел в круглую пустую приемную Карла Крамера, где было шесть глухих окон, нарисованных скверным маляром, потертый ковер, стол, два стула, мягкое низкое кресло со скамеечкой для ног.

Сыщик вздрогнул и принюхался. Вот это кресло, у которого он часами просиживал, неудержимо болтая. От него идет приятный знакомый запах. Друк зажмурил глаза и

втянул его в ноздри.

Мягкие, вялые пальцы в перчатках, похожие на тряпичные, дотронулись до его плеча, и Карл Крамер опустился в кресло. Круглые очки обратились в сторону сыщика.

Существо в кимоно, залепленное пластырями, улыбающееся, странное, милое, мягкое, безобидное, — плюшевая игрушка, — опять глядело двумя круглыми стеклами на Боба Друка. Ведь бывают же нежные страсти у маленьких детей к безобразным плюшевым уродцам! Друк судорожно стиснул руки.

— Дорогой мой, — начал он болтливым голосом, — вы, наверное, ужасно огорчены, ужасно, ужасно. Еще бы! Я так и знал. Несмотря на все ваши меры, проклятая старуха отравилась... Но не горюйте! Судьба все-таки оказалась ужасно милостива к нам обоим. Вообразите себе, старуха успела открыть свою тайну!

С этими словами он всем корпусом повернулся к креслу. Очкастое, мягкое существо сидело неподвижно, держа маленькие черные ручки на коленях. Два круглых стекла неотступно глядели на Друка. Ни страха, ни дрожи, ни малейшего изменения в позе!

— Должно быть, она захотела облегчить душу перед смертью. Она написала письмо с просьбой передать его мне. Вы понимаете смехотворную сторону дела: не вам, не знаменитому Карлу Крамеру, а так и написала: частному сыщику в собственные руки.

— Ха-ха-ха! — Боб Друк увидел, заливаясь смехом, что существо дрожит от беззвучного хохота. Маленькая ручка дотронулась до его руки — такая безобидная, как плюшевая кисточка.

— Вы радуетесь за мои успехи, понимаю! — бормотал Друк. — Дорогой коллега, все это ради вас, ради вас! Я горю желанием помочь вам вести следствие. Сейчас я должен отправиться в тюрьму. Письмо будет вручено мне из рук в руки. И я его снесу — ха-ха-ха! — вы можете быть уверены, что я снесу его семимильными шагами прямо к главному прокурору города Зузеля... Почему не к вам? Да? — Боб Друк

потирал руки от хохота. — Ни за что к вам! Не просите! Вы бессильны в этом маленьком пунктике. Я не хо-чу вас за-труд-нить. Вы нездоровы. Вы волнуетесь. Я скажу прокурору, что признание старухи — дело ваших рук. Мы потребуем опубликования письма в газетах. Это дело прославит вас еще больше.

Тут Боб Друк поднял пальцы к горлу, — ему показалось, что там что-то ноет. Он встал со стула, напрягая всю свою волю. Существо глядело на него неотступно, перебирая пальчиками. Оно походило на крохотного паучка в паутинке. Боб Друк с силой разорвал нежные, нудные, ноющие нити, тихонько обтягивавшие его мускулы, захочотал и выбежал на свежий воздух.

Дьявольская игра под самого себя! Еще секунда — и он потерял бы силу сознавать, что это только роль, а не он сам, настоящий, влюбленный, помешанный, одураченный Боб Друк.

Он шел теперь со всех ног назад в тюрьму.

Узнав у надзирателя, что Карл Крамер не звонил, не заезжал и не подавал признаков жизни, он вызвал Тодте по телефону:

— Я хочу раскусить способы его странных убийств, — быстро шепнул он в трубку. — Нет никакого сомнения, что ему следует убрать меня с дороги. Установите за мной тщательную слежку. В случае чего будьте готовы поймать преступника на месте. Я иду сейчас береговой дорогой из тюрьмы к дому главного прокурора.

Он положил трубку, взял чистый конверт со стола, запечатал, вложил к себе в карман так, чтоб уголок виднелся снаружи, и, посвистывая, вышел на улицу. Ни справа, ни слева ни души, кроме старого хромого нищего, переходившего мостовую, опираясь на клюку.

Боб Друк медленно заворотил за угол. Дорога к дому главного прокурора шла широкой улицей по правому берегу Рейна. Ни одна подворотня не грозила здесь западней. Каждый перекресток охранялся береговой стражей. Сады кишили детьми. На небе стояло солнце.

И, тем не менее, сыщик, пустившись в путь, привел себя в полную готовность выйти из этого мира. Пока на губах его играла беззаботная усмешка, сердце сжимала ледяная рука ужаса. Он не знал, с какой стороны и как придет к нему смерть. На каждом шагу ему мерещились плюшевые черные пальчики, быстрые, как паучьи лапки. Одуряющий знакомый запах бил ему в ноздри. Не глядя ни направо, ни налево, сынок видел то там, то здесь одинокую фигуру нищего инвалида. Безрукий шел через дорогу, безногий полз по тротуару, слепой стоял у ворот, дюжие пятнистые молодцы чистили сапоги, водили собачку, убирали навоз, мели улицу. Он знал, что каждый его шаг оберегается десятком людей, и теперь эта близость калек наполняла его благодарностью. Но вот он споткнулся в своем беге и поднял голову...

Что это значит? Перед ним блестели белые, как молоко, воды Рейна. Город остался далеко позади. Нигде ни души. Ни следа инвалидов. Когда он успел своротить, и где это произошло?

Глава сорок восьмая

ЛОРЕЛЕЯ РЕЙНСКИХ ВОД

Он прыгнул к берегу, заглядывая себе за спину. Перед ним был маленький мокрый шалаш из гнилых досок, почти залитый водой. Тогда, почти безотчетно, как зверь, он помчался к шалашу, вполз в него, запачкавшись в воде и грязи, и только что собрался забиться в угол, как увидел на мокрой соломе полуоголого пьяного человека, хранившего над пустой бутылкой. Это был старый рыбак Кнейф.

Боб Друк готов был упасть на колени от счастья. Он схватил Кнейфа за плечи и стал трясти его до тех пор, покуда на лице спящего не появилась глупая, масляная улыбка и он не раскрыл красных глаз. Хмель еще не соскочил со старого Кнейфа. Но он узнал Боба Друка и хитро подмигнул ему:

— А, паренек. И ты пришел выпить?

— Молчите! — шепнул Боб Друк взволнованно. — Меня должны убить. Защищайте меня... Я... кажется...

Он не успел докончить. За шалашом раздался внезапный вопль. Голос был не мужской и не женский. Это был нечеловечески страшный голос, низкий, с контральтовыми переливами, напоминающими рев тигрицы. Волосы на голове Друка стали дыбом. Пальцы его зашевелились, и вдруг он почувствовал, что поднимает их к своему горлу, не произвольно, неудержимо, бесстрастно. В ту же секунду толчок запрокинул ему голову. Старый рыбак с серым лицом стоял над ним, залепляя ему уши грязью и глиной. Пока Друк мог еще слышать, он слышал бормотание старика:

— Лорелея... Лорелея... Молчи, паренек, молчи!

Полная тишина наступила для него вместе с судорожной головной болью. Старик стоял возле него, забивая свои собственные уши. Судя по его движениям, крик еще продолжался. И Друку чудилось, что зловещая тишина становится стеклянной, ломается тысячью осколков, падает ему на голову...

— Гляди, гляди, — жестикулировал рыбак. Он продырявил в шалаше дырочку и кивал головой Друку, чтоб тот припал к ней глазами. На тропинке стоят два инвалида... Молодцы! Они добрались за ним и сюда. Но что они делают? Друк хотел закричать, но грязная, толстая рука Кнейфа со всей силой зажала ему рот.

Инвалиды, с налившимися кровью лицами, смотрели друг на друга. Глаза их казались глазами двух разъяренных диких зверей. Секунда — и вдруг они вцепились друг другу в горло... Он видел, как они покатились по земле, стискивая один другого. Видел их страшные вздутые лица, судорогу их забившихся ног, высунутые окровавленные языки. Через минуту они оцепенели, застыв в мертвом объятьи.

Друк глядел в щель, чувствуя, что сознание его все более мутится. Кнейф обнял его за плечи, выглядывая в дырку с пьяным любопытством. Старик ни чуточки не боялся. Он подмигивал и подмаргивал своему соседу, крепко держа его за плечи, как только Друк собирался сдвинуться с места.

Между тем пустынная тропинка, где лежали теперь два трупа, наполнилась тихим шарканьем мелких, осторожных шагов. Ни рыбак, ни Друк не могли их расслышать. Зато они увидели нечто, приближавшееся к трупам. Это было маленькое, доброе, милое существо в тюбите и кимоно, с черными вялыми, тряпичными ручками. Осторожно, крадучись, оно подобралось к инвалидам, вздрогнуло и топнуло ножкой. Потом, поглядывая очками во все стороны, оно вдруг резко повернулось и побежало к шалашу. Прежде чем Друк и Кнейф успели опомниться, мокрые доски шалаша затряслись, и тот, кто выдавал себя за Карла Крамера, вбежал в их убежище, размахивая черными рукавами кимоно. Боб Друк видел, как маленький рот, обычно облепленный пластырями и скрытый под пудрой, растягивался сейчас, как у жабы. Лицо человечка было бледнее мела. Это все, что запомнилось сыщику, когда и он и рыбак сделали одновременный страшный прыжок на человечка, — прыжок бенгальского тигра.

Борьба не длилась и секунды. Существо в кимоно упало в глубокий обморок, как только они схватились за его тельце. Любитеяка соскочила с парика, парик с головы. Очки упали и разбились, щипцы, кусочки бумаги, мнимые шрамы, язвы, подтеки сползли вниз...

Перед ними лежала смуглая странная красавица с лицом бронзового цвета, с алым, крупным ртом и рыжими локонами. Боб Друк отшатнулся и вскрикнул: это был «скульптор Аполлино» из Мантуй!

— Этакая гадина! — прошептал рыбак, обтягивая хрупкое тельце веревками. — Ты у меня запоешь!

Он вырвал грязный лоскут из полы своей рубашки, свернул его комком, открыл рот Лорелей охотничьим ножом и хотел было забить ее тряпкой, как что-то заставило его вытаращить глаза от изумления. Бросив лоскут, он сунул туда два пальца и вытащил из горла скульптора странную полуметаллическую, полукаучуковую штучку, окровавленную и покрытую пеной.

— Сирена! — воскликнул Друк. — Но какого необычайного устройства! В жизни моей не видел ничего подобного! — Он схватил круглый предмет и с гримасой отвращения сунул его в карман.

Кнейф покончил с рыжеволосой красавицей и стал очищать от грязи свои уши.

— Что нам делать, Кнейф? — пробормотал Друк. — Власти отдать его мы не можем! Куда нам деть этого человека?

— Добро бы еще человека! — сплюнул рыбак. — Нивесть какая гадина, — а ты, паренек, обзываешь ее человеком! Поручи это мне, уж я-то ее не выпущу, будь поконен.

— Хорошо, — медленно ответил Друк, — убери трупы. Помни — ни единого волоска...

С этими словами он повернулся, чтоб итти...

И в ту же минуту Лорелей шевельнулась. Ресницы ее дрогнули. Она раскрыла глаза — и поглядела в глаза Боба Друка глубоким, черным, бездонным взглядом, от которого он не смог бы оторваться, если б старый рыбак не накинул на лицо Лорелей кусок грязного мокрого холста.

Глава сорок девятая

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА

Как в полусне возвращался Друк в Зузель. Странно, что по пути ему не попалось ни одного инвалида.

Улица, где жил прокурор, пройдена. Друк миновал тюрьму. А инвалидов нет, инвалиды исчезли, провалились сквозь землю, точно их никогда и не было. Измученные глаза Друка нетерпеливо обыскивали улицу. Никого! Ни в подворотне, ни за углом, ни у подъезда — нигде. Стены домов и заборов белели в огромных афишах. Друк подошел, хотел было прочитать, но судорожная зевота сомкнула ему челюсти и ослезила глаза. Он так устал так устал... Он чувствует страстную тоску по покою. Вот вдалеке краешек мрачной и пустынной Зумм-Гассе. Никого нет и там, в домике за стеной. Домик пуст, кресло пусто, милое, странное, очкастое существо, такое безобидное такое мягкое, плюшевое, пушистое, — разоблачено, уничтожено, исчезло. Его больше не будет!

Пройдена и Зумм-Гассе. Он подошел к Велленгаузу, но тут его нервам суждено было еще одно потрясение: дом инвалидов был пуст. Совершенно и окончательно пуст, снизу доверху. Нигде ни лоскутка, ни бумажки, ни шапочонки. Все выметено, выскооблено, пустынно. Как сумасшедший выскочил Боб Друк на улицу, остановился перед кладбищем и посмотрел вокруг себя потерянными глазами.

— Друк, — сказал кто-то за его спиной.

Сыщик обернулся и радостно схватил протянутую руку. Перед ним стоял слепой председатель союза, Тодте.

— Как вы узнали, что это я? — спросил он с живостью.
— Откуда вы, куда делись инвалиды?

— Я узнал вас по запаху. Я пришел из мобилизационного участка. Инвалидов нет. За два часа, что вы охотились за Крамером, объявлена война. Инвалиды разбились по районам. Все они до одного пойдут снова в армию.

Друк слушал, ошеломленный.

— Война?!

Вместо ответа, Тодте подвел Друка к стене Велленгауза. Он пальцами ощупал афишу и подтолкнул сыщика к стене.

— Читайте!

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА.

Граждане Зузеля, вы были свидетелями дьявольской провокации. Соединенные государства сделали запрос Советскому Союзу по поводу гнусного убийства юноши Растильяка и получили неудовлетворительный ответ.

Вынужденные к самозащите, они двинули армию к советской границе. Мы объявляем мобилизацию.

Все, в ком жива честь, в ряды соединенной армии!

Друк свистнул:

— Мы опоздали!

— Ничего не опоздали, — пробормотал Тодте. — Ребята пошли работать в армию. Я вам говорю, не останется ни одного солдата, не начиненного нами, как бомба.

Друк тихо ломал руки, уставившись глазами на афишу.

— Но Лорелея! Тодте, она добилась своего, и мы не знаем, что нам с ней делать. Мы не можем поднести немецкому правительству всей правды. Оно бежит на цепочке за господами фашистами!

— Терпение! — ответил Тодте и поднял палец. — Терпение, Друк. Остерегайтесь, выжидайте, прячьте убийцу, вы найдете меня через три дня в Велленгаузе.

Он оставил сыщика одного и быстро ушел, постукивая впереди себя длинной палкой. Друк стиснул голову. Она горела и гудела. Он побежал по улице, качаясь из стороны в сторону и делая нечеловеческие усилия, чтобы не спуститься опять к Рейну. Чем ближе к городской площади, тем люд-

нее становились улицы. Множество рабочих, вперемешку с инвалидами, тянулось в участки: они шли записываться в добровольную дружину. Жены и дети сопровождали их, ничуть не плача: они как будто даже хихикали. Министр Шперлинг на белом коне ездил с площади на площадь и держал политические речи.

— С тех пор как я родился, — говорил он, подпрыгивая на лошади, точь в точь как горячая пышка на сковороде, я был пасифистом. Ни одна из войн не изменила моих убеждений. В англо-бурскую войну я сидел за Марксом, в мировую войну я сидел за Марксом. Я сажусь за Маркса и в эту великую войну! Граждане, невзирая на свое положение, я высказался — единогласно — против войны. Да здравствует истинное понимание социализма!

Популярность Шперлинга возросла до такой степени, что городские мальчишки стали играть в министров, подсказывая на палочках, по всем площадям. Приехав домой, к встревоженной событиями фрау Шперлинг, министр тихо поцеловал ее в губы и прошептал свою последнюю историческую фразу:

— Делай запасы, моя дорогая! Приготовь мнеочные туфли, — я опять засяду за Карла Маркса!

Между тем в лаборатории доктора Гнейса угрюмый и мрачный Зильке, под защитой двух пушек, проволочного заграждения и целого взвода солдат, принимал уже вторую порцию баллонов с элементом Э, привезенных курьером на аэроплане из Зангезура. Представители крупнейших металлических и газовых заводов Франции и Германии поджидали своей порции сиропа и в ту же секунду воздушной дорогой отлетали к себе, чтоб снабдить элементом снаряды. Боевая способность армии была обеспечена на пять дней. Тридцатидневная война при помощи элемента Э должна была смети с лица земли все города и деревни, испорченные советским духом.

Зильке работал один, так как двенадцать отборных химиков, назначенных для приема и проверки яда, писали в соседней комнате свои завещания. Правда, они писали их в высшей степени долго, но известно, что человеку, отяго-

щенному культурным наследием пяти тысяч лет, не так-то легко завещать его, в свою очередь, потомкам.

Оттого-то ни один из них не услышал отчаянного вопля Зильке, походившего на залп из старого ружья. Испустив его, Зильке повалился на землю и долго был неподвижен. Никто не интересовался его обмороком. Ни одна живая душа не помогла Зильке встать. Возможно, что никто не похоронил бы его, если б он умер. Эта мысль пришла ему в голову как раз во-время, чтобы встать и задумчиво произвести ряд странных и даже безумных манипуляций, в данное время для нас совершенно непонятных. Так, он начал с того, что долго и с удовольствием сосал свои пальцы. Обсосав их хорошенько, он сполоснул руки и принял толочь в медной ступке кусочек разбитого стекла. Превратив его в порошок, он почему-то сплюнул, высыпал все в грязное ведро и произнес мрачное, зловещее проклятие, полное таинственной минералогической номенклатуры. Как раз в это время, раздав кому надо десять пропусков с печатями, в страшную лабораторию проник третий агент из Зангезура с баллоном. Он был бледен и измучен. По лицу его текли капли пота. Осторожно поставив свою смертносную поклажу в угол, он вытер лицо и хрипло рассказал Зильке о последних событиях в Зангезуре:

— Доктор засыпан землей, разработка прикончена, десять человек погребено, и больше не будет ни одной капли, ни одного атома чудодейственного элемента.

К его изумлению, Зильке не выказал никакого отчаяния. Он принял поклажу, наложил печать, нахлобучил шапку и, схватив измученного курьера под-руку, вытащил его из лаборатории на вольный воздух.

— Где твоя машина, парень? — воскликнул он мрачным голосом. — Веди меня к ней сию секунду! Я должен сломя голову лететь в Зангезур!

Глава пятидесятая

ПОГРЕБЕННЫЕ ЗАЖИВО

Маленькая группа погребенных, предводительствуемая Лори Лэном, углубилась в бесконечные пегматитовые коридоры. Они снижались и снижались. Дыхание лэния становилось все ощущительней. Лихорадка и веселость вернулись к ним снова. Но вот на повороте Лори носом уткнулся в гранит, издал восклицанье и ударил ладонью о стену:

— Она появилась только что, — крикнул он изумленно, — здесь был проход на площадку; я весь путь отмечал меловыми крестиками — взгляните!

На стенах коридора стояли меловые кресты. Но, тем не менее, перед ними не было никакого выхода.

Гнейс покачал головой.

— Движение продолжается, друзья мои. Можно подумать, что у земли судороги и спазмы. Лучшее, что мы можем сделать, — это остаться здесь на ночлег.

Он скинул свой плащ, разостял его на земле и преспокойно улегся.

— Не будем нарушать стиля! — крикнул он рабочим, бродившим по коридору. — Наша песенка спета. Вся эта суэтня похожа на то, будто мы стараемся вернуться к жизни. Неужели вы позабыли, что обречены?

Ясный голос Гнейса, вместо отчаяния, разом вернул им спокойствие. Рабочие подошли к нему ближе, посыдали куртки и картузы и разлеглись вокруг старого химика. Ребров сел на выступ скалы, усердно проглядывая записную книжку. Он один был зол, как собака. Эта живописная смерть казалась ему оперной глупостью. Изучая план шахты и наводя на бумагу схемы новых геологических образований, он ломал голову, что происходит вокруг и не откроется ли где-нибудь лазейка. Может быть, поэтому он совершенно позабыл о Грэс и о Лори Лэне, очутившихся друг перед другом в глубине коридора.

Лори бесстрашно глядел на Грэс. Смеющиеся серо-голубые глаза его были сейчас раскрыты во всю их природную ширину. Он глядел на нее так неотступно, что Грэс опустила ресницы и сделала слабую попытку спрятать голову под крыло:

— Вы собираетесь снова проклясть меня или запустить мне что-нибудь в голову? — пробормотала она самым невинным тоном.

— Да, я готов был бы поколотить вас за то, что вы сюда пришли, — ответил Лори Лэн. — Сядемте. Дайте сюда вашу кофту.

Он лихорадочно вынул у нее из рук какую-то перепутанную дамскую штучку с перьями, мехом и пуговицами, долго вертел ее во все стороны, чтобы расшифровать, где у нее длина и ширина, но, отчаявшись найти то и другое, шлепнул ее на гранит, как блин. Потом он опустился к ногам Грэс и потянул ее к себе. Она покорно села рядом. Он изумленно глядел на ее ножку, — это была удивительная ножка, меньшее, чем его ладонь.

— Ну, давайте знакомиться, — проговорил он дрогнувшим голосом. — Вы захотели умереть — это глупо. Это глупо, как все, что выделяется людьми вашего класса. Вы перво-на-перво подумали о себе. Разве вам придет в голову, что другому человеку надо думать о многом, а не о вас? Как бы не так! Вам понадобилось, чтоб в последнюю минуту другой человек думал о вас, и больше ни о чем...

Грэс не ответила ни звука. Лори продолжал лихорадочно развивать теорию «другого человека».

— И вот теперь надо сделать его дураком, выбить у него из головы честные, натуральные мысли насчет ребят и ихнего спокойствия, насчет того, чтоб как-нибудь услышать про наше дело от тех, кто остался снаружи, насчет поисков щели... Видите, там Ребров черкает в своей книжке? Правильный парень. Он стоит на своих рельсах. А другой человек должен метаться, как перепел под шапкой, — в тоске и беспокойстве, в укорах самому себе, в тревоге, в чертовской лихорадке, оттого что вы все-таки свалились поперек его дороги, хотя он... Грэс...

Он назвал ее по имени — уже другим голосом. Он прошел шершавой рукой по ее маленькой, беленькой ручке. Она сжала его пальцы.

— Продолжайте о другом человеке!

Лори охотно бормотал бы все, что только взбредет на язык, чтобы заглушить стукотню своего сердца и припрятать глупейшее волнение, охватившее его, как пожар. Он прислонился головой к ее плечу.

— Продолжайте же! — тихонько поощрила Грэс.

Вместо всякого ответа он закрыл глаза.

— Ну, так я вам сама расскажу о другом человеке. Другой человек струсил, как самый последний мальчишка. Он побежал в свой союз и затрезвонил во все колокольни. Он стал просить, чтобы его связали и спрятали, потому что он сам ничего не умеет сделать за себя, — ни связаться с кем-нибудь, ни спрятаться от него, ни... ни, вообще ничего...

— Так-таки ничего? — пробормотал Лори, обнимая ее и привлекая к себе с такой силой, как если бы она была рычагом станка или осколком гранита.

— Ничего! — ответила Грэс: — даже этого вы не умеете сделать как следует. Сидите смирно.

Она снова положила его голову к себе на плечо, но на этот раз она держала ее ладонями и смотрела ему в глаза. Лори прищурился, выдерживая ее долгий взгляд.

— Милая, — проговорил он тихонько, — если б мы не были сейчас под землей и лэнний не ел наши кости и если б нам не оставалось жить несколько часов, — я бы опять побежал от вас и затрезвонил во все колокольни. Я не смею связать себя с вами. Вы не понимаете, что это бесповоротно. Вы делаете серьезные вещи смешными и большие вещи маленькими. Вам впору играть в куклы.

— У нас тоже есть большие вещи, которых вы не понимаете, — ответила Грэс кротко. — Перед самой смертью я вам скажу на ухо... Но не надо, не надо думать о смерти.

Она взлохматила ему волосы, что дало ему право положить руку на ее собственные кудри, прохладные и мягкие, как шелк. Он погладил их осторожно, как птицу.

— Грэс!

— Что, Лори?

— Я видел сон...

— Когда это вы видели сон?

— Вы отлично знаете, когда я его видел. Это было так странно, что большая взрослая женщина в кружевах и лентах, пестрая, как попугай, согибается к незнакомому человеку...

— Лори Лэн! — крикнул Ребров резким голосом: — идите сюда. Обратите внимание!

Лори встал, чувствуя головокружение. Он с усилием шагнул вперед, с усилием собрал свои мысли и тяжело опустил руку на плечо Реброва. Тот поглядел на него с сердитым укором, — и Лори ответил ему осторегающим взглядом.

— Вы не правы сейчас, Ребров, — пробормотал он, — не-правы!

Ребров указал на скалы, возле которых уже копошился дядя Гнейс с измерительными приборами.

— Взгляните сюда, Лори, — произнес он сухо, — эти скалы втягиваются под прямым углом с наклоном в двадцать градусов. Движение происходит равномерно. Мы его высчитали. Возможно, что нас втянет в какой-нибудь каменный водоворот.

Лори Лэн подбежал к скале и с удивлением почувствовал под ногами странную тягу, медленную, как зыбучие пески, но мощную по своему напору. Он сделал несколько шагов и пошатнулся. Они очутились в каменном течении. Земля медленно втягивала их в себя. Лори принюхался — эманации лэния стали слабее и отдаленней.

— Возможно, что раскроется щель наружу, — сказал он Реброву. — Братцы, поставьте часового у противоположного конца коридора. Я чувствую близость воздуха. Лэний уходит от нас. Надо сторожить во всех концах жили!

Гнейс кивнул головой. Ребров и Лори, посоветовавшись, разделили маленькую группу на четыре поста и поставили по двое человек в конце четырех разветвлений пегматитового коридора.

Сделав все, что от него требовалось, и оставив себе тот угол, куда он усадил Грэс, Лори быстро побежал к оставлен-

ному местечку. Он чувствовал, как тело его, терявшее веселую зарядку лёния, становится тяжелым, измученным и горячим. Он испытывал нечто, похожее на приступ зангерской лихорадки.

Глава пятьдесят первая

ЛЭНИЙ УХОДИТ В ГЛУБЬ ЗЕМЛИ

Грэс, между тем, выбрала местечко поуютней, на золотистом песке одного из углублений жилы, и ждала Лори, чувствуя себя счастливей, чем сотня геройнь романа, поджидавших жениха где-нибудь в беседке, аллее или маленькой гостиной.

— Плохо дело, Грэс, — проговорил Лори деловым голосом, очутившись возле нее, — камни движутся, лэнний перемещается. Все наше освещение, отопление и питание — это он. Если он отойдет, мы потеряем способность питаться, видеть и греться запасом собственного фосфора. А это значит, что смерть будет далеко не веселая для вас, девочка.

Он сел на землю, делая тщетные попытки унять свой озноб. Но, так как зубы его начали колотиться друг о дружку, он отодвинулся от Грэс и не дотронулся до ее пальчиков, протянувшихся к его руке.

— Не сочиняйте глупостей! — проворчала Грэс. — Что это еще с вами делается? Мы и не подумаем умереть.

— Согласен... — с трудом ответил Лори. — Н-не об...обра...щайтесь вни-мания. Я...

Он не мог удержаться от страшной судороги, забившей ему челюсти друг о дружку.

Грэс вскрикнула и охватила его руками. Он опять лежал в лихорадке, как тогда, в голубой спальне, и, почти теряя сознание, глядел на нее прищуренными глазами. В них было столько же юмора, сколько и нежности. Возмутительный человек.

Ей совсем не нравилось такое восстановление прошлого. Она быстро схватилась за сумочку — там была хина. Вытащив облатку, она сунула пальчик между двумя челюстями с храбростью, достойной укротителя львов, и выдавила ему хину на язык.

— Сосите ее, Лори, сейчас же! Ничего, что горько. Если уж очень горько — не беда!..

Беглым, быстрым движением она скользнула по его губам поцелуем. Очевидно, этого было достаточно для того, чтобы подсластить горечь двадцати грамм хины, проглоченных Лори с величайшим удовольствием. Но это окончательно подорвало его силы. Слабо подняв обе руки, как если б он собирался обхватить ими Грэс за шею, полураскрыв губы и потянувшись в ее сторону, он опять потерял сознание и упал на гранит без проблеска жизни. Озnob — и тот прекратился. Он лежал холодный и неподвижный, как мертвец.

Между тем вокруг шло странное угасание света. Красными полосами вспыхивали то здесь, то там отдельные куски коридора. То здесь, то там загоралось светлое пятно. Сумрак боролся с ними все сильней да сильней, застилая глаза багровым мраком. Борьба тьмы и света происходила, впрочем, не снаружи, а в глубине их собственных зрачков: эманация лёния переставала оказывать действие.

Через несколько минут началось похолодение. Грэс почувствовала холод и сырость окружающих камней. Песок под ними внезапно стал влажным. Тепло уходило из каждой поры, и ее тоже охватили легкие спазмы озноба.

Она сидела над Лори, прижав его к себе, как ребенка. Она укутала его всем, что только можно было сорвать с себя самой, грела его дыханием, терла ему ладони. Но когда медленно подступило третье и самое последнее зло, она судорожно вскочила, напрягая все свои силы на мысли, как бы спасти его от смерти.

Третье зло было обезвоздушивание пространства. Лэний поставлял им до сих пор кислород из их собственных костей. Сейчас поставка кончилась. Их легкие судорожно начали вести работу. А вокруг был спертый, тяжелый воздух, которого нехватит и на полчаса.

— Ребров! — крикнула Грэс.

— Я здесь! — ответил он со скалы. — Мы движемся. Где Лори? Надо собраться вместе, чтоб не быть разделенными!

— Лори в обмороке, — ответила Грэс, — нам скоро нечем будет дышать.

Ребров звал рабочих, но голос его звучал хрипло, и они откликались слабо и отдаленно. Движение камней уже разделило их. Он бросил Грэс свою фляжку с водой и крикнул:

— Для Лори!

Грэс подобрала фляжку и оглянулась по сторонам. Мрак сгустился. Она втянула воздух и, повинувшись почти животному инстинкту, вскарабкалась на какую-то каменную ступеньку. Здесь была новая ниша. Земля выступала из гранитных трещин. Дышать было легче. Недолго думая, Грэс подхватила Лори и втащила его с не женскою силой в нишу. Здесь она сорвала с него кушак, наделала веревок из шелковой накидки, платья и пары своих чулок. Крепко обвязав Лори, она приподняла его себе на спину и сделала несколько шагов в глубину ниши. Теперь под ногами ее была земля. Впереди — открылся проход.

Единственным путеводителем Грэс стали ноздри. Она шла, принюхиваясь к дуновению кислорода. Слабые струйки воздуха вели ее от одного углубления в другое. Становилось все холоднее, и дышать было легче. На минуту обернувшись, она крикнула в пространство:

— Идите все в эту сторону! Здесь есть земля, легче дышится...

— Мы знаем! — издалека ответил Ребров. — Идите вперед, мы понесем Лори.

— Я сама несу Лори! — ответила Грэс и, словно боясь, что его у нее отнимут, зашагала дальше. Она сделала, может быть, пять шагов, а может — пятьсот. Нечеловеческое усилие мотило ее сознание. Ей казалось, что плечи ее превратились в стекло, а жилы на шее и на затылке — в канаты. Но она жадно шагала вперед, навстречу воздуху, пока ноги ее не подкосились и хлопья сырой, мягкой земли не посыпались на нее сверху. Грэс упала, почти ничего уже не сознавая. Голоса товарищей доносились издалека. Вдруг зрачки ее вспыхнули пламенным светом, как будто из глубины их кто-то выбил кремнем молнию, и в ослепительной ясности она увидела перед собой каменные круги, похожие на Дантов ад, воронки, ступеньки, проходы, группу

рабочих, столпившуюся далеко внизу, отчаянно машущую руками, — и багровую фигуру доктора Гнейса, прильнувшую к серо-синей глыбе.

— Дядя, назад, назад!

— Прощайте! — глухо откликнулся доктор Гнейс.— Мозг мой работает, как никогда. Я хочу навестить Эрду... Друзья, лэний втягивается к земному центру, на прежнее место, и если я буду жить еще сутки, я увижу то, чего никто никогда не видел. Прощайте! Не жалейте меня! Я увижу подземный мир... Там есть моря и горы, и материки, и реки, и воздух. Там есть свой животный мир. Я не могу от этого отказаться... Прощайте! Прощайте!

Он медленно уходил на своей глыбе. Зло взяло Реброва. Он готов был за шиворот стащить дядю Гнейса со скалы, но было уже поздно, — ученый исчез, а с ним вместе исчезла и последняя вспышка света, тепла и веселья: лэний ушел в глубь земли.

Они, впрочем, уже ничего не сознавали. Страшный подземный удар, — на этот раз самое обыкновенное землетрясение, — отбросил их далеко от гранитных скал, развернул над ними огромное, ясное, звездное небо и опрокинул их вдалеке друг от друга, без сил и без чувств.

Глава пятьдесят вторая

БИТВА НА ОБЛАКАХ

— Куда вы? простонал курьер, хватая Зильке за руку:— вас не пропустят! Воздух объявлен на военном положении, война!

— Ну, так снимай свой курьерский кафтан и облачайся в мой фартук, — прохрипел Зильке, — я полечу заместо тебя. Курьер Высшего Совета Обороны будет пропущен!

Он сорвал с него фуражку, скинул фартук и напялил на костлявые плечи еще мокрый и горячий от пота кафтан курьера. Тот не сопротивлялся, передал ему документы и был рад-радешенек уснуть хоть под забором, если нехватит сил дотащиться до дома.

Зильке побежал на аэродром. Хотя достойный слуга учёного относился к видимому миру с большим презрением и привык уважать явления природы не моложе третичного периода, он вынужден был заметить вокруг нечто необычайное.

Улицы Зузеля замерли. Военные патрули сторожили заводы и фабрики. Мимо Зильке пробежали два смущенных человечка — друзья министра Шперлинга, спешившие домой с митинга.

— Ничего не понимаю, — услышал Зильке торопливую речь, — рабочие себе на уме. Часть попряталась в подвалы, часть пошла добровольцами на войну. Митинг не собрал никого, кроме торговцев...

— Подождите разгрома Союза! Тогда настанет историческая минута, — мы должны будем достойно защитить...

Конца Зильке не рассыпал. Человечки побежали дальше.

Аэродром находился в верхней части города, над крепостью. Здесь он попал в сплошную, слитную толпу военных шинелей. Это была эскадра французских летчиков. Вся береговая стража Рейна участвовала в воздушном походе. Маленькие плоские воздушные суденышки ждали своих всад-

ников. Каждое вмещало двух человек — летчика и баллонометателя. Первый прыгал к мотору, второй садился в кабинку. Офицеры давали команде последние инструкции:

— Дать сраженье противнику над Москвой, уничтожив по пути Ленинград, Волховстрой, Новгород, Псков, Бологое, Тверь и полотно Октябрьской железной дороги.

— Скажите, все эти баллоны начинены новым элементом? — спросил Зильке у молодого солдатика.

— Все, чем нас вооружают, начинено новым элементом!

— гордо ответил француз. — Все заводы и фабрики работали без передышки тридцать восемь часов.

Зильке покачал головой с весьма странным выражением лица. Но пробраться на аэродром гражданского и дипломатического авиосообщения ему все-таки не удалось: командир поднял белый платок, и ласточки, одна за другой, принялись вылетать в небо. Задрав головы, тысячи людей глядели, как белые птички описали дугу, собрались стайкой, выстроились треугольником и плавно понеслись через Рейн к западной границе, где их поджидала целая воздушная флотилия.

Тут только Зильке выбрался из толпы и добежал до своей машины. Летчик выслушал его, выпучив глаза.

— Да ведь это сумасшествие! — воскликнул он. — Вылететь я вылечу, но мы с вами покатаемся в облаках не хуже Юпитера-громовержца. Ведь вся воздушная полоса объявлена зоной газовых действий. Зангезур принадлежит Союзу. Даже если мы до него доберемся, нас не подпустят к нему на пушечный выстрел.

— Садись! — упрямко ответил Зильке, хватая летчика за шиворот: — садись и делай свое дело, если не хочешь проплыть шлаком самого скверного сорта.

Они вылетели вслед за ласточками, и сторожевой авиопост остановил их на высоте тысячи метров. Зильке показал свои бумаги. Постовой офицер пожал плечами:

— Если вы надеетесь добыть еще несколько фунтов элемента — летите, мы во всяком случае гарантируем пенсию вашей вдове.

Через десять минут они неслись по широкой небесной дороге. Небо было явно взбудоражено и перевернуто во всех направлениях. Стальные птицы рвали его на части. Обла-ка плыли растрепанные, как после драки, и все небесное окружение носило в высшей степени расстроенный характер.

Зильке неотступно глядел в воздушный бинокль. Он видел млечный путь аэропланов, — тысячи военных воздушных судов, вытянувшихся лентой, кружком, треугольником, квадратом, роившихся стаями в стаях, комплексами в еще больших комплексах, и державших путь, как огромное звездное течение, к западной границе. Они круто повернули от этого страшного зрелища, и летчик направил Юнкерс на юг.

Между тем небо, видимо, не хотело сдаваться без боя и мобилизовало свои собственные силы. На горизонте появились три вертикальных черных черты. Через минуту они распустились в букеты, расплылись грозными черными тучами, и вокруг началась ужасная воздушная буря. Громовые раскаты грозили рассыпать стекла кабины. Молнии тыкались в Зильке раскаленными иголками, не доставляя ему этим ровно никакого удовольствия. Машина прядала все чаще и чаще, напоминая сердцебиение бегущего человека. Кончилось тем, что летчик заплутался в черной облачной стихии, руль сломался, и они стали нестись, неизвестно куда. Между тем наступала ночь, а прожектор бездействовал.

— Радуйтесь! — злобно прокричал летчик. — Недостает еще, чтоб мы врезались в гущу военной флотилии и нас приняли за врагов и подожгли в одну минуту, как блоху. Сумасшедший вы человек!

— Лети! — хладнокровно ответил Зильке, не отрываясь от бинокля. Сквозь черноту ночи он все-таки видел небесную дорогу и утешался поразительной быстротой полета. Они неслись таким способом всю ночь, а когда рассвело, увидели себя над плоской синей равниной. Четыре маленьких аэроплана окружали их с четырех сторон. Они стали медленно приближаться к Юнкерсу, покуда не взяли его на прицел.

— Так я и знал, — прошипел летчик через полчаса, когда они были снижены на аэродром красивой горной деревушки северного Кавказа, на берегу Черного моря. — Можете грызть свой локоть. Вы попадете теперь в Зангезур после того, как будете расстреляны, повешены или четвертованы. Мы в руках у Союза.

Оцепившие их люди, между тем, вытащили Зильке из кабинки и под револьверным дулом повели обоих путешественников в комендатуру.

— Неужели они так счастливы нашей поимкой? — удивленно прошипел летчик. — Взгляните-ка, спятили они, что ли?

В самом деле, пока их вели, они увидели всю деревню, танцевавшую, певшую, маршировавшую по улицам — с флагами, музыкой, цветами, знаменами. Дети подскакивали на поляршина от земли. Девушки обнимались и целовались с юношами. Балконы утопали в коврах. И повсюду и отовсюду летали в воздухе крупные красные розы, гвоздики, глицинии. Это походило на сплошное безумие.

Но, когда и в комендатуре при виде них обрадованно расхохотались, — удивление Зильке и летчика перешло в ужас: «Не попали ли они в поселок сумасшедших?».

Между тем красноармейцы уперли руки в бока, затрясли головами и чуть не лопнули от смеха, растягивавшего им рот до самых ушей. Вдруг один подошел, взглянул на Зильке, сунул руку в карман и...

— Расстреляют! — пронеслось в голове у тощего любителя номенклатуры: — расстреляют, и я пролечу, как метеорит, в неизвестное пространство!

Он закрыл глаза, чтобы достойно встретить смерть, как вдруг почувствовал у себя на губах нечто удивительно знакомое, липкое и сладкое,—это был шоколад.

— Ешь, чортов сын! — произнес красноармеец на отборном русском языке.

И вслед за шоколадом Зильке получил увесистый удар пирогом в зубы, флягу с вином, добрую корзину фруктов и — чорт знает какую — уйму жареной на вертеле баранины, именуемой этими варварами «шашлыком». Летчик и Зиль-

ке заработали челюстями, изумленно глядя друг на друга.

В эту минуту в комнату вошел молодой, сияющий командир. Он посмотрел на обоих с улыбкой и спросил на отличном немецком языке:

— Немцы?

— Немцы.

— Поздравляю вас, друзья мои! — ласково произнес командир. — В Германии провозглашена Советская республика!

Зильке и летчик вытаращили глаза, так и застыв с кусками баранины, напиханной за правую и за левую щеки.

Глава пятьдесят третья

СУД НАД ЛОРЕЛЕЙ

Грандиозные события, развернувшиеся в течение нескольких часов с момента объявления войны, положительно перевернули Бобу Друку всю его мозговую механику. Он ходил по улицам с открытым ртом, останавливаясь на каждом шагу. Инвалиды опять появились в Велленгаузе, — но только Велленгауз стал комендатурой города Зузеля. Дворец прокурора — реввоенсоветом красной зузельской авиармии. Особняк, одолженный фабрикантом рыболовных удочек министру Шперлингу, — отделом социального обеспечения, а страшный маленький дом в Зумм-Гассе, где он провел такие смутные, но и такие счастливые дни своей жизни, был теперь — ревтрибуналом.

И повсюду — в здании совета на Тюрк-Платц, как раз против Торгового представительства, — в комендатуре, нар-образе, исполнкоме, ревтрибунале засели его друзья- приятели инвалиды с рабочими-подпольщиками, рабочими- добровольцами, рабочими — членами компартии и союза «Месс-Менд».

Ни одного фашиста не разгуливало больше по улице. Пансион Рюклииг выдержал настоящую осаду. Дюрк, Гогенлоэ сидели в тюрьме. Шперлинг был мирно перенесен вместе с томиком Карла Маркса, ночными туфлями и женой в дом предварительного заключения, — не столько в качестве арестованного, сколько в качестве недобровольного свидетеля. Патрули немецких комсомольцев разгуливали по городу. И всюду с домов, балконов и башен развевался веселый красный флаг.

— Да, — сказал себе Боб, потирая переносицу. — Мик, видно, смеется своим раскатистым смехом, напевая песенку деревообделочников. И все-таки...

Все-таки он чувствовал легкую боль в сердце. Его часы показывали без десяти четыре. А в четыре часа он должен был быть в роковом домике на Зумм-Гассе, потому что се-

годня там судили военным судом — в порядке спешности, при полном составе военных комиссаров, в присутствии делегата рыбачьего населения, товарища Кнейфа, представителя от Месс-Менда, техника Сорроу, и его самого, в качестве приглашенного гражданского защитника, — Лорелею Рейнских вод.

Уныло поднялся Друк по невзрачным ступенькам. Круглая маленькая зала была полна. За перегородкой с четырьмя красноармейцами сидел злобный фашист — выхоленный секретарь подложного Карла Крамера — и кусал себе ногти.

Друк тихо пробрался на место и сел за стол. Вот они, рядом — молодые рабочие комиссары, старичина Сорроу, добрый Кнейф, — но ни один из них не смотрит на бедного Друка. Он должен сам справиться с бурей нелепых чувств, разрывающих ему сердце.

Звякнул колокольчик. Поднялся военный прокурор.

— Мы судим сейчас человека, именующего себя скульптором Апполлино из Мантуи. Он прибыл в Германию, по плану фашистов, в начале текущего лета и поселился в пансионе Рюклинг, где одновременно с ним жили другие фашисты: банкир Вестингауз и виконт Монморанси. Сколько нам известно, ему принадлежала какая-то главенствующая роль. Товарищ, введите преступника.

Боб замер. Все глаза обратились в сторону маленькой двери, откуда рыбак Кнейф торжественно вывел, точнее — вынес хрупкое очаровательное создание в бархатном камзоле, итальянском воротнике и серебряных пряжках на маленьких стройных ногах. Лицо его было бледно и смуглого, рыжие кудри падали на воротник. Скульптор Апполлино уселся за решетку, и тотчас же его глубокий, томный, бездонный взгляд устремился на Боба Друка.

Боб неуверенно поднялся с места. Глаза его блуждали.

— Я требую медицинской экспертизы, — начал он трепетным голосом, — скульптор Апполлино невменяем. Он действовал по чужому плану как исполнитель, но он столько же понимает в своих преступлениях, сколько пятилетний ребенок.

— Глупости! — произнес вдруг низкий, басистый, отвратительный голос, похожий на царапание ножей друг о друга.— Дурак! Я никогда не была и не буду исполнителем.

Боб, судьи, Кнейф — вздрогнули. Отвратительный голос принадлежал Лорелее. По лицу ее змеилась улыбка безумной гордости. Она продолжала хрипеть:

— Задавайте вопросы. Я скажу все. К чорту идиотскую канитель!

Друк упал на стул, раздавленный тошнотворным чувством омерзения. Он вылечился в один миг от первого звука.

Обвинитель начал допрос,

— Вы скульптор Апполино из Мантуи?

— Нет!

— Назовите ваше настоящее имя!

— Я — Клэр Бессон.

— Вы дочь сумасшедшего Грегорио Чиче?

— Великого принца Чиче!

— Расскажите нам историю убийства Пфеффера. Каким документом вы завлекли его в Зузель?

— Ха-ха-ха! — расхохоталось существо ржавым смехом, от которого у судей задрожали мускулы, а Кнейф судорожно дернул револьвером. — Нет ничего легче. Я пригрозила, что опубликую в германской печати его письмо к министру Шперлингу, написанное десять лет назад.

— Не можете ли вы прочесть нам это письмо?

Лорелея сунула руку в камзол и бросила судьям окровавленный, грязный лист бумаги. Главный обвинитель брезгливо поднял его двумя пальцами и прочел вслух:

«Дорогой Куртельхен!

Сегодня утром я подумал: вот подходящая минута для революции. Эта мысль пронзила меня до такой степени, что я топнул ногой и заходил взад и вперед по комнате... Тсс!

*Твой неукротимый
Муми Пфеффер.»*

— Чорт побери! — воскликнул обвинитель. — Примите эту гадость!

Он с отвращением бросил письмо секретарю и выждал, покуда не умолкнут громовые раскаты хохота. Потом он обвел судей глазами.

— Не прошло и года, товарищи, как мы с вами читали о нашумевшем процессе принца Грегорио Чиче. Мы видели тогда перед собой выродившегося человека, почти утратившего человеческое обличье. Взгляните на его дочь. Вот список ее преступлений: живя под чужим именем в пансионе Рюклиинг, она организует и приводит в исполнение убийство министра Пфеффера. Далее, она прокрадывается к следователю Карлу Крамеру и убивает его вместе с его секретарем. Пользуясь тем, что Крамера никто не знает в лицо, благодаря его любви к рекламе и гримировке, она принимается за выполнение роли Карла Крамера и сама ведет следствие об убийстве Пфеффера. Она назначает француза Растильяка на провокационную роль, а потом, чтобы усилить эту провокацию, подвергает его гипнозу и убивает. Она пытается отравить приехавшую из Померании мать Карла Крамера. Наконец, она с первого же дня гипнотизирует нашего сыщика, Боба Друка, связывая его волю и заставляя служить себе. Когда же узнает, что он стал опасным, пытается убить и его, погубив вместо него двух несчастных инвалидов. Но как она убивает? Ручки ее слишком чисты для этого. Дитя дегенерата, безумца и шарлатана, она пускает в ход дьявольское изобретение — сирену со столь невыносимым звуком, что он действует на психику особым образом, мгновенно сводя с ума и заставляя людей душить друг друга и самих себя. Мысль изобрести такое орудие убийства взята из глубокой древности. Медицинская экспертиза привела мне данные об убийствах, циркулярном помешательстве и пытках посредством звуковых явлений. Спрашивается, для чего была произведена вся эта цепь бессмысленных убийств, все это кошмарное хитросплетение ужасов? Для того, чтобы свалить вину на Советский Союз, очернить республику рабочих и вызвать против нее войну, которая задушила бы и стерла с лица земли миллионы про-

летариев. В вашем приговоре, товарищи, я не сомневаюсь, и чем скорее он будет произнесен, тем лучше. Но тут я подчеркну еще одно обстоятельство. Против нас борются две силы: одна — лицемерно-фарисейская, считающая себя демократизмом. Она идет против нас, пользуясь черной помощью другой силы, дегенеративно-уголовной, фашистской. Наши враги — фарисей и дегенерат. Один пользуется другим, и ни тот, ни другой не хотят нести полной ответственности. Думается мне, товарищи, что лучшим судом будет, если мы, наконец, поставим их друг против друга и заставим свести между собой дружеские счеты... Товарищ Кнейф, приведите сюда великого министра Шперлинга!

Глава пятьдесят четвертая

ОДНИМ ВЕРЕВКА И ДРУГИМ ВЕРЕВКА, ИЛИ ТОРЖЕСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ

— Милейший виконт! — шипел банкир Вестингауз, стоя в палатке Монморанси и ядовито сверкая глазками: — вы тратите колоссально много энергии на то, чтобы воздержать себя от действий. Положительно, вы — самоубийца!

Монморанси лежал недвижно.

— Очнитесь! Землетрясение! Радиотелеграмма! Союз будет уничтожен и испепелен. Вчера воздушная эскадра соединенной армии вылетела с баллонами на Россию. Я получил предписание поднять Закавказье и отрезать бегство советских главарей в Азию!

Эта длинная речь продолбила, наконец, нервы виконта, и он приподнялся на подушках.

— Тем лучше, — пробормотал он довольным голосом. — Я смогу вернуться, чтоб получить наконец корону Франции. Это будет... презабавно. Я давно не видал Версаля.

— Но до тех пор нам надо работать! Где, чорт побери, наши восточные идиоты? Отчего они не дают вестей? Куда делась крошка? Я не видел ее весь вчерашний день. Не видел во время землетрясения. Не видел ночью. Надеюсь, Луи...

— Ах, отстаньте! — раздражительно прервал виконт: — я сам на это надеюсь. Где мой Поль? Почему вы не привели Поля, если намерены поднять меня в четыре часа утра?

Но Поль уже поднял полог и стоял, как изваяние, выпучив на виконта рыбьи глаза.

— Ваше сиятельство! — шепнул он испуганным голосом: — мадам Вестингауз засыпана в шахте вместе с ученым доктором. Скалы взрывают динамитом. Какие-то люди с винтовками рыщут по заводу и хотят вас арестовать. — Вестингауз и Монморанси вскрикнули. Поль стащил своего хозяина с постели, в то время как банкир кинулся в свою палатку.

Но что же это такое? Наперегонки идут военным шагом скверные, черномазые людишки в красноармейских мундирах. Они хватают его за шиворот, трясут, приподымают от земли.

— Мерзавцы! — зарычал банкир. — Американского подданного? Не сметь! Прочь!

— Вы — пленник и арестант, — проговорил командир на английском языке. — Вы открыли, пользуясь правом концессионеров, химический и пороховой заводы, подготовляли восстание, орудовали, как фашист. Следуйте за нами.

Вестингауз запахнул полы своего халата и презрительно оглядел командира.

— Я последую за вами впредь до той поры, когда...

— Когда вас повесят, — холодно закончил тот. — Война кончена. Германия присоединилась к Советскому Союзу. Во Франции идет гражданская борьба, и не сегодня-завтра там будет Советская Республика.

Банкир присел на корточки. Он позеленел, как груша. Через несколько минут его палатка превратилась в тюрьму. Потомок Бурбонов полуодетый лежал в кресле. Банкир бегал, как сумасшедший, из угла в угол. Лакей Поль, вытянувшись, стоял в дверях. Вокруг палатки ходили патрули.

— Чорт! — шипел Вестингауз, — это провокация! Не верю. Не верю!

Между тем лакей Поль усиленно трудил свои мозги. «Мое впечатление опять начинается, — думал он про себя, — их повесят, а я освобожусь. Теперь или никогда. Ну-ка!»

С этой трезвой мыслью он вкрадчиво взглянул на банкира.

— Не извольте волноваться...

Вестингауз остановился.

— Если вы сможете вознаградить меня, — смиренно шепнул Поль, — я вам открою великую тайну.

— Ну? — процелил банкир.

— Ваша жена... Дайте мне чек на сто тысяч франков!

— Дурак, — вскрикнул Вестингауз, швыряя в лицо лакея пачками деньги. — Олух! Говорите!

— Ваша жена и есть главный заговорщик. Это она свистнула на пароходе. Она подговорила рабочих, она...

— А, собака! Ты это знал и молчал, — взвыл Вестингауз диким голосом и, схватив со стола самородок зангезурской меди, весом в пять кило, запустил им в голову Поля. Удар пришелся по темени. Поль свалился, не пикнув, и покинул злополучный мир как раз в ту минуту, когда руки его сжимали полную пригоршню кредиток.

Полог шатра приподнялся. На пороге выросли красноармейцы. Они молча оглядели маленькую группу. Один из них достал лист бумаги и прочитал:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННОГО СУДА ЗАНГЕЗУРСКОЙ АВИОАРМИИ:

Банкир Вестингауз, член комитета фашистов, участник заговора против Союза, — приговорен к смертной казни через повешение. Гражданин Монморанси, член комитета фашистов, участник заговора против Союза, претендент на французский престол, — приговорен к смертной казни через повешение. Гражданин Поль...

— Да он умер! Выведите арестованных на место казни.

Красноармейцы обступили виконта и банкира. Вестингауз дико вскрикнул и упал в обморок. Монморанси оглядел палачей с вежливым спокойствием.

— По крайней мере, — сказал он медленным голосом, — мне не придется умереть своей смертью!

И достойный потомок Бурбонов позволил палачам поднять себя на руки и потащить к месту казни.

Между тем другой отряд красноармейцев во главе с рабочими медных рудников рыскал по исковерканной, перевернутой землетрясением, неизвестной местности, взрывая скалы, стучая молотками, оглашая воздух зовами и криками. Они искали погребенных рабочих.

Наконец, они добрали до круглой земляной ямы. В утреннем свете на дне ее были видны очертания безжизненных человеческих фигур.

— Веревку! — крикнул красноармеец. — Братцы, спустите меня вниз!

Через полчаса Ребров и рабочие были вытащены из ямы, оживлены глотком крепкого рома и согреты сияющим утренним зангезурским солнцем. Но ни Грэс, ни Лори не находились в их числе.

Глава пятьдесят пятая

ГРЭС ВЫХОДИТ ИЗ КЛАССА

Грэс пришла в себя от какой-то мягкой подушки, залепившей ей лицо. Подушка перевалилась на шею и замурлыкала. Это был ее собственный кот, ободранный, голодный и холодный, отыскавший свою хозяйку после многочисленных похождений на воде и на суше.

Грэс вздохнула и приподнялась. Тело ее ныло, голова кружилась. Она увидала себя в небольшой расщелине, рядом с безжизненным телом Лори. Лицо его было спокойно и розово, губы сжаты, брови нахмурены. — Лори спал обычновенным человеческим сном. Грэс схватила кота и посадила его на Лорину грудь.

Почетный корреспондент Грэс немедленно поднял хвост, затрубил песню и пошел колесить по новому месту, пока не добрался до подбородка. Здесь он остановился, поднял лапку и мазнул Лори по носу. Вслед за этим последовало чиханье, потом зевота, потом богатырская гримаса, и веки Лори приподнялись над смеющимися глазами.

— Мы спасены! — прошептала Грэс. — Надо встать и выкарабкаться.

Лори повернул к ней голову. Это был нежный, детский взгляд, длившийся только секунду. Он вскочил, подавая ей руку.

— Но что с вами? — вырвалось у него изумленно.

Грэс была полураздета, платье ее висело клочьями, ножки голы и исцарапаны, волосы полны земли и камней. Он посмотрел вниз, на самого себя: у пояса его висели обрывки каната из лоскутьев женского платья, чулок и лент.

— Повидимому, вы тащили меня на своих плечах, — проворчал он странным голосом, — нелепая женщина!..

— Спасибо, — ответила Грэс насмешливо. — Это была величайшая нелепость с моей стороны, тем более, что вы могли бы там задохнуться, не вытащи я вас из гранитной жильи.

Лэн не ответил. Он помог ей встать, взял ее под-руку и сделал несколько шагов из расщелины. Кот бежал перед ними, трубя песню и показывая дорогу. Они шли, тесно прижавшись друг к другу, и ничуть не спешили выбраться. Лори молчал.

Но вот расщелина кончилась, и перед ними, как на ладони, открылась долина рудников, горный склон, увенчанный палатками, крытые белые тропинки, полные каких-то незнакомых людей с палками, шестами и мулами. Лори остановился и повернул к ней голову.

— Сейчас эти люди будут здесь. Поцелуйте меня, милая! Только один разочек, как тогда!

Он глядел умоляющим взглядом на ее губки. Ей нравилось видеть его бледным, тихим, просиящим. Она, улыбаясь, приблизила свое лицо к его побледневшему, серьезному, изменившемуся лицу и вдруг звонко расхохоталась и оттолкнула его от себя.

— Не думаете ли вы, Лори Лэн, что это зверская эксплоатация с вашей стороны, эксплоатация беззащитных людей другого класса?

С этими словами она легко, как козочка, прыгнула вниз и исчезла за поворотом.

Лори провел рукой по лицу. Он не успел ни ответить, ни опомниться, как толпа его старых товарищей, с Ребровым во главе, показалась на тропинке. Все были спасены, все до единого, — кроме старого Гнейса.

— Лэн, дружище, обнимите меня!.. — крикнул Ребров взволнованным голосом. Глаза его сияли. — Мы не напрасно потрепали наши косточки в этой проклятой шахте! Война начата и кончена! Союз победил! В Германии и Франции борются за советский флаг!

Лэн вскрикнул и, как сумасшедший, кинулся на шею Реброву, переходя из рук в руки.

Никто не пострадал слишком сильно. Истощеных вели красноармейцы. Они шли и шли, обнявшись сплошною цепью, пока не показались перед ними ворота медных рудников, с часовым у входа. И в ту же минуту, — не успели они распахнуть их, — во всю мочь зазвонил сигнальный коло-

кол металлургического завода. Он гудел, будя тысячекратное эхо.

— Что это значит? — крикнул Ребров. — Вперед, ребята! Толпа кинулась на звон и остановилась в изумлении.

Под сигнальным колоколом, с веревкой в руках, стояла бледная кудрявая женщина, с плащом, накинутым поверх лохмотьев. Она глядела на рабочих упрямymi серыми глазами.

— Я зазвонила в колокол... — голос ее дрогнул и прервался. — Зазвонила в колокол, чтоб обвинить вот этого человека!

Маленькая ручка указала на бледного Лори, выступившего из толпы.

— Этот человек — отец моего будущего ребенка! И он хочет, чтоб я — тунеядка, паразитка, капиталистка, жена банкира — воспитала нового лишнего человека для враждебного вам класса, потому что он не хочет взять ни меня, ни его!

— Чорт возьми, Лори, — пробормотал Ребров, поворачиваясь к своему другу, — теперь вам придется...

— Вывести меня из буржуазного класса! — победоносно закончила Грэс, кидаясь на грудь к Лори Лэну.

Глава пятьдесят шестая

НЕОБЫЧАЙНОЕ ОТКРЫТИЕ ЗИЛЬКЕ

Толпа не успела еще опомниться, как в воздухе застекотала белая стрекоза, снизилась, раскрылась и выпустила на полянку тощего слугу доктора Гнейса.

Зильке был взъерошен и зол, хотя петлицу его и украшала красная ленточка, а его спутник, молодой красноармеец, обращался с ним чрезвычайно почтительно.

— Кто тут есть? — обратился Зильке к толпе. — Я подразумеваю, кто тут есть из концессионеров. Где доктор Гнейс?

— Говорите нам все, что собирались выложить концессионерам, — ответил Ребров по-немецки. — Лори, подойди сюда на минуту!

Зильке узнал Лори и торжественно поздоровался.

— Дело идет о важном предмете, — начал он. — Схватите эту пакостную роговую обманку, эту пучеглазую раковину, эту известковую насыпь и тряслите ее до тех пор, пока не пропустите через сито, чтобы она призналась в своих обманах!

— О ком идет речь?

— Надувальян! Хватайте Надувальяна!

— В самом деле, где наши азиатские приятели? — проговорил Ребров. — Повидимому, их еще не схватили и не арестовали.

Красноармейцы и рабочие кинулись к складу. Им пришлось стучать до тех пор, покуда тетка мосье Надувальяна с завязанным ртом не раскрыла двери. При виде их она подскочила к жаровне, на которой кипел огромный таз с вареньем, и уронила от страха ложку. Красноармейцы, Зильке, Ребров и Лори прошли мимо нее, в главный склад Надувальяна. Они шагали по осколкам стеклянных фляконов, отодвигали столы и стулья, пока не добрались до темного угла, где горела свеча, воткнутая в бутылку ширванского вина. Надувальян, Куркуреки и Мусаха-Задэ, сидя на

корточках, играли в карты. Все трое были пьяны, как стельки.

Увидя винтовки, Куркуреки испуганно закашлялся.

— Сто пятьдесят тысяч солдат... Восстание организовано... Завтра еду в Борчалу...

— Молчи! — дернул его Мусаха-Задэ за полу черкески: — это совсем не те люди, а как раз наоборот.

— Вы арестованы! — произнес командир. — Ребята, обыщите их!

Красноармейцы живо опрокинули пьяниц на спины и выпотрошили их карманы, сапоги и пояса.

— Что это такое? — изумленно вопросил Ребров.

В кармане мосье Надувальяна покоилось несколько расписок с печатями и за подпись Исполкома СССР Армении:

«Принято от гражданина Надувальяна 40 (сорок) тысяч рублей на выписку градобитной пушки из Италии.»

«Получено от гражданина Надувальяна сто тысяч рублей на прорытие Сардарабадского канала.»

«Получено от гражданина Надувальяна на улучшение ширванских виноградников 58 000 фунтов стерлингов...»

Надувальян мрачно глядел на Реброва.

— Оставь, душа, — произнес он заплетающимся языком, — мои деньги. Куда хочу, туда даю!

Между тем красноармейцы опустошили карманы полковника Мусаха-Задэ и князя Нико Куркуреки.

— Чорт побери — и тут расписки! — воскликнул Ребров веселым голосом.

«Получено от Мусаха-Задэ на улучшение конного завода Азербайджана сто тысяч долларов.

Бакинский Чусоснабарм».

«Получено от Нико Куркуреки сто тысяч долларов на музей национальной грузинской культуры.

Тифлисский Наробраз».

— Черти! — насмешливо проворчал Зильке, — вот они на что ухлопали денежки Европейской Лиги.

Нико Куркуреки и Мусаха-Задэ стояли, потупившись, и теребили рукоятки кинжалов.

— Но это еще не все! — завопил Зильке, прерывая веселый хохот красноармейцев. — Спросите этого пьяного борова, куда он девал наш лэнний. Потому что, — слушайте, братцы! — я случайно разбил один из баллонов, присланный этой роговой обманкой, — и он оказался не из хрусталия, а из стекла. А я остался в живых, хоть облизал изрядное количество ядовитого сиропа, на вкус, ей-ей, даже очень сладкого!

На этот раз Лори и Ребров вздрогнули.

— Что это значит?

— А то значит, — хитро ответил армянин, подмигивая пьяными глазками, — что Надувальян не дурак. Зачем, скажи, отдавать драгоценный металл чужой державе? Зангезур родил, Зангезуру останется. Ни одной капли не отдал никому. Все зарыто в землю, до последнего флакона.

— Что же вы посыпали с курьером в Зузель, отпетый вы жулик? — вскрикнули Ребров и Лори в один голос.

— Кизиловое варенье.

С этими словами он спокойно уткнулся в угол и захрапел.

— Но... — обратился ошеломленный Ребров к молодому командиру, — объясните же мне, тысяча чертей, как победил Союз Европейскую Лигу, если ни одного вражеского снаряда не было испорчено лэнием?

— Не понимаю, о каком лэнии идет речь, — ответил вояка, вытаращив глаза на Реброва. — Дело было проще простого. Французы, немцы и англичане передрались друг с дружкой. Армия перешла на сторону рабочего класса, арестовала командный состав и вернулась на родину. Ни один

вражеский аэроплан не долетел до нашей границы.

— Братцы!.. — воскликнул Лори, повернувшись к металлистам. — Братцы! Дайте-ка мне хо-о-рошенький подзатыльник! Ведь победил-то не лэний, а Ленин!

1924 г.

Кисловодск — Ленинград.

Примечания

Роман М. С. Шагинян (1888-1982) «Лори Лэн, металлист» вышел в 1925 г. в Государственном издательстве (М.-Л.) девятью «выпусками», опубликованными под псевдонимом «Джим Доллар» со следующими заглавиями:

- Вып. 1. Жена банкира
- Вып. 2. Человек в кимоно
- Вып. 3. Хрустальная чаша
- Вып. 4. Успехи сыска
- Вып. 5. Воен.-хим.
- Вып. 6. Люди лиги
- Вып. 7. Гнездо бриллиантов
- Вып. 8. Тайна Лорелей
- Вып. 9. Последний бой

В 1927 г. роман вышел отдельной книгой, опубликованной под тем же псевдонимом ленинградским издательством «Прибой».

Роман публикуется по «Собранию сочинений» 1935 г. Текст дан без изменений, за исключением исправления некоторых опечаток. В оформлении обложки использован коллаж А. Родченко, иллюстрировавший обложку одного из выпусков романа «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» (1924).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.